

2

УДК 784.071.1

ББК 85.314

*Фотографии предоставлены из личного архива В. С. Алиева
и музфонда Союза композиторов России*

По заказу Союза композиторов России

Автор выражает благодарность ООО «Лукойл — Калининградморнефть»
за финансовую поддержку

Чиркова Е. В.

Император романса: о жизни и творчестве нар. артиста России В. Алиева/ Е. В. Чиркова.— Калининград: ФГУИПП «Янтарь, сказ», 2003. 220 с.: портр.

ISBN 5-7406-0806-6 : Б. ц., 1000 экз.

УДК 784.071.1

ББК 85.314

Книга рассказывает о жизни и творчестве одного из ведущих европейских камерных певцов, народного артиста России Валерия Алиева — автора уникальной «Антологии мирового романса», создателя международного конкурса камерного пения «Янтарный соловей», Камерного театра Валерия Алиева, чей голос навечно хранится в золотом фонде русского радио.

Книга будет интересна не только музыкантам и певцам-профессионалам, но и широкому кругу читателей.

Когда-то, услышав Валерия Алиева на Ленинградском конкурсе камерного пения, я сказала: «Это тот исполнитель, который может обогатить нашу школу камерного пения подлинными замечательными достижениями».

Сегодня я счастлива, что он полностью мое предсказание подтвердил: когда меня спрашивают, кто в наше время лучший представитель камерного вокала, я сразу вспоминаю Валерия Алиева.

Еще тогда, в Ленинграде, он удивил меня редкой тонкостью и тактом в выражении чувств, — обычно певцы грешат излишней экспрессией, играя эмоциями там, где требуется высокое мастерство и осмысление фразы. Валерий счастливо умел этого избежать уже в начале своей вокальной карьеры.

Мне было необычайно приятно, когда он в первый раз позвонил мне и попросил прийти на урок, чтобы спеть для меня. И после этого, вот уже много лет, несмотря на все свои заслуги, он считает необходимым хоть изредка, но приехать ко мне, чтобы поработать над голосом. Эта работоспособность достойна Большого мастера! Его голос и сегодня необычайно красив, он волнует... Замечательный певец!

Недавно он прислал мне несколько своих последних дисков, — какая прелесть!

И великое дело для сохранения и развития камерного пения у нас в стране — международный конкурс «Янтарный соловей», который уже много лет проводится в Калининграде Валерием Алиевым.

Я уверена: искусство камерного пения не угаснет, потому что его эстафета передана в надежные руки. А благодаря «Янтарному соловью» и у Валерия Алиева появятся такие же достойные преемники.

*Лауреат Ленинской и Государственной премий,
народная артистка СССР, профессор
Зара ДОЛУХАНОВА*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(прелюдия)

Император романса

(газета «Культура», май 2001 г.)

Народному артисту России Валерию Алиеву исполнилось 50 лет. Половину из них он посвятил империи романса.

Оперный певец — это певец, а камерный — это инструменталист. У него есть свой инструмент, с которым он на эстраду не выходит, а прячет дома, под роялем, и вынимает во время репетиций. Это волшебное стекло Левенгугка, перед которым в свое время расступился макромир. Певец проникает в невидимый, неведомый микромир музыки; в результате в крошечном романсе Глинки появляются портреты действующих лиц, история их жизни, яркие клубки их страстей. Подумать, это пряталось за пятью словами!

Не будем голословны. «Признание» — маленький шедевр русской музыки. По традиции, особенно живучей на вокальных конкурсах, певцы на разный лад тужатся изобразить в нем любовь, любовь, любовь — эти три понятия. Не то Алиев. Его герой — не влюбленный слепец, а очень даже зрячий мужчина. И перед нами достаточно подробный портрет (может быть такое) молоденькой капризницы, перед которой он не в силах устоять. В принципе, Валерий Сейфуллаевич — музыкант академический, враг эстрадной декламации, он всегда пользуется «разрешенными» классиками средствами. Но, может, он и сам не замечает, как легкое кривлянье (голосом, этот мастер все делает голосом!) сразу определяет цену его «ангела». И другая мелочь: логическое ударение. В мелодии вроде бы кульминировано слово «несчастной» («И в этой глупости несчастной / У ваших ног я признаюсь»), а у него стоит акцент на «глупости». Похвалой глупости и предстает вечно молодой романс.

Штампов у Алиева вы вообще не найдете. Взять, к примеру, «Лебединую песню», чьи гениальные и просто замечательные трактовки составляют большой каталог. Взять, далее, из нее наипопулярнейшую «Серенаду» на слова Рельштаба. На слуху самодостаточность этой прекрасной мелодии, ее невероятная устойчивость. Слушатели просто убаюканы этой красотой. У Алиева она — само стремление, призыв, серенада в первородном виде. «Либхен, кому мир» — и все сказано.

Пусть тут за спиной у певца неисчерпаемый Шуберт, который позволяет и то, и это. Но вот, например, Вертинский тоже, получается, позволяет, чтобы в его позднем «Желтом ангеле» в исполнении Алиева на глазах ожила цепочка маленьких трагедий из коллекции русского романа XIX века, которые слезками капали сто лет с этой цветущей ветви национальной музыкальной культуры.

Но существует телеверсия «Желтого ангела» с поющей актрисой, дальней родственницей Вертина, которую представил Михаил Козаков. В ней перспектива абсолютно исчезла, чего нет в безукоризненном исполнении Алиева. Песни Вертина вперемежку с его письмами вошли в популярный фильм, снятый об Алиеве в Польше.

В кантатах Баха, ораториях Генделя Валерий Алиев поет басовые партии. Но уже первые редакторы радио, которые начинали делать записи певца в 1980-х годах, обратили внимание на тембровую расцветку его голоса. В Шуберте по тембру он воспринимается как лирический баритон. На дисках так и стоит: бас-баритон.

Значительные басовые партии его биографии — в IX симфонии Бетховена, «Реквиеме» Верди. Верди он пел в Барселоне после международного конкурса имени Франсиско Виньяса (в рамках которого проводился шубертовский конкурс певцов). Алиев побеждал не на одном конкурсе, но этот любопытен тем, что из 30 участников на третий, заключительный, тур был допущен только... один исполнитель, а именно наш герой.

В фондах радио хранятся отличные записи циклов «Зимний путь» и «Прекрасная мельничиха». Наконец-то отдельным диском выпущена «Лебединая песня». Эта пейзажная трактовка, без преувеличения, полна запахами полевых и лесных цветов. Натяжки здесь не больше, чем в отзывах о картинах барбизонцев, которые «пахли» грибами и мхом.

Очень соблазнительно считать Калининград, который благодаря Алиеву сейчас стал центром камерного искусства, современным Барбизоном. Его концерты в областном музыкальном колледже (где преподает постоянный концертмейстер В. Алиева Владимир Слободян) и в Концертном зале филармонии — это камерные вечера экстракласса, которые вдалеке от столиц задают тон целому направлению современного исполнительства.

Именно в Калининграде проходит раз в два года «Янтарный соловей» — международный конкурс камерного пения, жюри которого возглавляет В. Алиев.

Звонки председателю жюри — совсем не редкость в музыкальном мире,

8 чуть не сказала — бизнесе. «Там будет моя ученица, мой ученик...» «Ну и что», — думает председатель, вспоминая, как его педагог, профессор Евгений Крестинский, лениво попыхивая сигареткой, говорил: «Вот приедешь с конкурса, тогда я позвоню...»

На Первом Всероссийском конкурсе камерного пения В. Алиев получил вторую премию, а заместитель председателя жюри Зара Долуханова сказала в интервью: «Валерий Алиев — настоящее открытие конкурса. Это тот исполнитель, который может обогатить нашу школу камерного пения подлинными замечательными достижениями». Ну и зачем было Евгению Григорьевичу звонить, в самом деле?

Зара Александровна сейчас входит в авторитетное жюри «Янтарного соловья». На столе в кабинете Алиева стоит подаренный ею маленький пейзаж: оливково-розовые ветви в прозрачном воздухе, удивительная вода. Камерным артистам, видимо, близки принципы колористического мышления. Они видят синее, голубое и сиреневое там, где остальные предпочитают видеть только серое.

Вот у Алиева тоже в «Дне признаний» (из «Пяти романсов Шостаковича на стихи Долматовского») взыграл такой необыкновенный небесно-голубой цвет. Этого так трудно было ожидать от музыки, казавшейся пафосной.

А «Баркарола» на стихи Кукольника? Когда-то молодой артист получил за нее на конкурсе приз за лучшее исполнение обязательного произведения. Совсем недавно на своем апрельском юбилейном концерте Алиев к радости публики вновь ее спел в красивейшем органном зале филармонии. Краски («Уснули голубые») нисколько не потускнели.

И, как раньше, хороши были цензуры. Цезуры — это то, что Алиев всегда умел. Нелепо, может быть, говорить о дикции. Но только не по отношению к этому певцу, дикция которого безупречна.

В довершение перечня сильных сторон его искусства скажем, что на его яблонях, по поговорке, не растут апельсины. Растет то, что должно. «Певец часто несет свой голос. Нет, нести надо то, что написано».

Когда-то два молодых честолюбивых выпускника Горьковской и Ленинградской консерваторий, которых после распределения судьба свела в Калининграде, выучили неимоверное количество нот и решили попытать счастья на радио. Проявив настойчивость, они попали к зав. отделом камерной музыки и темпераментно представили «Песню молодцев» Владислава Казенина.

Это сейчас она стала шлягером дуэта, а тогда Казенин, Бернс, Алиев и Слободян были заподозрены в алкогольной пропаганде. По счастью, они смогли утихомирить «радийное» начальство чистой классикой и получить заказ на Глинку. В то время студии работали тщательно, за смену хорошо, если писался один романс. Перед нашими друзьями как-то записывался очень известный певец и не смог сделать ни одного как должно. Но спетые и сыгранные музыканты, которым к тому же и ночевать было негде — в московских гостиницах не было мест, ставили рекорды, писали по восемь-девять романсов за смену. Репертуар уже тогда у них был необъятный, в камерном пении до сих пор ни у кого такого нет — свыше 800 романсов.

Обидно видеть, что русская камерная лирика остается последней любовью интеллигентных старушек. А ведь русский романс — русский характер. Сколько толстых томиков может заменить танеевский «Когда, кружась, осенние листья» на слова Стеккетти? Исполнение Алиева и Слободяна можно признать эталонным.

Русский романс — русская история. Кто сейчас помнит о том, что когда-то люди писали друг другу музыкальные письма? Алиев поет совершенно забытого Калинникова («Письмо Василию Федорову», «Письмо П. Бларамбергу», «Письмо друзьям» и др.), и эти кратенькие театральные штучки соперничают с мемуарами.

Он служителем культа себя мыслит. Всплески музыкальной богемы его не касаются. Он серьезный человек. Застегнут на все путовицы в разговорах о своем искусстве. И вообще разговаривает мало, юбилеев стесняется. Вот петь, говорит, хочется.

Ирина Косминская

ГЛАВА 1. Оперная студия

Зеркало. Дверь в другой мир.
Нина Александровна Петерсон. Завод.
«Прощальная гастроль».

Театр. Вибрация зала в предвкушении действия, скрип кресел, шорох шелков и холодающие волны дорогих духов от проходящих дам. Я направляюсь к своему креслу в ложе — второму от прохода, и мужчина в смокинге приподнимается, чтобы пропустить меня на место.

Гаснет свет. Я не смотрю на сцену, обводя взглядом затихающий зал: у меня привычка в любом месте сразу отмечать тех, с кем потом можно переглядываться в особо проникновенные моменты. Мы незнакомы, но сразу узнаем друг друга, — одинокие души, которым тесен мир телесного. Так, я не могу один смотреть на волнующую меня картину, мне надо разделить с кем-то переполняющие меня чувства. Слов тут не нужно — достаточно взгляда.

Наконец на сцену выходит артист. И тут меня пронизывает током.

— Посмотрите, — задыхаясь, шепчу я соседу, и он недоуменно поворачивается ко мне, — тот, на сцене, — это я!

Я, мастер литейного цеха, сидящий в зале, и тот артист, уверенно кивающий аккомпаниатору, — одна и та же персона.

Я просыпаюсь и снова слышу за окном пульс ночного, незнакомого города. Кто я?

Ему девятнадцать. Он и вправду мастер литейного цеха в Брянске. Скоро он может сделать головокружительный взлет и стать начальником цеха. Для него нет ничего невозможного, он может все. Абсолютно все. В Брянске он учился в политехническом техникуме. Однажды в одной из центральных газет он прочел про парня, который экстерном сдал экзамены за десять классов и поступил в институт. На следующий день он нашел в городе школу, где принимали экзамены экстерном, и уже через месяц его аттестат об общем среднем образовании лежал в приемной комиссии политехнического института. Техникум он заканчивал параллельно с вузом.

ЗЕРКАЛО:

— Мне нравится смотреть на этого парня, когда он бреется — чер-

Оперная студия

ные глаза, затененные пушистыми ресницами, черные брови, прямой нос, свежий, сильный рот. Девушкам трудно устоять, когда, прикрыв нескромный взгляд ресницами, он приглашает их на танец. Впрочем, танцует он не часто, — чаще поет с эстрады под грохот оркестра, то на одной танцплощадке, то на другой. В Брянске он — звезда.

Сегодня, уже осененный званием народного артиста, он с завистью вспоминает себя молодого: вот где была слава! Когда он заходил в автобус или магазин, за спиной молодежь восторженно шептала: «Смотрите — Валерий Алиев! Тот самый!» Сегодня прохожие вежливо-равнодушно скользят взглядом — Алиев, Абдулов, Джигарханян… и бог с ними.

Я часто пытаюсь поймать его взгляд, когда он спешит мимо. Но взгляд его, как обычно, погружен в невидимые реки, их голос он слышит, их ветер дышит ему в лицо…

А тогда, в девятнадцать, он уверенно взбегал по лестнице, ведущей на Олимп. Ну и что, что самодеятельность, зато…

Зато он может спеть абсолютно все — от битловской «Oh, girl» до арии Кончака из оперы «Князь Игорь». Он ходит в студию эстрадной песни во Дворец культуры брянских машиностроителей, как в свою вотчину, — его всегда ждут, с его приходом все оживает, ребята из ансамбля дорожат его дружбой. До вчерашнего дня он был уверен — весь мир у его ног, нужно лишь сделать шаг. Но вчера…

Вчера, когда он спешил после смены на репетицию, его чуть не ударила распахнувшаяся дверь, он протянул руку, чтобы с силой послать ее назад… и время замерло. Прямо на него шла высокая девушка — длинное, до пола, черное платье, открытые плечи, косы, уложенные короной, — такая неожиданная в век стрижек и мини-юбок. В глубине комнаты краем глаза он заметил молодых людей во фраках, с бабочками.

Другой мир.

Слегка оглушенный, он не помнил, что и как пел в этот вечер, — все казалось мелким и незначительным в сравнении с той таинственной действительностью, которая открылась ему на мгновенье.

На следующий день он сам открыл ту дверь.

Здесь пахло старинными кружевами, забытыми духами и другим веком. За фортепьяно сидела сухонькая дама. На вид — лет семьдесят. Он уже успел узнать, что она — бывшая солистка Большого и, говорят, даже была пассией

12 самого Керенского. Теперь же Нина Александровна Петерсон владычиствовала в оперной студии ДК Брянского машиностроительного завода — в той студии, за дверью которой он успел заметить блистающее виденье.

— Здравствуйте, молодой человек! Что вы хотели?

— Мм-можно записаться в... Вы не принимаете в...

Дама, сидевшая у рояля, легко подняла скелетик, окутанный лиловыми шелками, и величественно прошествовала к нему навстречу:

— Да вы проходите, не держите сквозняк, — и она протянула ему свою птичьи лапку.

Он чуть было не поцеловал горсточку сухих костей, затянутых в кружевную перчатку без пальцев, но она со смешком ее отдернула.

— Не делайте того, чего не умеете. Вы кого-то ищете?

— Видите ли, я солист вокально-инструменталь... ного... Но хотел бы... к вам.

— Гм... — В ее глазах вспыхнула и погасла насмешка. — Эстрада — это ведь так интересно: слава, поклонницы, переполненные залы. Зачем вам оперная студия? Все равно вы ее скоро бросите — эстрада так просто не отпускает.

— Не брошу, я понимаю, что эстрада — это низшая ступень...

— Ну уж не скажите, — перебила она его. — Сама люблю Вергинского, — мастер! Я так понимаю, что вы хотите научиться петь? Ну, спойте что-нибудь.

— Арию Кончака?

— Господь с вами, молодой человек, что-нибудь из вашего эстрадного репертуара, — она вежливо опустила взгляд. — Только не тяните, ко мне сейчас на занятия придут.

Он не ожидал, что будет так смущен. Прокашлялся. Опустил глаза.

*Выюга смешала землю с небом,
Черное небо с белым снегом,
Шел я сквозь бурю, шел сквозь небо,
Но до тебя я дойду все равно...*

— Достаточно, молодой человек. Я слышу, что данные у вас есть. Но вынуждена огорчить — в студию я вас не приму.

И тут в нем проснулся привычный бесенок — горестный взгляд, взмах ресниц, опущенные плечи. Робкая попытка мольбы...

— Так, — со смешком, — а вы, оказывается, артист, молодой человек.

Оперная студия

Ладно, я вас не записываю, но можете приходить и присутствовать на занятиях, лукавец вы эдакий.

Потом однажды в ее расписании случится «окно», — кто-то заболел и не пришел, и она все с той же насмешливой гримаской протянула:

— Ну, Валера, давайте...

Из полутени чистилища, где он терпеливо маячил из вечера в вечер в ожидании звездного часа, наконец-то он был допущен в парадиз высокой школы. После первого арпеджио она удивленно взглянула на него через плечо и серьезно сказала:

— Еще раз. Сдерживайте звук. Открывайте рот не с фасада, а с тыла. Так. Еще раз. Дальше. Кстати, не стойте у рояля, как у буфетной стойки! Валерочка, в вас есть шарм, но вам еще требуется наждак. Посмотрите, как это делал Нэлепп... Легкость, раскованность, но без шарнирности. А вот так делал это...

И она показывала, как *это* делали Шаляпин, Пирогов, прочие кумиры ее молодости, и в маленькой фигурке проглядывала то щегольская небрежность душки-Шаляпина, то аристократическая сдержанность Нэлеппа, то декадентский надлом Лещенко.

Скоро в расписании студии возникло и его имя, написанное ее по-птичьи острым почерком, — *Валерий Алиев*.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Я всегда стремился добиваться поставленной перед собой задачи, поэтому был безумно рад войти в число основных солистов нашей студии. То время, пока я часами просиживал на стуле в углу класса в ожидании своего часа, не прошло для меня даром. Слушая других студийцев, я смог запомнить огромный репертуар, о котором ранее даже не подозревал.

В замечаниях Петерсон я старался запомнить и осмыслить каждое ее слово, обращенное к другим студийцам, пропустить через себя. Это терпеливое «высаживание» и прослушивание очень помогло мне в дальнейшем. Я восторгался голосами уже опытных певцов студии. Помню замечательный баритон Пети Королева, веселую хохотушку Веру Ольшевскую с ее «Мотыльком и фиалкой» Форе... Большой (во всех смыслах) бас Чурилина... Великолепное колоратурное soprano Ольги Ивановны Билеко, достойное любой оперной сцены... Красавицу Ларису Котову... Галину Чижик, Танию Фокину, Геннадия Леоновича, Наталью Сухову, Людмилу Жиркевич, Володю Винтухом...

ва, Лилю Медведеву, Виталия Скворцова, Соню Лагереву и других, составлявших профессиональный костяк студии. Позже в коллективах влились молодые талантливые ребята, которые смогли выйти на большую профессиональную сцену,— Владимир Власов, поющий в Самарском оперном театре; солистка московского Музикального театра под руководством Г. Чихачева, заслуженная артистка России Людмила Шлянцева, ее сестра Наталья, после Горьковской консерватории ставшая преподавателем в Брянском музыкальном училище...

И вот он в черном смокинге, с бабочкой. Перед ним — огни рампы, за ними — провал зрительного зала. Уши режет пронзительно пионерский голос ведущей: «Арно Бабаджанян! «Песня любви! Исполняет Валерий Алиев!»

И словно со стороны слышит свой голос:

*Выюга смешила землю с небом,
Черное небо с белым снегом,
Шел я сквозь выюгу, шел сквозь небо,
Чтобы тебя отыскать на земле...*

ЗЕРКАЛО:

— Только что кончился концерт, и он в том же смокинге, с бабочкой мчится на третью смену в свой литейный цех. Надо видеть лица рабочих, ошаращеных его нарядом среди грохота и гари огромного завода. Придет время, когда он будет краснеть при одном воспоминании об этом: концертный костюм станет для него тем же, что торжественная риза для священника, в которой негоже разгуливать среди мирской толпы. Но сейчас он стремглав пробегает мимо тусклого осколка зеркала в раздевалке, торопливо переодевается в рабочий пиджак и брюки и бережно вешает смокинг на плечики, прикрыв его на всякий случай старым, но чистым плащом. В цехе это совсем другой человек, словно грохот конвейера и отбойных молотков выбивает его из блестящего мира музыки, разноцветных огней рампы, аплодисментов. Здесь десятки людей исполняют его распоряжения, он строг и неулыбчив. Рабочие держатся с ним уважительно, но отчужденно, им не вдомек, что его независимый и немного надменный вид — от крайней его застенчивости. Словно очерчен круг, за границу которого не переступ-

Оперная студия

пить ни ему, ни товарищам по работе. Пройдет всего-то полгода, как они сами будут удивляться, что прежде шарахались от этого парня: отличный товарищ, хоть и не любитель поддержать междусобойчик в подсобке после аванса или зарплаты, мастер из себя знающий, и вообще...

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Только через призму прошедших лет можно трезво, с большей долей объективности оценить то, что когда-то произошло в твоей жизни.

Оперная студия Дворца культуры БМЗ. Два человека, создавшие этот невероятный оазис классической музыки в обычном ДК: Нина Александровна Петерсон и Елизавета Михайловна Доренская. Много лет назад первое общение с ними и со студией вызвало просто восторг, позже появилось желание стать в один ряд с ведущими, опытными певцами студии. Еще позже — стать лучшим. Впрочем, это желание было и есть у меня с малых лет. Но именно сейчас понимаешь, сколько сил и души надо было вложить этим двум женщинам, чтобы люди от станков, из заводских цехов, из аудиторий и кабинетов в любую погоду бежали на встречу с ними.

Нина Александровна смогла создать в своем классе атмосферу, по-видимому, напоминавшую ей атмосферу Большого театра. Все было абсолютно серьезно: занятия походили на некое действие, в которое с трепетом вступали все студийцы. Расписание репетиций, занятия вокалом с упражнениями, специально подобранными для каждого ученика, отчетные концерты, торжественные «гостиные», на которые было невозможно попасть, музыкальные спектакли, камерные вечера — все это было живо душой и талантом Нины Александровны.

И всегда рука об руку с ней — еще одна потрясающая женщина, наш концертмейстер Елизавета Михайловна Доренская. Она замечательно дополняла Нину Александровну, хотя и была во многом ее противоположностью. Старомодной чопорности Петерсон она противопоставляла добродушие и какую-то домашнюю теплоту. Она выполняла всю черновую работу, разучивая со студийцами, которые, в основном, музыкальной грамоты не знали, их партии, песни, романсы. Подготавливая материал, она попутно вкладывала в нас и ос-

новы нотной грамоты, рассказывала о композиторах. На концертах с ней было так же спокойно и уютно, как в классе. Надежно.

Она и сама нередко участвовала в наших спектаклях как актриса, причем вполне профессиональная. В оперетте Жарковского «Морской узел», поставленной силами нашей студии на сцене ДК, она с блеском исполняла роль старшей медсестры санатория. При этом одинаково хороша она была и как драматическая актриса, и как певица.

К сожалению, время берет свое. Мы простились с этими двумя необыкновенными женщинами. Жизнь студии с их уходом начала постепенно меняться. Студия по-прежнему радует многочисленных любителей классической музыки своими концертами, спектаклями, но все же сегодня это уже далеко не тот волшебный оазис, в который нас так тянуло. Неправда, что незаменимых людей нет.

На заводе, наверное, не слишком-то были довольны новым мастером: никаких посиделок за пивом, только отбарабанил смену — и как сквозь землю. Артист.

Действительность неслась ему навстречу со сверхзвуковой скоростью:

Завод. Репетиция с ансамблем. Церковный хор. Оперная студия. Танцевальная площадка в парке и танцы в ДК.

Что ж удивительного, когда через два года мечты о карьере в литейном цеху Брянского сталелитейного завода рассыпались подобно засохшему букету.

Как раз в ту пору в Брянске выступал Ансамбль песни и пляски ПВО Московского военного округа. Валерий решил испытать свою судьбу, и... его пригласили солистом ансамбля.

Покидая Брянск, он заказал свою первую афишу:

Валерий АЛИЕВ!

ПРОЩАЛЬНАЯ ГАСТРОЛЬ!

«Прощальная гастроль» приходилась в аккурат на предновогодний бал. Программа сольного концерта из двух отделений была огромна, зал Дворца культуры брянских машиностроителей ломился от публики. Первое отделение — оперные арии и романсы, второе — эстрадная часть, вся из шлягеров сверхпопулярных в те годы Магомаева, Ободзинского, Королева. Аккомпанировал эстрадный ансамбль Дома культуры «Вечерние звезды» под руководством трубача Владимира Жбанова.

Оперная студия

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Первый сольный концерт — это как первая брачная ночь. Здесь все впервые, все незабываемо: закрыв глаза, я и сейчас могу вспомнить шум зала, наряды зрителей, запах сцены и, конечно, все, что я тогда исполнял.

Удивительно, но молодежь, которая забила зал Дворца культуры до отказа, с восторгом принимала не только второе, эстрадное, отделение, но и первое, где звучала чистая классика: романсы, арии из опер. У рояля — наша замечательная Елизавета Михайловна, которая одним взглядом, кивком головы так поддерживала меня в эти страшно ответственные минуты.

Ну а второе отделение, эстрадное, — это триумф, непревзойденный мною и по сей день. Я пел самые последние новинки эстрады, не успев даже толком выучить все слова. Но это было и необязательно. Достаточно было гитаристу взять первый аккорд к песне Арно Бабаджаняна «Благодарю тебя» и публика уже взрывалась овациями. А «Свадьба» пелась хором всем залом, главное было кое-как добраться до знаменитого припева, и зал содрогался от нескольких сотен голосов:

*А это свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала,
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе было места мало,
И неба было мало, и земли...*

Потом шли «Червона рута», «Не плачь, девчонка», «История любви», «Эти горестные проводы» и другое... И цветы, и восторженные слезы поклонниц, и первые автографы...

Жаль, что не сохранилась та, самая первая, афиша.

ГЛАВА 2. Небесный камертон

*Увольнительные в храм. Воскресенская церковь.
Жора. Московские зеркала.*

Армейские занятия искусством Валерия очень скоро разочаровали, как может разочаровать любителя прогулок строевая подготовка. Распевка бодрым хором, тогда как он привык распеваться один, более чем специфический репертуар... Так можно было и голос потерять.

Отдушиной стал церковный хор. Ансамбль песни и пляски базировался в Смоленске. В одно из воскресений, гуляя в одиночестве по городу, Валерий вышел к Успенскому собору. Негромкая красота соразмерности заставила его остановиться — остров молчания среди городского шума. Притяжение было слишком велико, чтобы пройти мимо. Он вошел под своды, знакомо пахнувшие воском и ладаном. Дьяк у аналоя не то пел, не то читал псалтырь. Свечи ровно горели под иконами старого письма, голос дьяка возносился к сводам и стекал оттуда тяжелыми каплями меда.

Регент, высокий длинноволосый человек с быстрым взглядом, только руками всплеснул:

— Бас! Молодой человек, я нескованно рад, что вы пришли к нам! Вы только послушайте, как в этом храме голос звучит! Кстати, а вы когда-нибудь пробовали петь в церковном хоре?

Конечно же пел! В Воскресенскую церковь в Брянске Валерий заглянул вот так же ненароком, когда уже учился в политехе и пел в оперной студии. Заглянул — и понял, что не устоит: так хотелось соединить свой голос с безмолвным пением старинных икон, вознести со строгой мелодией к самому куполу.

Регент Воскресенской церкви, Николай Григорьевич Садовский, услышав просьбу принять в хор, расцвел — ну конечно же! А на другой день Валерий пришел со своими друзьями из оперной студии — Ольгой Билеко, Таней и Юрай Фокиными, Галей Чижик. Регент сам переписывал для певчих ноты, часами с ними репетировал, и вскоре они знали наизусть все церковные службы. Настоятель, отец Павел, радовался им, как ребенок, — хор со «свежей струей» зазвучал в его храме лучше, чем в местной филармонии. Особенно выделял он Валерия: когда вступал его бархатный бас, настоятель от избытка чувств закрывал глаза.

Небесный камертон

Доктор богословия из столицы, отец Павел, похоже, попал в опалу, и Брянск на четыре года стал местом его ссылки. «Валера, — говорил он, — брось заниматься ерундой, поступай в семинарию — я помогу. С твоими данными будет у тебя приход в Первопрестольной. Не хочешь приход — поступай в консерваторию, мы тебе стипендию епархиальную выплачивать будем, а потом я уж пристрою тебя в достойное место». Валера только посмеивался: «Что вы, батюшка, я же неверующий... нехорошо выйдет».

А позже, уже в консерватории, Валерий, приезжая домой на каникулы, частенько наведывался в свою церковь. Ему там всегда были рады, а он, в свою очередь, с наслаждением вспоминая прошлые годы, солировал в знакомых концертах со своими старыми друзьями. Его дуэт с Юрием Фокиным «Ныне отпускаеши» вспоминают и по сей день.

Воскресенская церковь осталась в его сердце. А теперь вот в его жизни возник и Смоленский собор Успения Пречистой Богородицы.

В тот же вечер в этом соборе пел он «Ангел вопияще» и сам ощущал себя ангелом — так прекрасно было то, что рождалось сначала в душе, потом в горле. Собор умел преобразить музыку в широкую плавную реку, и чуден был ее поток, очищающий сердце и ум, уносящий ввысь, вопреки всему, что накипело на душе в суете дня.

Теперь Валерий начинал понимать, почему коммунисты, придя к власти, принялись крушить храмы: первое дело — само место под будущую церковь, выбранное зодчими со тщанием, по божественному промыслу, словно настраивало душу по невидимому небесному камертону. Второе — храм строился без спешки, по тайной науке, с соблюдением прадедовских заветов, с любовью и верой. И, наконец, век за веком молитвы, прекрасное пение, смешанное с запахом свечей и ладана, строило особый, невидимый глазу внутренний нерукотворный храм, который притягивал душу обещанием мудрости, просветления, покоя, отдаленного от суеты машинного мира. Ничего подобного короткий век коммунистической веры предложить не мог. Поэтому нужно было «взорвать» мосты, соединяющие душу с вечными истинами.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Если даже отрешиться от внешней красоты храма, то церковь может дать любому певцу очень много полезного. Случайно или нет, но многие церковные напевы поразительно напоминают вокальные упражнения по выравниванию звучания гласных. В упражнениях пропевается ряд гласных в определенной последовательности, напри-

мер: А-О-Э-И-У, при этом требуется, чтобы все гласные звучали строго в одном месте голосового аппарата. В церковном пении во время службы повторяется многократно распев «аллилуйя». Разложим это слово на гласные и получим: А-Э-У-И-А. Не правда ли, похоже? А многократное повторение ектены «Господи помилуй»? Это же ни что иное, как О-О-И-О-И-У — тот же самый распев гласных. Причем церковный канон требует очень ровного звучания и навыка слышать партнера. Замечательная вокальная школа и практика, которой я занимался четыре года вплоть до моего отъезда в Ансамбль песни и пляски!

Ежедневные перевоплощения солиста военного ансамбля, который явно тяготился бодрыми армейскими шлягерами, в певчего церковного хора не остались незамеченными. Поставленный перед выбором — армия или церковь — Алиев решил: ни то и ни другое. Как нарочно, в эти дни он встретил старого знакомого Сашку, ударника из вокально-инструментального ансамбля. Сашка-то и сказал Валере, что есть в Москве один такой человечек, администратор Жора, который пристраивает артистов по всему Союзу.

— У него сам Ободзинский старт получил. Попробуй, Али. Армейский вокал не для тебя.

Жора словно дежурил у телефона в ожидании звонка и тут же пригласил Алиева срочно приезжать: есть вакансия.

Столичный размах и суета невольно поднимали настроение. То, что свой старт он возьмет из столицы, Валерий осознавал как добрый знак. Все обещало славу и успех — случайные улыбки прохожих в ответ на сияние его глаз, которое было невозможно скрыть, шум улиц и площадей, сливающийся в один грандиозный хор, все быстрее и быстрее подгоняемый палочкой таинственного дирижера.

ЗЕРКАЛО:

— Он смотрит на свое отражение в витринах и улыбается ему, не узнавая себя, не успевая выхватить свой образ из потока прохожих. Какой он славный, этот парень! Он шагает так быстро, что за ним остается шлейф, пахнущий ветрами будущих странствий, ветрами, которые приносят обрывки незнакомых еще мелодий, взрывы оглушительных оваций, до которых еще предстоит прожить и пройти нема-

Недесный камертон

ло. Он еще не знает этого, но предчувствие уже трогает улыбкой его губы...

Но вот и нужная дверь с множеством замков. Навскидку Жоре можно было дать все пятьдесят. Увидев на пороге гостя, он вскинул кустистые бровки и, пропицав: «А-а, Валерочка, милости прошу!», сделал широкий взмах в сторону гостиной.

Валерий протиснулся мимо пухлого человечка в тесную комнату, забитую мебелью и статуэтками, а Жора, оглядев площадку, аккуратно запер дверь и засеменил следом.

— Слышал, слышал, что у Нинон занимались. Хорошая школа, но зачем же вам в оперу-с? Или в армейский ансамбль? Чайо? Нет так нет. Опера подождет. Эстрада! Сейчас в Казахстане формируется новая вокально-инструментальная группа. Хотите с ними работать? Гастроли по всему Союзу, ха, нерушимому. Начните с Целины, потом на Украину, в Молдавию. Ансамбль хороший, не пожалеете, тамошний администратор землю будет рыть, а не даст пропасть.

Он не раздумывал ни минуты.

— Когда ехать?

— Через два дня, голубчик, в среду. Успеете? Только, знаете ли, моя услуга денег стоит-с. Скажем, те подъемные, что вам выдадут, вы мне вышлете. До востребования. Вот на это имя, — он подал карточку. — Меня все артисты знают, вам объяснят, что со мной дружить полезно. Ну, все, голубчик, не смею задерживать...

ГЛАВА 3. «Степные тюльпаны»

*Аркалыкские ночи.
Опыт смерти. Ангелы-хранители.
Письмо. «Не годен».*

Аркалық, продуваемый всеми ветрами Тургайских степей, усыпляющий бесконечными ковыльными просторами, мелькавшими мимо вагонного окна, не вздрогнул, когда Валерий вступил на его землю. Парень только вздохнул — эх, литейная слава Брянска, ну и замело тебя на край света!

Новый коллектив назывался «Степные тюльпаны». Один солист в нем уже был — Балжан Жусупбеков, красивый статный парень с сильным голосом, лауреат республиканских конкурсов. Остальные музыканты — в основном с Украины: из Днепропетровска, Винницы...

Серж, администратор ансамбля, или, как его все называли, «ад-министр», встретил Алиева с распростертыми объятьями:

— Валера, нам тут уже о тебе сообщили, мол, к вам будущая звезда эстрады пожалует. Решил с нами? Жора посоветовал? Жора — ангел наш потрошитель. Знаешь ведь, что придется первые два оклада и подъемные ему отстегнуть? Ну да с голоду пропасть не дадим, — а потом *что есть* хлеб артиста? Слава, девушки, красавец ты наш!

«Ад-министр» врал, не краснея: хоть с голоду не пропадали, но и сытыми «тюльпаны» не бывали. И то: полуголод способствует творческому порыву, сытость — глушит.

— Вот начнутся гастроли — тогда пойдут и заработки, — обещал говорливый «ад-министр», — а пока — репетиции, репетиции и еще раз репетиции!

Холодное неуютное общежитие. Девственно чистые полки буфета, пахнущие олифой. Скончавшийся от бездействия холодильник, полное бездезнежье. Столовая, где на первое — суп с перловкой крупой, на второе — манная каша на воде с маргарином. Невесело. Да, были еще магазины самообслуживания, где «тюльпанная» компания, проходя мимо прилавков с конфетами, могла незаметно прихватить парочку-другую карамелек, дабы подсладить пресные будни. К шалостям в магазине, однако, прибегали нечасто, когда уж совсем было невтерпеж. Балжан в таких мероприятиях не участвовал — в ансамбле он держался особняком и порой поучал своего младшего коллегу:

«Степные тюльпаны»

— Никогда не позволяй себя хлопать по плечу: сначала похлопают, потом будут тыкать, а потом и вовсе начнут ноги вытират. Не бойся быть немного чужим — больше будут уважать. Артист и вообще должен быть чаще один, не мельтешить. Это важно для работы.

Сам «наставник» частенько запирался в номере с книгами, а в его чемоданах путешествовали вместе с ним энциклопедии, словари.

— Я не очень хорошо знаю русский, — объяснял он Валерию. — Вот и подучиваю потихоньку.

В аркалыкском Доме культуры для репетиций ансамбля днем места не нашлось, репетировали поздно вечером и по ночам.

Третий час пополуночи. Валера в этот раз непривычно устал, его знобило, и он не стал дожидаться товарищей, которые, как всегда, задержались, упаковывая аппаратуру. Одна-единственная мечта — добраться быстрее до теплой постели — заставляла его почти бежать по заледеневшему тротуару. Тридцатиградусный мороз прожигал насквозь подошвы старых ботинок, прорывался под московщиковское пальто, перехватывал дыхание. Валерий с тоской глянул на пустынные улицы с бледными фонарями, отbrasывавшими в морозное небо высокие столбы света и, чтобы сократить дорогу к общежитию, пустился напрямки, через дворы. Там его и окружили.

Серые тени, обозначенные красными точками папиросных огоньков, скользнули наперерез. Один, со странно пахнущей «беломориной», приклеенной к губе, лениво повел в его сторону плечом не вынимая рук из карманов:

— Вот он.

Валерий успел почувствовать обжигающий удар в правый бок, и его закрыло глухое одеяло тьмы.

Тут на него, вмерзшего в кровавый лед, ребята из ансамбля и наткнулись. Насмерть перепуганные, они бросились искать телефон-автомат, нашли, по счастью, исправно работавший, вызвали «скорую», которая приехала почти вслед за звонком. Везенье на этом не кончилось. В ту ночь в городской больнице дежурил очень хороший хирург, который и сшил его рассеченную надвое печень. Валерий потерял немало крови, но и тут ангелы-хранители не подвели: по звонку из больницы прибежали девчата из ночной смены с хлебозавода. Утром медсестра показала ему румянную светловолосую девушку, которая не пожалела для него своей крови. Она спала на соседней койке, уютно подложив под пухлую щечку кулачок.

24 — Считай, она твоя кровная сестра. С того света вернула.

Валера улыбнулся — от «сестры» так и веяло теплым хлебом, молоком, спокойствием — и снова уснул.

И снилась мама. Какая? У него же их было две...

ИЗ ДНЕВНИКА

Ангелы-хранители... Говорят, они есть у каждого, кто не пыгался свести счеты с жизнью. Особенно тесной трепещущей стайкой собираются они вокруг тех, кто рано осиротел.

Мама моя умерла, когда мне едва исполнилось двенадцать. Я хорошо помню последние мамины годы: она без жалоб и стонов работала за троих, чтобы хоть как-то прокормить семью — бабушку с ее восемнадцатицентавровой пенсией, моего маленького брата и меня. Врач, она прирабатывала, где только могла, набирая сверх нормы дежурств, бегала по домам делать уколы... Уже тогда она была безнадежно больна, но скрывала это, сколько могла.

Когда ее не стало, бабушка с моим трехлетним братишкой и со мной переехала из Баку в Брянск, к своей младшей дочери Вале, которую мы с братом привыкли называть мамой еще раньше: настоящая мама часто отправляла нас к ней в гости, когда ей было особенно плохо.

Мама Валя сама овдовела в двадцать пять — ее муж, летчик-испытатель, погиб у нее на глазах при попытке посадить горящий самолет. Он вполне мог бы остаться живым, если бы воспользовался парашютом, но героизм у людей того времени был в крови. Авария случилась в аккурат над казармами, и, чтобы не пострадали люди, он дотянул самолет до безопасной зоны... и врезался в телеграфный столб. Времени на то, чтобы спастись самому, у него не осталось.

В молодости мама Валя была красавицей, и в кавалерах у нее недостатка не было, но она посвятила жизнь своей дочке Свете и нам. Впятером жили мы дружно в маленькой однокомнатной квартирке, единственную роскошь которой составляли книги. Помню состояние нирваны моего отрочества: свежевымытый пол, и я на этом полу с очередной книжкой Дюма, а над головой преподуктор, из которого меня накрывает волной голоса Георга Отса. Волна увлекает в немизеримые глубины, а потом поднимает к небу...

Мама Валя не знала, что такое отпуск, — ей-то приходилось везти на своих плечах уже нас четверых. Но как же мы были счастливы, не понимая этого!

Моменты славы: по субботам мы стирали всей семьей, то есть стирала мама с сестрой, а мы с братом помогали выжимать и вывешивать белые паруса простыней во дворе. А потом с чувством удовлетворенного превосходства отмечали, глядя из окна, что наши-то веревки, по сравнению с соседскими, натянуты лучше, да и простыни наши белее.

А летний наш «мужчинский» оброк! На нашей совести был аграрный сектор — выращивание картошки. Полив, прополка и окучивание, и, наконец, законный повод для гордости — клубни, которые мы сушим под солнцем бабьего лета, были куда крупней, чем у соседей. Картошка являлась главным подспорьем, так как же было не гордиться нам, кормильцам?

Днем — труд и добровольные обязанности по дому и огороду, а по вечерам — настольный теннис во дворе, волейбол или просто посиделки у подъезда за обсуждением недавно прочитанных книг и потрясающих новостей про космос и советских космонавтов, про Вьетнам и лучшего в мире вратаря Льва Яшина.

Конечно, жили мы бедно, одевались скромно, но чисто: школьная форма, которую еще носили по образцу гимназической, — без единого пятнышка, ослепительно-белый воротничок, брючки оттузены, бляха на форменном ремне и кокарда на фуражке начищены зубным порошком до зеркального блеска. С обувью иногда помогал школьный родительский совет, в чем мы не видели ничего заэорного: у большинства семьи были, как положено, с отцом, с матерью, а нам приходилось круто, так почему бы и не принять, что государство добровольно предлагает. Опять же, на столе — картошка с луком да огородные припасы, но сыты, обласканы... счастливы.

Под крыльями этих двух женщин нам было необыкновенно спокойно, тепло, надежно.

Кто они, как не ангелы-хранители...

Еще одним моим ангелом-хранителем была «классная», преподаватель русского и литературы, Мария Зиновьевна Наймарк, которая любила меня «за стиль»: нравились ей мои сочинения. Обычно она

зачитывала их вслух, для поучения нерадивых, я же ощущал в это время те же чувства, что и при сравнении нашего белья и нашей картошки с соседскими, — гордость от хорошо сделанной работы.

Мария Зиновьевна немало помогла мне при поступлении в политехнический институт. В то лето она приглашала меня к себе домой, угощала крепким ароматным чаем, который заваривала с густыми сливками. К чаю полагались пончики, которые она называла «баурсачки», — название это связывалось у меня с маленькими смешными зверушками. Подкрепившись, мы принимались за труднейшие диктанты. Даже и сегодня, когда я сомневаюсь в орфографии какого-то слова, мне стоит его только написать: рука моя помнит сама, как это сделать правильно, — ее, Марии Зиновьевны, заслуга.

Зато традиционной ностальгии по первой учительнице нет у меня и в помине. Бакинская «учительница первая моя» Дора Алексеевна жила в Шувелянах в нашем квартале, в так называемом «частном секторе», и жила нескучно — любила выпить, а выпив, подстерегать нас, детвору: домик ее был как раз у самого пустыря, на котором мы обычно играли в футбол. И когда мяч по недогляду попадал в ее огород, буйно заросший полынью и крапивой, шустренькая Дора тут же выбегала во двор, хватала мяч, с катанинским хохотом пронзала его несколько раз ножичком и пинком лихо отправляла в нашу сторону.

В сумеречном пространстве полусна-полубреда, словно нож рассек на две не только печень, но и реальность этого мира, картины детства снова оживали, складываясь в пестрый пасьянс. Он снова видел себя одиннадцатилетним мальчиком.

Вот он за столом в маленькой кухне. Время от времени он выглядывает во двор — пестрая курица не находит себе места, надо устремиться, когда она снесет яйцо и вовремя забрать, иначе другие куры расклуют. Стол застелен старенькой, вымытой добела клеенкой — васильки и колокольчики по краям столешницы почти растворились от мыла и соды, зато в центре они синие и ласковые, как мамины глаза. Валера осторожно вынимает из чернильницы комара, относит в ведро с углем около печки. Печка — его гордость: недавно ее пришлось перекладывать, и он, как взрослый, помогал мастеру-печнику. Тот даже удивился, до чего он хозяйственный парень. И почерк у него самый лучший в классе. Он аккуратно обмакивает перо в чернила и пишет:

«Степные тюльпаны»

«Здравствуйте, наши дорогие мама Валя, бабушка, Света и Саша! Мы получили ваше письмо. Большое спасибо. Извините, что мы долго не писали писем. Мама здорова, но у нее очень много работы. Да еще перекладывали печь. Теперь она у нас хорошая. Духовку мы тоже сменили. Мама Валя, вы пишете, что Саше туфли малы. Если будете высыпать посуду, то вышилите и туфли, мама их поменяет (если они не нацеваны). Мы купили ему босоножки размер № 24. Скоро пришлем...»

Курица торжествующе раскудахталаась, и Валера выбегает во двор, чтобы успеть прибрать яйцо. На заборе соседский петух наблюдает за ним искоса оранжевым своим глазом. Валера его не гонит — своего петуха у них нет, пусть соседский погуляет — все прибыток. Уложив теплое розовато-коричневое яйцо в корзинку под салфетку, он снова берется за ручку:

«Бабушка, не беспокойтесь, мама здорова. Скоро у нас будет побелка. У нас вывелоось 9 цыплят, пока все живы. Бабушка, петух очень бил черную курицу, и мы его продали.»

И правда, — зачем ей писать, что петуха просто украл? Еще расстроится. Хорошо, что он вовремя прибежал из школы домой, нигде не задержался, и вору больше ничего не оставалось, как перемахнуть через забор с петухом. Наверно, он свернул ему голову — петух у него под мышкой даже не трепыхался. Валера был в отчаянии, побежал с криком за вором, но куда там — того и след простыл.

«Без петуха куры стали нестись реже. Погода у нас солнечная, жаркая. Мое здоровье тоже очень хорошее. Света, напиши, дружишь ли ты с Сашей, или он с тобойссорится. Ну, пока все. Целую я вас крепко-крепко всех, а вы поцелуйте за меня Сашеньку-лапашеньку-таташенку. Привет от мамы. И ото всех знакомых. Когда вышилем посыпочку, напишите, хороши ли будут босоножки. 26 числа мы высыпали посыпку, когда вы ее получили?»

До свиданья. Ждем ответ. Валерик. 5 августа 62 года».

После того письма мама прожила всего лишь год.

Медленно-медленно исчезло письмо, вазильки вместе с клеенкой, окно во двор, кухня, он сам, — осталась отчаянная тоска по маме.

На смену детским воспоминаниям пришло виденье — он в огромном древнем цирке? на стадионе? арене? поет что-то невыразимо прекрасное. Поет, как в последний раз, словно это его лебединая песня. От красоты мелодии, которую ему позволено петь, перехватывает горло. Он пытается снять тес-

28 ный галстук, но слышит голос: «Тихо, тихо, красавчик, не шевелись — ты под системой». Он снова в этом мире, только мелодия продолжает тянуться, подобно старинному азербайджанскому мугаму, — песне без конца и без слов, она течет тяжелой медовой рекой. Широкой, сильной, вечной.

Валерий так и не узнал, кто и за что пытался его убить, а через три недели вместе со «Степными тюльпанами» уже колесил по всему Казахстану. Жесткий гастрольный график не позволял разлеживаться в больнице. Правда, на сцене ему приходилось держаться, как механическому роботу, — каждому движению аккомпанировала боль.

Зато на очередном медосмотре в военкомате, в то странное время, когда молодых парней тысячами отправляли в Афганистан исполнять некий загадочный интернациональный долг, хирург из комиссии, тот самый, что сшил ему печень, увидев крестника, улыбнулся:

- Молодец, значит, в армии хочешь служить?
- Надо — значит, надо.
- Ну, что ж делать, если надо... — и протянул ему его бумагу.

И только выйдя из комиссии, Валера еле прочел по-медицински неразборчивое: «К строевой службе — *не годен*».

ГЛАВА 4. Первые гастроли

Зеркало — три женщины. «Ад-министр».

Лже-Лобода. Молодость, голод и слава.

«И реки, полные вина».

У каждого из нас в душе запрятана скрижаль. Сквозь туманный налет прожитых лет старым золотом высвечивает на ней имя незабвенное — имя человека, который первым сорвал с нас и разбил розовые очки. Глупцы мысленно помешают обидчика в котел с кипящей смолой, умные — высаживают вокруг скрижалей фиалки и незабудки. Валера до сих пор странно улыбается, вспоминая незабвеннего «ад-министра» Сержа. Чего в этой ульбке больше — теплоты или сарказма, бог его знает. Но именно Серж раз и навсегда ликвидировал вредные розовые окуляры, крутанувшись на них пыльным каблуком стильных мокасин сорок первого размера. Свершился этот знаменательный акт на первых и последних гастролях «Степных тюльпанов».

ЗЕРКАЛО:

— Я смиренно повторяю за ним его недовольную мину, когда перед концертом он бросает испытующий взгляд в серебристое мерцание моего поля. Он оттягивает ставший еще шире воротничок концертной рубашки и кривит губы. И не замечает, как за спиной его отражения возникают шипы совсем не российского ландшафта и силуэты трех женщин, трех его любимых, которых ему еще только предстоит встретить. Уже скоро...

Он рассеянно поправляет воротничок, галстук в горошек, отворачивается. Мне грустно, что он так невнимателен к моим предсказаниям. Его первая женщина — как легкая, веселая летняя бабочка, рожденная всего лишь на один светлый июльский день. Ее любовь будет скоротечна, как скоротечен и срок ее маленькой жизни. Вторая — многолетняя добрая любовь — подарит ему самое дорогое сокровище — дочь. Третья... Она станет его наградой — за усталость от бесконечности дорог, за нескончаемый поединок с бесчисленными противниками, за пожизненный срок катарджных работ на разрыв горла и души. С ней, третьей, подобно Мастеру, встретившему свою Маргариту, он получит божественный покой, которого не знал никогда и ни с кем. С ней в первый раз он найдет свой дом в тени деревьев, дом, где светит огонь и слышится песня ручья.

30 Он быстро выходит из номера, хлопая дверью, но я не сразу стираю его отражение, которое теперь улыбается понимающей и немножко усталой улыбкой, которая появится у него еще через много лет.

Обещанных гонораров так никто и не получил — «ад-министр» обирал их до нитки. Ну, черт с ними, с подъемными и первыми двумя окладами, которые нужно было по джентльменскому соглашению отправить Жоре. Но и в дальнейшем вся выручка от аншлаговых оркестров, — а залы были битком! — шурша, стекала в карманы клетчатого Сережиного пиджака. На робкие вопросы о «суточных» музыканты слышали горестное:

— Увы-с, ребяташки, — все отдал за аренду зала, осталось заплатить за гостиницу и на билеты. Право, денег нет. Ну, мне срочно к директору театра! Рассчитываться...

«Ребяташки» с ненавистью смотрели, как он исчезал за тяжелой дверью приемной, чтобы поздно вечером, распространяя аромат сладкой жизни и виноградного вина, суетливо спрятаться за дверью своего номера. Разговоры о том, чтобы бросить его один на один с фаворитом-ударником, а самим уйти к «едрене-матрене», заканчивались ничем. Серж запутывал их сумасшедшей неустойкой, скандалом, тем, «что ни одна филармония вас и на выстрел не подпустит». Так что «польпанам» приходилось затягивать потуже пояса и терпеть дальше. Благо, хорошее настроение мигом восстанавливалось в тот же вечер: аплодисменты, восхищенье зала, записки от поклонниц — и меланхолии как не бывало!

Что же до славы...

Вся слава, заработанная Валерием, доставалась в те дни Игорю Лободе, — именно под таким именем он и выступал. Самого Игоря Валерий и знать не знал, — просто Серж резонно заключил, что на рекламе можно и нужно экономить. А потому, раздобыв где-то на филармоническом складе пыльный рулон неиспользованных афиш с именем этого самого Лободы, без зазрения совести расклеивал их в городах и веснях от Казахстана до Молдавии.

Артист на броской цветной афише был таким же молодым и жгучим брюнетом, как и Валерий Алиев, с такими же усиками, в таком же пиджачке, — кто там со сцены разберет, Игорь Лобода это или кто-то иной? Да и вряд ли на просторах СССР знали его в лицо. Залы были переполнены, совсем не капризная публика восторженно принимала их с первой же минуты, аплодисментов не жалела, без устали вызывая на бис и лже-Лободу, и Балжана.

«Монстры» эстрады, захватившие эпоху БАМа и прочих ударных строек

Первые гастроли

коммунизма, знают, почем фунт лиха. В потертых коленкоровых чемоданчиках возили они из одной дешевой гостиницы в другую нехитрый свой гардероб, бережно стираемый в умывальниках и к вечернему выступлению просушиваемый с помощью казенного утюга на выжженной поколениями таких же гастролеров гладильной доске. Хорошо, если в том чемоданчике, рядом с концертным костюмом, соседствовала мечта солиста — банка тушеники или тщательно упакованный «энергетический» кусок сала. Нечаянный праздник случался, если удавалось, обольстив продавщицу, разжиться пачкой «чая байхового, черного № 36», а то и «со слониками», индийского. Тогда — с ощущением благостного уюта в желудке — кум королю, поешь, как птица певчая. А нет — и тянет на «черный» репертуар.

Как-то в один такой несчастливый вечер, когда в заветном чемоданчике не было и намека на продовольственный продукт, кроме мыла «Земляничное», Валерий получил из зала записку от поклонницы: «Что у вас стряслось? Почему такие трагические песни поете? Могу ли я чем-нибудь помочь? Валя, 5-й ряд, 14-е место».

«Можешь, — с усмешкой подумал он. — Если борщом горячим накормишь». И продолжал петь:

*Эти горестные проводы!
Запоздалые, унылые!...*

Дорога летела все дальше и дальше, сметая за горизонт большие и малые города, целинные степи, горы Алатау, Уральские горы. Алма-Ата, Фрунзе, Днепропетровск, Донецк, Винница, Одесса, Бельцы, Кишинев, Бендери.... Надо отдать должное Сержу — он лихоправлялся со своими обязанностями продюсера. В каждом городе — по семь-восемь концертов на центральных площадках, в филармонических залах. «Тюльпаны» в изобилии получали то, что Серж называл «истинным хлебом артиста» — каждый вечер приносил аплодисменты, овации, цветы, восторженные записки от девчонок, красневших под их взглядами.

Головокруженье.

А по утрам любимцы славы мирской в гостиничном буфете получали «американский завтрак»: стакан чая из берескового веника да позавчерашняя булка со вложенной в нее стружкой сыра. Большая и лучшая часть страны держала нескончаемый пост — это при обязательном-то зачете по научному атеизму!

Атеизм атеизмом, но там, в небесной канцелярии, долго не обращали внимания на веселую компанию музыкантов, которая посыпала коллективные заявки на комплексные обеды с «во-о-от такими» бифштексами. Наконец пух-

32 лая стопка прошений получила визу «удовлетворить!», и в Молдавии «Степные тюльпаны» угодили в другую крайность. В каждом городе, в каждой деревне концерт завершался таким обильным столом, какой затевается обыкновенно на деревенской свадьбе. Всяческие разносолы, копчености и колбасы домашнего приготовления и, самое страшное, — винные моря. Бочонки алиготе, изабеллы, кадарки, мерло, шардонне, совиньона. Кто ж спорит — стаканчик-другой хорошего вина только прибавит радости жизни. Но и самый волшебный напиток, если вас в нем регулярно пытаются утопить, может вызвать аллергию. «Тюльпаны», с легкой руки своего министра притерпевшись к постоянной аскезе, с ужасом ждали конца выступления, когда за кулисы, широко улыбаясь, зайдет директор театра или филармонии и вымолвит роковое: «Пожалте к столу!»

В конце концов ребята перекроили программу, оставив конферанс «на десерт», под занавес концерта. И пока весельчак-ведущий поливал публику душем позавчерашних анекдотов и острот, музыканты лихорадочно поковали аппаратуру, чтобы успеть сесть в автобус до появления страшного гонца. Конферансье обычно вскакивал в уже идущий автобус — и давай бог ноги, подальше от даров солнечной Молдавии.

Воистину, порой осуществленные желанья превращаются в ловушки...

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Несмотря на условия, созданные для нас нерадивым администра-
тором, Молдавия осталась в памяти веселым солнечным пятном. Ра-
дужный гостеприимный народ, бесконечные виноградники, еще не
убитые Указом о трезвости, дома колхозников с огромными бочками
вины в каждом подвале.

Знаменитый Криковский завод шампанских вин, куда нас привез-
ли в гости после одного из концертов, поражал воображение: сверху
обширные виноградники, а под ними — настоящий подземный го-
род, где был свой проспект Шампанского, улицы Алиготе, Фетяски,
Каберне, — только вместо домов тянулись стройные нескончаемые
ряды громадных бочек с винами. По ходу экскурсии мы пробовали
содержимое каждой, после чего попали в настоящий дегустацион-
ный зал, где в свое время побывали и Хрущев, и Гагарин, и Брежnev.
Самым ужасным в этом царстве вина было полное отсутствие заку-
сок, привычных для русского человека, — только гроздья винограда
и мелкие яблочки.

Меня спасло то, что главным инженером этого царства оказался

Первые гастроли

мой земляк и однофамилец, который сначала завел меня в свой кабинет, накормил бутербродами с мясом и сыром и только после этого отправил опять в дегустационный зал. Благодаря его поддержке, я смог выйти сам из автобуса, который довез нас ночью до гостиницы. Остальных музыкантов пришлось выгружать и разносить по номерам.

ГЛАВА 5. Консерватория

Церковные университеты. Разговор по душам.

Горький. «Наиблагоприятнейший рацион».

«Что наша жизнь? — Игра». Музыкальные дворники.

Отец-настоятель церковки в Брянске знал, что говорил юному Алиеву, советуя выбрать богоугодную стезю. Хор с молодыми голосами студийцев обрел звучание, о котором настоятель мог только мечтать. Вечерни и праздничные службы собирали сотни богомольцев и просто любителей церковной классики. В «программе» богослужений были Чайковский, Рахманинов, Левов, Чесноков, Бортнянский, Курбатов. Опытный регент добавил парню «университетов»: церковный хор, как никакой другой, предполагал филигранную «отделку» голоса.

Церковные композиторы, изначально рассчитывая на особое звучание в храме, и музыку свою создавали для человеческих голосов, соединенных вдохновением веры и красоты. Атеизм не мешал Валерию чувствовать драгоценность такой школы. Но карьера священнослужителя его не прельщала: искусство — искусством, а по совести осознавал он себя стопроцентным атеистом. Или — почти стопроцентным. Всю жизнь кривить душой — какое же в этом удовольствие.

Однажды, к концу многомесячных гастролей «Степных тюльпанов», Балжан, внимательно взглянув на раскрасневшегося от успехов младшего коллегу — публика не отпускала их, пока они не исполнили еще каждый по четыре номера, сказал:

— Сегодня зайди ко мне в номер, есть разговор...

Валерий хотел ответить шуткой, — мол, «есть, товарищ старшина!», но сдержался: Балжан был не только серьезен, но и слегка печален.

— Ты вообще-то музыкальную грамоту знаешь? — спросил он, усадив Валерия и подождав, пока тот выпьет чай, заваренный в круглом фарфоровом чайнике и разлитый в расписные пиалы. «Как он ухитряется все это с собой возить — и не разбить», — с удивлением подумал Валерий.

— Ну, ноты помню. Вот только диезы с bemолями путаю, — шутливо ответил он Балжану.

— Я не шучу. То, что ты сейчас услышишь, постарайся воспринять

Консерватория

без обиды. Понимаешь, пока ты — никто. Ты даже не Алиев — ты Игорь Лобода, которого и знать не знаешь. Так написано в афишах. А в другой раз найдутся какие-нибудь забытые афиши с другим именем. И ты будешь еще кем-нибудь. Я слышу твой голос — он у тебя от природы сильный, красивый. Редкий по красоте. Но дело не только в красоте — в тебе есть огонь. Его еще называют искрой божьей. Как старший товарищ, я тебе советую — бросай ты этот балаган и поступай учиться. В музучилище, а еще лучше — в консерваторию. Пока божий дар не растерял. Я не такой уж специалист, но и не глухой. Будет преступлением растрачивать такой дар на грошевые цели. Ты понял? Ты не такой, как мы. У тебя совсем другая дорога.

Валерий долго думал над словами Балжана. Чем-то они его немного обидели, хотя он понимал, что Балжан прав, прав абсолютно во всем. Он и сам чувствовал, что долго только на одной «природе» и молодости он на сцене не протянет. После недолгих размышлений решение созрело: надо поступать в консерваторию. Без хорошей вокальной подготовки вряд ли можно достичь высокой цели, а именно ее он и видел уже перед собой.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Кое-какие музыкальные азы я постиг за год учебы в Брянском музыкальном училище. На большее меня в то время не хватило. Но, поездив по гастролям, я уже ясно понял, что пению надо учиться профессионально. То, что срывало аплодисменты в молодости, — временно, с годами пройдет. Поэтому летом 1974 года я поехал поступать в Ленинградскую государственную консерваторию. Там я смог только прослушаться, и хотя понравился, к экзаменам меня не допустили, потому что у меня, из-за поспешного отъезда из Казахстана, не все документы были в порядке.

К счастью, приемные экзамены в вузах страны были спланированы так, что в провинции они начинались недели на две позже столичных. Я, не раздумывая, купил билет и уехал поступать в Горький.

Горьковская консерватория не впервые столкнулась с фактом, что абитуриент не имеет музыкального образования. Именно для таких «недоучек» в каждой консерватории существует подготовительное отделение. И Валерий был зачислен на первый подготовительный курс этого отделения.

36 Компания там подобралась жизнерадостная. Самое трудное время для будущих студентов — вступительные экзамены — они превратили в настоящий праздник. Они — это несколько человек, будущих певцов, из разных городов, как-то мгновенно увидевших друг в друге родственные души: Валерий Алиев из Брянска, Юрий Веревкин из Сочи, Виктор Москаленко из Воронежа, Надя Ситкина из Саранска, горьковчанин Дмитрий Суханов...

Зубрежка? Как бы не так! Августовский рынок в Горьком пленял пестротой и дешевизной, и друзья после недолгих исследований определили для себя наиблагоприятнейший, на их молодой взгляд, рацион: полновесный кусок говядины, охапка ароматной огородной зелени и литр сухого домашнего вина. Украшеньем этого летнего меню служили девушки, веселые консерваторские птички. Весело, без особых треволнений удалось сдать вступительные экзамены, и вся компания успешно была зачислена в консерваторию.

Славно чувствовать себя опять студентом! Времена были, не в пример нынешним, истинно демократическими: веселое голодранство не препятствовало соединению душ, и в четырехэтажном общежитии, примыкавшем к самой консерватории, все друг друга знали. Нехитрые перипетии студенческих романов разворачивались на глазах у всего общежитского сообщества. И если где и оставался на свете заповедник утраченного человечеством рая, то был он именно здесь, в скромном общежитии Горьковской консерватории на улице Пискунова, 40.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Спустя несколько лет после окончания консерватории я вновь оказался в этих местах. После моего концерта мы со старыми и новыми друзьями решили скоротать вечерок за бутылочкой винца, вспомнить дни былые и, конечно же, захотелось посидеть в студенческом общежитии. Это было уже новое здание, в нескольких остановках от учебного корпуса. Увы, в этой девятиэтажке не было и духа прошлого студенческого рая. Если прежде мы жили одной коммуной, невзирая на курс, специальность или возраст, то здесь студенты не знали по именам даже своих соседей по площадке. Ну прямо как в современных многоэтажных новостройках. Конграст был разительным. Настроение сразу пропало. Стало обидно за ушедшее счастливое прошлое. Вечеринка не удалась, всем было грустно. И мы скоро разошлись.

Консерватория

Сорокарублевая стипендия после арамовской аскезы не казалась такой уж мелкой суммой — наконец-то можно было немного расслабиться и по- жить в свое удовольствие. Выпивки молодых людей не привлекали, про наркотики никто и слыхом не слыхивал, а в качестве безудержного разврата в консерватории, как и во многих вузах Союза в то благословенное время, пышным цветом цвели азартные карточные игры.

«Игорные клубы» то и дело меняли адреса, ради конспирации переходя из одной комнаты общежития в другую. Но благородное собрание оставалось все в том же составе. Входили в него не одни студенты, но и молодые холостые преподаватели, сами вчерашние студенты.

*Что наша жизнь? — Игра!
Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи
Пусть неудачник плачет...*

Ария Германна насыщовалась как прелюдия к почти ежевечерним картечным страстям. Играли, в основном, в вист, пока профессор по скрипке не открыл им чарующие тайны преферанса.

К этому времени вся компания находилась «при деле», на руководящих постах: Валерий возглавлял комсомольскую организацию вокального факуль-тета, Виктор был председателем студенческого совета, для Юрия придумали «должность» — начальник добровольной дружины, создав для этого саму дру- жину к вящему удовольствию консерваторских активистов. Несмотря на долж-ности, они всегда находились в центре игорных страстей.

Трезво мыслящий и хладнокровный комсомольский вожак умел остано- виться на самом кругом выражении, когда на кону стояли весьма впечатляющие суммы. Однако его сподвижники в азарте забывали про все и вся. Наутро, пряча глаза, студенческий босс и стратег дружины, проигравшиеся до майки, одолживали свитер и рубашку у секретаря комсечеки и скромно садились за завтрак, который — при известной изобретательности — удавалось поделить на троих. Все менялось с первым же выигрышем — тогда завтрак накрывался по-королевски. Это означало большой батон, разрезанный вдоль, щедро намазанный маслом и джемом, и огромная глиняная кружка чаю, эдак, примерно, на литр. Эти кружки были предметом гордости: чем больше была кружка по объему, тем ценней она считалась: качество фарфора или фаянса в расчет не бралось.

Однажды Валерия вызвал к себе ректор консерватории Аркадий Александрович Нестеров. Он был явно расстроен:

38 — Валерий, представьте, оказывается, вся консерватория играет в карты! На деньги! Я потрясен. Пожалуйста, займитесь этой проблемой, у вас получится, вы с вашими друзьями пользуетесь таким авторитетом...

Комсомольский вожак зашел девичьим румянцем. Вернувшись в общежитие, собрал членов клуба «Зеленое сукно» и строго заявил:

— Отныне и prisno — играем тихо. Кто засветится — штраф в размере стипендии. Не умеете — не беритесь! — И строго взглянул на Юру, одетого в его, алиевский, свитер, слишком короткий для высоченного дружинника.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Только в молодости, наверное, можно было, просидев всю ночь за карточным столом, наутро выпить чашку кофе и бодро идти на занятия. И петь! И звучать! Ну, конечно же работать и учиться тоже приходилось очень много, особенно тяжело давались музыкальные предметы, где почти все надо было учить с нуля. А карты, несмотря на довольно скромные выигрыши, позволяли дотягивать от стипендии до стипендии. Хотя мы все годы учебы старались зарабатывать всем, чем могли: преподавали вокал в каком-нибудь институте, вели хор в ЖЭКе, кружок художественной декламации на заводе. И в то же самое время наша троица умудрялась работать дворниками. Но это — совершенно особый разговор.

Мы взяли сразу три участка вокруг консерватории и находившегося через дорогу речного училища. Первое время вся тройка дружно выходила по вечерам на свои участки и радостно чистила планету. Но спустя пару недель, когда мы лежали на кроватях в общежитии, отдохная после очередной «вахты» (а жили мы, естественно, в одной комнате, знаменитой комнате № 33), в наши головы пришла светлая мысль: зачем жеходить втроем каждый день, когда можно ходить по одному? Тогда у каждого получится по два выходных дня. Идея была взята на вооружение и радостно воплощена в жизнь. Но еще через некоторое время наши мудрые головы осенила еще более изящная мысль: ведь можно не только ходить по одному, но и убирать раз в три дня! Таким образом, каждый работал бы раз в неделю.

Вскоре мы стали выходить на уборку раза два-три в месяц. Кончилась наша работа очень неожиданно для нас: в один прекрасный вечер, выйдя на участки, чтобы в очередной раз порадовать планету,

Консерватория

мы увидели какую-то мрачную небритую личность, которая скребла лед на нашем тротуаре. На наш удивленный вопрос в духе Паниковского «а ты кто такой?» личность хрюкло ответила: «Дворник я, уже вторую неделю».

За окончательным расчетом у нас хватило ума неходить. А чтобы сохранить денежный потенциал, мы нанялись еще в парочку самодеятельных коллективов педагогами всего, что только могли вытянуть.

ГЛАВА 6. Педагоги

*Иофель и Крестинский. Добрый пастырь.
Первый «чёс».*

Игра, как ни странно, давала разрядку после энергоемких занятий вокалом у Екатерины Константиновны Иофель. Для Валерия эти уроки были ежедневным экзаменом. Однажды консерваторский фониатр Нинель Борисовна, проверявшая студентов перед занятиями по специальности, заглянув в горло Валерия, строго спросила:

— Что это у тебя со связками?

— Да ничего, все в порядке, только першил в горле. Слегка.

— Ну-ка, дай еще разок взгляну. Ничего себе «слегка»! Связки-то ро-озовые! Напелся уже? Или волнуешься?

Вот уж попадание в десятку! Валерий так нервничал перед занятиями у Иофель, что связки у него нередко краснели *до* занятий.

Волевая, по-мужски решительная и бескомпромиссная ученица *самой* Натальи Дмитриевны Шпиллер*, в прошлом солистки Большого театра и любимицы Сталина, она могла вынуть из ученика душу. Но гораздо больше — вложить обратно, в придачу со своей собственной. Екатерина Константиновна была заведующей вокальной кафедрой и строго следила, чтобы ее студенты непременно посещали все концерты, и не только вокальные. «Иметь голос — это полдела, нужно еще «образовываться»: приобретать эрудицию и опыт, в том числе и чужой», — постоянно твердила она студентам.

Питомцы Иофель могли не дрожать за место в общежитии и за стипендии: за их права она сражалась без страха и упрека. Но и требовала отдачи по полной программе. Часто на занятиях присутствовал ее муж — композитор и пианист Яков Михайлович Расин, который аккомпанировал Клавдии Шульженко и писал для нее песни. Яков Михайлович смотрел патриархом, и грозная Иофель послушно кивала, когда к нему приходило настроение поправить и ее, и концертмейстера, и студента.

Иофель в жизни не признавала полутонов: или черное, или белое, прочие оттенки — «от лукаваго». Точно такой же максимализм исповедовала она и в общении с людьми, облечеными властью. Будь то хоть сам министр.

Валерий, по ее мнению, подавал большие надежды, но сам он ничего

* — см. приложение.

не мог с собой поделать: уже на пороге класса все в нем сжималось, связки напрягались. Он понимал, что, как педагог, она, бесспорно, дает ему колоссально много, но полноценно спеть на ее уроках почему-то не мог... Возможно, это происходило из-за слишком волевой, категоричной манеры преподавания, выбивавшей его из равновесия. В такие моменты Валерию казалось, что он никогда не сможет как следует выполнить то, чего так упорно от него добивается Иофель. Ожидание очередного замечания держало его в напряжении, голос терял краски, гибкость.

ЗЕРКАЛО:

— Он тревожно всматривается в свое отражение. Мне хочется сказать: «Не волнуйся, он с тобой, твой дар. Я знаю и вижу многое в этом мире иллюзий, и поверь, ты не из тех, кто сияет отраженным светом. Ты — настоящий». Он словно слышит мои слова, закрывает глаза и свежим, сильным голосом поет: «Напрасно надежда мне счастье гадает, / Не верю, не верю...» И мы оба хохочем — он, до смешного мимительный, жарко мечтающий о высшей власти — власти артиста над толпой, и я, его отражение в настоящем, прошлом и будущем. Я знаю, что он эту власть получит. А пока, при всем его почтении к первому настоящему консерваторскому педагогу, он теряет перед нею свою волю. Себя.

Через три года Екатерину Константиновну пригласят принять кафедру во вновь открывшемся Красноярском институте искусств, где из-под ее крыла выпорхнут такие оперные звезды, как замечательный баритон Владимир Путилин, которого примут сначала на сцену Мариинки, а потом в Ла-Скала и Метрополитен-опера, а следом за ним блестящий — Дмитрий Хворостовский. После ее отъезда Валерий попадет к профессору Крестинскому.

До безобразия красивый, по-барски вальяжный профессор нежен был не только к своему отражению в зеркале. Студентов он никогда ни за что не ругал, наоборот, всячески нахваливал:

— Голубчик, спели вы бесподобно, все прекрасно, исправлять не будем, вот только повторим еще *это* место. А теперь перенесите акцент вот *слода*, и вы поймете, в чем дело...

Или:

— Голубчик, вы, право, талант, замечательно, однако, в *одном месте*...

42 От Крестинского студент выходил, не чуя под собой ног, в ореоле собственной гениальности. И — неисповедимы пути муз! — она, гениальность, со временем проявлялась. Вот такая манера преподавания и смогла раскрыть у Алиева то, чего так упорно добивалась от него Екатерина Константиновна. Его успехи в развитии голоса стали стремительно расти.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Когда я по-настоящему понял, в чем мое призвание?

Думаю, не в школьном хоре, где я начинал свою певческую карьеру. Не то чтобы мне не нравилось в нем петь. Как-то я нечаянно услышал, как девчонки после очередного занятия сказали обо мне: «поет, как Кибкало». В то время я не знал, кто такой и что такое загадочный Кибкало, но интонация их мне полстала. Хор кончился в одночасье. У меня были какие-то неотложные дела как раз во время репетиции, и я пришел отпроситься у руководителя хора, на что тот мне небрежно ответил, мол, что за дела, не такое уж я ценное приобретенье, могу и вовсе не приходить. А я-то думал, что без меня все рухнет! Ничего удивительного, что после такого напутствия в хор я уже не вернулся.

Оперная студия уже частично повлияла на мой выбор жизненного пути. Но только в консерватории наконец я понял, в чем моя панида. Иофель и Крестинский учили меня не только вокалу, но и жизни. Если бы не они, жизнь, ставшая такой неугодной за стенами Горьковской консерватории, подмяла бы меня в одночасье! Смешно, но долгое время я верил, что люди не могут предавать, обманывать, что для этого нужно сделать над собой такое усилие, которое потом сломает жизнь самого предавшего. Смешно... Теперь я вижу, сколько удовольствия такие экзерсисы доставляют какому-нибудь доморощенному сальери. А я-то переживал за их бессмертные души!

Я никогда не смогу стать первоклассным педагогом. Для этого необходимо не только призвание, но и дар божий.

Ну, а мне с учителями повезло. Они-то обладали этим даром сполна. Очень много дала мне на начальных этапах обучения Екатерина Константиновна. Черновую шлифовку моего еще далеко несовершенного голосового аппарата начала именно она. Но ее заслуга не только в занятиях вокалом. Именно от Иофель я перенял привыч-

ку твердо, порой жестко, отстаивать свои взгляды, избегать серости, быть сильным и первым.

Крестинский же, помимо того что был прекрасным педагогом, мог ободрить своих учеников даже тогда, когда у них что-то не ладилось. Он умел гениально настроить их на творчество, и в его классе постоянно сидели и его студенты, и студенты других профессоров. Атмосфера радости, открытости, вдохновения — вот чем дышали мы на его уроках.

Это был абсолютно неконфликтный человек, пожалуй, чересчур мягкий, делавший все с каким-то непередаваемым вкусом и шармом, будь это урок по вокалу, просто беседа у него дома или застолье.

За столье у Евгения Григорьевича — это тема отдельная. Он умел так по-особому аппетитно выпивать свою рюмку-другую водки и столь же аппетитно закусить ее хрустящим грибочком, что даже трезвеннику хотелось тут же последовать его примеру.

Он очень любил все делать своими руками: картинки, полочки, мебель для дачи. И очень сокрушался, когда какие-то вандалы, раз за разом, совершили налеты на его дачку, рассчитывая поживиться. Не находя ничего ценного, они в ярости рубили топором все, что попадалось под руку. Потом мы все вместе восстанавливали разрушенное и по-философски спокойно ждали нового налета.

Со временем карты были забыты: пришло понимание, что счастливого времени человеку отпущено не так уж много, каждый день — божий праздник, и зачем тратить его на искусственные страсти...

Однако «наиблагоприятнейший» рацион, раз и навсегда облюбованный еще при поступлении в консерваторию, имел вредную привычку не укладываться в обычную стипендию, и Валерий, чтобы приработать пару-тройку никогда не лишних червонцев, устроился лаборантом в кабинет марксизма-ленинизма.

И сразу приобрел дополнительную общественную значимость.

Иезуитская логика коммунистической философии и политэкономии никак не умещалась в головы, прочищенные божественным звуком музыки. Студентам приходилось многократно сдавать и пересдавать трудные дисциплины, и Валерий взял на себя обязанности доброго пастыря. Пересдачи стали реже: своевременное появление лаборанта, задумчиво шествовавшего на зачете или экзамене между рядами студентов, вызывало легкий, как ветер, шелест — это народ торопливо передавал ему номера билетов. Тем же не-

44 спешным шагом лаборант, все так же погруженный в некие размышления, возвращался в свою каморку, быстро совал сзади, за ремень, шпаргалки, распределенные по номерам, и снова появлялся в аудитории. Раздача готовых ответов, отпечатанных на кафедральной машинке, совершилась с изяществом, присущим истинно артистическим натурам — игрокам и музыкантам.

Сам же Валерий с головой окунулся в вопросы экзистенциализма, пре-небрегая безграничными возможностями списать на экзамене что угодно. Это помогает мне петь, — объяснял он преисполненным боязливого почтения товарищам. — Без экзистенциализма Рахманинова не споешь...»

ИЗ ДНЕВНИКОВ

С годами к нашей троице примкнуло еще несколько человек, о которых я и по сей день вспоминаю с огромной любо-вью и самыми теплыми чувствами. Мераб Мегрели (сейчас — заслу-женный артист России, солист ансамбля песни и пляски МО); Вале-рий Иванов (сегодня — лауреат многих конкурсов вокалистов, на-родный артист Чувашии, директор Чувашского оперного театра, которого в наше время не раз выгоняли из консерватории за слиш-ком веселый нрав, но он, к счастью, возвращался вновь), неподра-жаемый Гога Азадян (к сожалению, рано ушедший из жизни), Алла Беляева — Поволжская (ныне солистка Нижегородского оперного театра, заслуженная артистка России).

Именно в этом составе на заре коммерческих концертов, мы организовали ВИА Горьковской консерватории, сделав мощный «чёс» в летнее время по городам и селам Горьковской области (Кузятово, Хрипуново, Атамасово, Надежино и прочая, и прочая). В газете «Знамя победы» от 30 сентября 1978 года появилась первая заметка о начале нашего творческого пути. В дальнейшей моей жизни появится великое множество таких заметок, но эта была ПЕР-ВОЙ! Кажется, что она из совсем другой жизни, другого мира, дру-гого времени:

«В нашем районе продолжаются гастроли вокально-инструмен-тального ансамбля Горьковской государственной консерватории. Свою новую программу ансамбль посвятил 60-летию ВЛКСМ. Программа представляет собой литературно-музыкальную композицию, в которой

Педагоги

ярко и интересно показаны основные этапы пути нашего комсомола... Все участники ансамбля — студенты Горьковской консерватории. Это солисты Валерий Алиев (он же художественный руководитель ансамбля), Виктор Москаленко, Алла Беляева, инструментальный квартет — Юрий Веревкин (ритм-гитара), Григорий Азадов (бас-гитара), Виталий Лузин (ударные), Игорь Белов (орган), оператор Валерий Иванов. Ансамбль покоряет своим профессиональным мастерством и артистичностью... Хочется пожелать ансамблю ГГК творческих успехов и новых встреч с нашим зрителем».

ГЛАВА 7. Ярмарка славы

*«Товар» и «купцы». Призвание — камерный.
Зеркало. Витражное виденье. Слободян.*

Консерваторские годы пролетели подобно дню в гостях у Горного короля. «Из чашки запотевшей счастливое питье», казалось, было выпито залпом, одним жадным глотком.

И вот — финал. До выпускных экзаменов осталось каких-то пятьдесят дней. И не столько важен был сам экзамен, сколько Всероссийский смотр выпускников музыкальных вузов, или, в просторечье, ярмарка вокалистов.

Проходила она ежегодно в одном из «консерваторских» городов. В 1981 году, когда подошел выпуск Валерия Алиева, жребий пал на Астрахань.

Обычно на ярмарку съезжались «купцы» — худруки и директорат больших и малых театров и филармоний, дирижеры, режиссеры и, конечно же, профессура, из чьих классов слетались на нее птицы певчие.

В концертном зале Астраханской консерватории шел бесконечный концерт-«смотрины», выпускники пели заданную программу, «купцы» дежурили в полутемном зале, высматривая «товар», но самое волнующее происходило не на подмостках. Самым страшным испытанием были кулуары.

«Отпетые» таланты с независимым видом, как бы отдохшая, прохаживались по коридорам, внутренне ожидая, что вот-вот кто-то подойдет и скажет: «Вы нам нужны». Скажет свысока, если представляет престижный коллектив, или просительно, с мурлыкающим: «У нас общежитие, через год — квартира, две ставки...», — если нужно было заманить талант к черту на кулички. Если же никто не подходил и не говорил заветных слов — то была катастрофа: ну и куда ты денешься со своим дипломом? Купцы уже забили закрома нужным товаром, толкаться по театрам и в коридорах Роконцерта — неблагодарный труд. В музыкальную школу или училище? — Разве что в самой глухой провинции.

Валерию не приходилось напускать на себя независимый вид — целых двадцать (!) предложений-приглашений расправили его плечи, зажгли огонь в зрачках, лукаво приподняли уголки губ. И приглашений не каких-нибудь тьмутараканских — приглашал Краснодарский областной театр музкомедии, Волгоградский музыкальный театр, Сочинская филармония, Свердловская и Пермская опера... В те дни все вокруг него утверждало непреложную истину — «Жизнь прекрасна!».

Ярмарка славы

И вдруг:

— Молодой человек, меня зовут Исидор Аркадьевич Зак. Зайдите ко мне сегодня через час.

Зак был главным дирижером Новосибирского театра оперы и балета. Приглашение от Зака, дирижера-легенды, — о чем еще можно было мечтать после окончания консерватории?

Исидор Аркадьевич покровительственно смотрел на юношу, ожидая благодарностей. Валерий пожал плечами:

— Спасибо, конечно, за лестное предложение, но я — камерный певец. В опере я не буду звучать.

Зак на глазах налился свекольным цветом:

— Я — главный дирижер крупного театра, и не первый год в опере! Мне, молодой человек, лучше знать, кто и как будет звучать в опере. Заходите.

И, поджав губы, быстро вернулся в зал.

Валерий снова пожал плечами.

Еще на третьем курсе Крестинский, после недолгих размышлений, определил его направление: камерное пение.

Многие студенты консерватории очень переживают, если на них вешают ярлычок «камерный». В среде вокалистов такой «диагноз» воспринимается трагически: опера — это престижно, это ярко, а «камерник» — пасынок Фортуны, певец, который так и не дотянул до оперы.

Валерий с педагогом правильно понимали суть камерного пения. Не было у них ни малейшего сомнения и в каком-либо отсутствии голоса. В репертуаре Валерия уже в то время были многие арии и партии басового репертуара, и он вполне смог бы петь в любом театре. Сама Ирина Константиновна Архипова, годы спустя, писала в статье о конкурсе Франсиско Виньяса в Барселоне: «Валерий Алиев обладает сильным красивым голосом. Возможно, слишком сильным для камерного пения». Так что дело было не в голосе, а в том, что Валерий был уверен: камерный жанр требует большие мастерства, гибкости голоса, артистичности. В отличие от оперного жанра, камерный певец должен знать великое разнообразие стилей, уметь сыграть, а не только спеть, небольшое произведение, в котором драматизма зачастую не меньше, чем в опере. И ведь таких произведений в программе одного лишь концерта — десятки... Нет, опера ему бы «жала в плечах», с одним образом, одной палитрой и — с ее вечной борьбой за строчку в начале программки, с зависимостью от режиссера, от массы прочих мелочей и не мелочей, часто не имеющих прямого отношения к твоему собственному мастерству. Много

48 энергии пришлось бы затрачивать на работу «около искусства». Камерный певец — сам себе режиссер, сам выбирает себе программу, сам творец огромного количества маленьких спектаклей, на подмостках — лишь он, фортепьяно и аккомпаниатор. Нет, опера не для него! Разве что — в качестве зрителя.

Ни в тот день, ни в другой Зак его так и не дождался. А уже после ярмарки в Горький к Крестинскому пришло его рассерженное письмо из Новосибирска, где еще раз досталось и «глупому юноше», и мудрому профессору.

Там же, на ярмарке в Астрахани, сразу после рассерженного новосибирца к Валерию подошел художественный руководитель Калининградской филармонии Николай Луганский, с которым он познакомился еще на Всероссийском конкурсе эстрадной песни в Сочи в 1980 году.

— Валерий, так рад вас снова видеть! Только что с огромным удовольствием послушал вашу программу и хочу напомнить о своем приглашении в Калининград. Надумаете — приезжайте в любое время.

ЗЕРКАЛО:

Валерий только краем глаза скользнул по своему отражению и опять не увидел, как блеснул и погас витражный узор далекой кенигсбергской кирхи, строгий орнамент серебряных органных труб... Этот город станет для него даром и проклятьем. В этом городе ему предстоит поединок, которого никому никогда не избежать, если только ты — личность. Здесь черная звезда на мгновенье обожжет его сердце, открав его внутреннему взору бездну вечного безмолвия, манящую безразличным покоям, таким желанным среди тягот ежедневной партизанской войны всякой мелочи против беззащитного великана. Но здесь же его будет ждать и старт марафонской дистанции, которую он преодолеет с честью. И славой, о господи!

Калининград манил. Но все едва не сломалось по мановению пальчика Екатерины Иофель.

— Валера, вы должны приехать к нам в Красноярск! Для вас есть прекрасная работа в институте, есть оперный театр, филармония. Уважьте старого педагога!

И снова в его горле знакомо напряглись связки, снова почувствовал он себя первоклашкой у подножия пьедестала Большого Учителя.

Ярмарка славы

— Конечно, Екатерина Константиновна. С радостью.

Сработал привычный гипноз. Наталья Дмитриевна Шпиллер, председательствовавшая на ярмарке, тоже одобрительно кивала головой. А к вечеру Валерий метался, подобно тигру в клетке:

— Что я наделал?! В Красноярск? В *оперный*?

Вернувшись в Горький, он тут же позвонил в Москву. После победы на Сочинском фестивале в Министерстве культуры к нему были благосклонны. В те времена чиновники министерства еще отслеживали путь своих лауреатов, поддерживали их, следили за дальнейшей судьбой. Поэтому распределение их «первой премии» в далекий Красноярск было воспринято не очень одобригельно. И Валентина Петровна Кузнецова, которая в то время «дирижировала» всеми музыкальными учреждениями России, тут же поспешила успокоить Валерия: «Не переживай, соколик, хочешь Калининград — будет тебе Калининград. Вот, прямо сейчас вычеркиваю Красноярск и вписываю Ка-ли-ни-нград. Готово. Удачи!»

Второй звонок был Луганскому в Калининград:

— Не передумали еще — приглашение в силе? Тогда приеду... наверное. Приличный пианист есть?

— Есть. Приезжайте, ждем!

Приличным пианистом оказался Владимир Слободян, с которым они работают теперь уже третий десяток лет.

Владимир Слободян, выпускник Ленинградской консерватории, привез в этот город ту питерскую вдохновенность, которая не давала ему оставаться только в одной роли, определенной должностной инструкцией. Как инструменталист он был безупречен, но до Валерия с вокалистами еще не работал, и понапачалу ему было сложно осваивать новый для него жанр. Но что не по плечу двум молодым, зажженным от одной божьей искры талантам? Через пару-тройку лет Владимир уже овладел искусством слышать дыхание певца и становится прекрасным концертмейстером, одним из лучших в России.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Первая встреча с Владимиром Слободяном оказалась судьбоносной.

Как-то с первого раза мы почувствовали родство музыкальных душ, одинаковую жажду нового, интерес к работе. Сейчас это неве-

роятно, но уже спустя полтора месяца мы выступили в зале Калининградской филармонии с первым сольным концертом. Для программы выбрали, в основном, произведения, выученные мною в консерватории. Это были романсы Рахманинова, Свиридова, Шебалина, Шостаковича. И — успех!

После этого концерта вот уже третий десяток лет мы работаем вместе. Объехав всю нашу страну, мы как-то подсчитали, что вместе проводим времени гораздо больше, чем с семьями. За долгие годы совместной работы даже привычки и вкусы у нас стали похожи. На гастроли мы выезжали с одинаковыми сумками, в одинаковых шапочках и куртках, из-за чего нас часто принимали за спортивную команду. Но и будучи в разных городах, мы умудрялись приобретать одинаковые вещи. Однажды, встретившись после летних отпусков, мы обнаружили, что одеты в новые, абсолютно одинаковые носки и футболки. Хотя Володя отдыхал в Сочи, а я — на острове Хортица на Днепре.

В те, восьмидесятые годы мы проводили на гастролях многие месяцы. Это было замечательное время, о котором сейчас говорят пренебрежительно — «застойное». Я бы счел за огромное счастье прожить еще несколько лет в таком «застое», когда мы смогли побывать во всех уголках Союза, выступая в больших и малых залах, на полевых станах и в цехах, в красных уголках и залах консерваторий... Мы любили всю нашу Страну — от старых улочек Риги до сказочных замков Бухары. Мы пересекли ее многократно на поездах, самолетах, автобусах, вертолетах.

На одном из таких перелетов нам попалась стюардесса, которой либо страшно надоела ее работа, либо она просто не выспалась. На прощанье я подарил ей стихотворенье о своих впечатлениях от этого полета:

*НЕГОСТЕПРИИМНОЙ СТЮАРДССЕ
(рейс Москва — Благовещенск, 8 апреля 1987 г.)*

*Летя на вашем самолете,
Я нахожусь под грузом стресса,
Когда такая стюардесса
Сопровождает нас в полете.*

Ярмарка славы

*Усталость с раздражением вкупе,
В глазах ни капли доброты,
Напоминаешь, право, ты,
Ты, что летала раньше в ступе.*

*Ты — диссонанс среди коллег,
Ты — обгоревший угол хлеба.
Ну что же, видимо, и небо
Должно иметь своих «калеек».*

*Быть может, в чем-то я не прав,
Так скинь пугающую маску,
Радущие яви и ласку,
И женственно-спокойный нрав.*

К нашему удивлению, прочтя мои торопливые вирши, она в первый раз за весь полет мило улыбнулась.

Мы старались строить свой гастрольный график таким образом, чтобы он захватывал апрель. Дни рождения у нас обоих в апреле, 9-го и 15-го. И мы с Владимиром делали друг другу ставшие за эти годы уже традиционными подарки: на его день рождения я приглашал его в ресторан, а затем он приглашал в ресторан меня, на мой день рождения. Обычно это происходило в разных городах страны, и память о таких посиделках осталась очень яркой и приятной.

Я благодарю судьбу за эту первую встречу со Слободяном, которая помогла мне (думаю, и ему) максимально полно проявить свой творческий потенциал.

ГЛАВА 8 . Янтарный край

*Калининград. Минский шок.
Начальство. Квартирный вопрос.
Человек с авоськой. Первый духовный.*

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Итак, консерватория позади. Позади бессонные ночи (и не только карточные!), груды книг по музыкальной литературе, общественным дисциплинам и другим предметам, горы экзаменов, зачетов, которые были успешно преодолены. Причем настолько успешно, что я получил «красный диплом», и это несмотря на отсутствие начальной музыкальной подготовки. А если вспомнить, что я получал за годы учебы и Ленинскую стипендию, и стипендию им. Станиславского как лучший студент, то у меня есть повод гордиться собой.

А экзамен по педагогической практике показал, что, если у меня и нет, возможно, такой «искры божьей», как у моих замечательных педагогов, но учитель из меня получился тоже неплохой. Во всяком случае, мои ученицы на экзамене были очень высоко оценены, показали вполне профессиональный уровень, несмотря на то, что все они изначально этим никогда не занимались. Думаю, что после этой педагогики они вполне могли бы посвятить себя профессиональному пению. Но у каждого своя дорога. А с ними до сих пор у меня сохранились прекрасные отношения, благодарен им за мой первый педагогический опыт.

В Калининград Валерий Алиев приехал одиннадцатого августа 1981 года — в благословенное время каникул и отпусков. Никто его здесь не ждал, филармония стояла закрытой, отыхай — не хочу. Валерий — не хотел. Общежития в филармонии не было, и его с семьей поселили в гостинице «Калининград». Побродив несколько дней по городу, он набрал книг и засперся в номере. Там он и продавливал койку около месяца: в филармонии все разошлись в отпуска.

На десятый день такого вольного существования Валерий уже кипел: нужен он здесь, или нет? Что за чертовщина — даже позаниматься негде.

Янтарный край

В Управлении культуры деловито шебуршали какие-то люди, на лицах которых при первом же вопросе — неважно о чем — возникало обиженное выражение оскорбленной невинности. Никто ничего не знал и не мог ничего сказать, даже если бы у них просто спросить, который час. Наконец терпенье его лопнуло. Дрожа от раздражения, он натянул джинсы, футболку, — чего никогда себе не позволял, являясь в коридоры власти, — и чуть ли не бегом помчался в филармонию.

И — о, чудо! — в кабинете директора он застал... директора! Бог весть зачем она зашла в прохладу вымершего присутственного места в самый разгар отпуска.

Инна Мироновна Бочарова, милейшая женщина, была далека от искусства. Спустя два года ее как номенклатурную единицу «бросят» возглавлять не то комбинат, не то школу. Свое пребывание в филармонии она воспринимала с ангельским терпением, старалась не попадать под руку вечно недовольным артистам, стойко переносила навязчивое общество завхоза, но к «новенькому», парню из Горького, прониклась вдруг обычновенным человеческим сочувствием.

Он влетел в кабинет — глаза горят, сердитый, обиженный. Еле поздоровавшись, выпалил:

— Знаете, по-моему, на вашем празднике жизни я лишний! У вас вообще хоть кто-нибудь работает? Который день вообще не могу проникнуть в филармонию. Мне каждый день заниматься надо! Здесь у вас можно в какой-нибудь месяц и квалификацию потерять!

— Валерий, вы не волнуйтесь так, пожалуйста. У вас есть сейчас время?

— Больше, чем мне хотелось бы!

Инна Мироновна мягко улыбнулась, словно успокаивая его взглядом, и набрала номер гаража:

— Толик, вы на месте? Я хочу сейчас проехать в новый зал. Да, буду ждать на улице. — Она снова повернулась к нему: — Валерий, я вам хочу кое-что показать. Уверена, что после этого настроение у вас изменится...

Валерий, уже чувствуя, что напрасно обидел эту милую женщину, что в его разнесчастном положении она совсем не виновата, и от этого еще больше сердясь, молчал и смотрел на пролетающие мимо обкомовской «Волги» улицы чужого, не принявшего его города. Инна Мироновна тоже молчала, но это у нее получалось так обаятельно, что раздражение Валерия стало утихать. Наконец она повернулась к нему:

54 — Приехали. Пойдемте, — первой вышла из машины и, не дожидаясь его, направилась к старинному зданию, исполненному красоты и благородства.

Валерий следовал за ней притихший, потрясенный. Она открыла старинную замковую дверь, и он замер — солнечный полдень весело играл фонтаном разноцветных огней, брызгавших с высоких готических витражей. Устремленный ввысь купол здания обещал божественное отражение звука, серебряные трубы органа пронизывали этот праздник красок.

— Валера, вы будете здесь петь, — тихо сказала Бочарова.

И он увидел зал, светящийся белыми просветленными лицами, алые пятна роз на крышке рояля, услышал рокот органа и свой голос, летящий по спирали вверх, вверх, вверх — до сияющего диска, отстраненно глядящего сквозь синь неба.

— Ну, что — остаетесь? — лукаво спросила она, заглядывая снизу в его лицо.

— Остаюсь...

ЗЕРКАЛО:

— Вот уж, поистине... Наконец он смог увидеть то, что я так настойчиво пытались ему показать почти полгода назад, на Ярмарке славы. Да, он будет здесь петь, он станет хозяином этого прекрасного зала, куда привлечет множество талантов, звезд, легенд нашего века, музыкантов, вошедших в золотой фонд российской культуры: Архипова, Долуханова, Петров, Башкиров, Магомаев, Синявская, Шилклопер, Янченко, Баева, Лядова, Колкер, Пахоменко, Казенин... Здесь состоятся премьеры его спектаклей, которые вызовут потом столько восхищения в Москве... Но в этом же зале не раз ему нанесут и удар в самое сердце. Что ж, такое столкновение теплых и холодных течений — удел большого мастера, большого человека.

Валерий, зачарованный открывшейся ему блестательной картиной, остался. Гостиничный номер видел его теперь только поздно вечером: почти все время он проводил у концертного рояля в новом зале филармонии. Вскоре после отпусков стали возвращаться его коллеги, приехал после отдыха в Баку любезнейший Луганский, шумно радовавшийся решению Валерия оставаться в его филармонии. Затем — встреча с Владимиром Слободяном и, спустя полтора месяца, их первый сольный концерт, концерт-знакомство с новой

Янтарный край

публикой и с новым именем в калининградской музыкальной жизни. Кажется, первой встречей обе стороны остались вполне довольны.

Осень только начала разворачивать свое золотое волшебство в этом городе на Балтике, как Валерий получил удар, которого не ждал.

В октябре он выехал на конкурс имени Глинки в Минск. Здесь ему аккомпанировала Светлана Владимировна Виноградова, его педагог по камерному пению в Горьковской консерватории, с которой он до этого готовил все программы. Знакомые лица — и среди конкурсантов, и среди профессуры, добрые отношения, уютное чувство, что программа для конкурса подготовлена как надо...

И — шок. Провал! Полнейший. Валерий выходит на сцену, но телеоператоры уже выключают софиты, сворачивают провода, жюри его не слушает — отвернувшись, они все что-то оживленно обсуждают. Он поет. Поет как надо, зная, что сегодня он в голосе и что техника и настрой созвучны вдохновению, но в то же время с ужасом осознавая, что все — впустую, его никто не слышит, вернее, — не слушает. Обида, непонимание — за что? — обжигают сердце. То, что сейчас происходит, он осознает много позже.

К вечеру в списке прошедших на второй тур конкурса его фамилии нет. Срезан с первого тура.

ЗЕРКАЛО:

— До вечера он кружит по улицам города, как раненая птица. Заходит в кафе, и, заказав чашку кофе, так и оставляет ее нетронутой, чтобы снова уйти в октябрьскую морось. Его невозможно остановить — его глаза, отраженные мною в случайных зеркалах и витринах, кричат: «Помогите!» Я вчуваю ему: «Не смей отчаиваться! Вернись!» Но он ничего не слышит и не видит: обида выжигает его изнутри тугим пустынным ветром. «Глупец! — я кричу ему в ответ на шум крови, стучащий в его виски. — Ты сдаешься, еще по-настоящему не начав! Тебя судили люди, а люди — не ангелы. Они могли устать, что-то могло выуть их из колеи, отвлечь, не дать тебя услышать! — «Но это жестоко, — упрямо возражает он, — они должны были выслушать!»

Мои протесты его в чувство не привели. Такое отчаянье **ему** не подобало... Нельзя же музыку любить большие жизни. Он — любил.

Вернувшись наконец в гостиницу, он увидел, что в его комнате собирались все, кого он знал по конкурсу, — ребята, девушки, преподаватели, также приехавшие на конкурс и жившие в той же гостинице:

— Валера, не расстраивайся. Спел ты очень хорошо, здесь какая-то ошибка. Завтра пойдем, разберемся.

Конечно, никуда повести себя он не дал — просто собрался в считанные минуты, не глядя на сочувственные лица товарищей, и отбыл в Калининград.

Из дневника

Такого я еще не испытывал. Ощущение полной беспомощности и недоумения. То, что может произойти самое неприятное, я понял еще до моего выхода на сцену. Передо мной друг за другом выступали действительно достойные певцы, баритоны — Володя Чернов и Михаил Жилюк. Их активно снимало телевидение, оба — ученики прославленного Гуго Тица, который сидел в жюри. Но сразу после выступления Владимира Чернова телеоператоры выключили софиты, смотали шнуры, и я вышел на сцену, казавшуюся совершенно темной после яркого освещения. Мне стало ясно — как бы я ни спел, результат был предопределен.

Председателем жюри традиционно была Ирина Константиновна Архипова. Но в день моего выступления она срочно вылетела в Москву на спектакль. В жюри оставались прекрасные музыканты. Но именно тогда, в Минске, я впервые понял, что между гениальным исполнителем и справедливым, честным членом жюри не всегда можно ставить знак равенства.

Такой чувствительности в себе он не подозревал. Уже в Минске земля уходила из-под ног, а в Калининграде едва дошел до гостиницы — и свалился. Думал, что отдохнет, отоспится, и все пройдет.

Не тут-то было: стоило открыть глаза, как комната начинала вращаться в бешеной карусели, к горлу подкатывала тошнота — и голова бессильно падала на подушку. К концу дня вызывали «скорую», и Валерия отвезли в медсанчасть № 1, лучшую по тем временам калининградскую больницу. Диагноз был сурров: энцефаломиелит.

Когда переставало диким спазмом сжимать голову, начинало болеть сердце, депрессия несла его снежной лавиной, накрывая с головой хо-

лодным покрывалом. Боль не отпускала его из цепких своих лап четыре месяца.

А тут вдруг и целая делегация из Управления культуры явилась. Две пухлые дамы, похожие друг на друга и плоскими белыми лицами, и нейлоновыми «импортными» блузками, торжественно несли один букет из разноцветных астр. Сопровождавший их молодой человек с беспокойными глазами тут же сострил: «Пер аспера ад астра — чрез терни к астрам». Дамы пристроили наконец букет в банку из-под яблочного сока и взорвались на болящего. Растроганный Валерий постарался принять бодрый вид, нодежурные улыбки дам его насторожили.

— Ну, и как вы чувствуете себя? — вежливо осведомились «делегаты» и неловко замолчали, оглядывая палату, поправляя астры, шурша свертками с печеньем и яблоками.

— Уже лучше, — растерянно ответил он и тоже погрузился в неловкое молчанье.

— А когда выписывают? — так же вежливо продолжала допрос старшая из делегации. — Филармония уже беспокоится.

«Интересно было бы посмотреть на обеспокоенную филармонию», — подумал Валерий. Дамам явно было скучно. Посидев для приличия еще минут пять и повздыхав насчет международного положения, они попрощались с больным.

Через несколько минут рассерженный врач, наблюдавший Валерия, распахнул дверь палаты и сел с ним рядом:

— Ну, батенька, у вас и руководство! — зло хохотнул он. — Только что меня допытывали — будешь ли ты петь. Видишь ли, уж очень они беспокоятся насчет квартиры — как молодому специалисту они обязаны тебе ее дать, но... если ты не сможешь петь, то... В общем, успокоил я их — сможешь! Теперь ты просто обязан пойти на поправку — хотя бы для того, чтобы утешить им нос. «Гвозди бы делать из этих людей!»

Так оно и вышло — Валерий, казалось, только и ждал такого вот толчка, возмущенья, чтобы кровь быстрее побежала по жилам.

Квартирный вопрос испортил не одних только москвичей. Обнадеженный бесконечными «завтра», уставший от гостиничного бытия, где он жил с женой и сыном, Валерий несколько раз в месяц наведывался в обком (а именно обкомом партии ему была дана гарантия получения квартиры) узнать, скоро ли будет ему обещанная квартира.

58 — Ну что вы так беспокоитесь? Раз обещали — будет вам квартира. Ну не в этом доме, а в следующем, — отвечал секретарь по идеологии товарищ Щекин.

Игра «вопрос — ответ» тянулась довольно долго, пока однажды Валерий не попал под горячую руку:

— Да что вы сюда все ходите? Не будет вам никакой квартиры! Обком квартиры не распределяет!

— Но ведь в прошлый раз вы говорили…

— Ничего я вам не говорил и не обещал! Квартиры вам не будет!

Оскорбленный коммунист Алиев, еще не растерявший почтения к партбилету, вышел, хлопнув дверью. В его понятие о самой гуманной системе мира такое поведение не укладывалось.

ЗЕРКАЛО:

Спустя некоторое время он все же получил квартиру.

Потом кончился коммунизм.

Потом он стал народным артистом.

Жизнь, как синусоида, катала Валерия на своих американских горках. За все приходилось ему платить в тридорога — за любой подарок Фортуны, за мизерный островок покоя, за мелочь, которая другим доставалась «за так».

Неизменным и постоянным оставалось искусство, его святое прибежище.

И никогда не кончалась работа.

Его отражение жило загадочной своей жизнью, испытывая и проветряя на себе превратности судьбы. Ну, а Фортуна, обращая слепой свой взор на звук его голоса, словно соблодила некое обещанное кому-то равновесие — не дать ему упасть в черную пропасть безвестности и не пустить слишком высоко, пока полет еще не оплачен сполна.

Дар, отпущененный свыше, не должен был исчезнуть бесследно. Обязывал жить и петь. Даже когда не пелось.

Спустя много лет, выйдя из машины, чтобы купить газету, Валерий уступил дорогу старику, нагруженному двумя авоськами с картошкой.

Старик прошел, не подняв головы. И только по брезгливой губе, по трясущимся щекам узнал в нем Валерий того самого секретаря по идеологии, который ругая ругал его за ритуальное вопрошение про квартиру и перед

Янтарный край

которым навытяжку стояли многие руководители разных рангов. Наверное, синусоида товарища Щекина устала искусственно устремляться все выше и выше... и выпрямилась.

«Поднести, что ли, авоськи? — подумал Валерий. — Да еще не так поймет. Что ж это он так по-сиротски-то... А крутой был начальник. Громкий».

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Мне никогда напрямую ничего не запрещали. Вообще, это не в правилах высокого руководства: есть масса других способов отменить какое-нибудь нежелательное событие. Единственный раз начальник Управления культуры товарищ Гречко сделал попытку запретить концерт духовной музыки в филармонии. Это было в 1987 году, в канун 1000-летия христианства на Руси.

Свой запрет Иосиф Андреевич мотивировал «отсутствием каких-либо указаний по этому вопросу сверху». Мне тогда показалось странным и неожиданным для человека, стоящего у руля культуры, отождествление наследия духовной культуры человечества с религиозной пропагандой. Только после консультаций в Министерстве культуры (где, кстати, были нескованно удивлены сообщением о запрете такого концерта), после многократных согласований в различных инстанциях, концерт был разрешен. Но сколько нервов и впустую потраченного времени ушло на это! Правда, с афишами вышла заминка — последний рывок с палкой, чтобы воткнуть ее в движущееся колесо. Афиши не вышли, так что запретитель сделал все, что было в его силах.

Сразу после концерта областная газета «Калининградская правда» опубликовала мою рецензию по поводу рецидива запретительства чиновников от культуры. В тот же вечер ко мне домой позвонил Гречко — объяснить, что его «не так поняли», что все перечисленные неувязки — случайные и досадные совпадения... Я, не дослушав торопливые оправдания, повесил трубку. Хотя этот звонок, на мой взгляд, все-таки делает честь тогдашнему «главному культурному человеку области», который, в отличие от нынешних руководителей, смог найти в себе силы хоть как-то отреагировать на нелицеприятную публикацию.

60

Это был первый в советской истории города Калининграда концерт духовной музыки. Чесноков, Бортнянский, Львов, Чайковский... Пела капелла под управлением Тамары Максимовой, солировал Валерий Алиев. Люди раскупили все места в зале, включая приставные стулья. Те, кому не посчастлилось с билетом, стояли у настежь распахнутых дверей концертного зала. Стояли два с лишним часа, слушая неизвестную прежде музыку.

И не нужны были афиши, разрешения, знакомства — то был праздник для всех, праздник, в котором не было отказано ни единой душе.

Сегодня духовную музыку поют все, кому не лень. И те, для кого она — вершина искусства, и те, для кого это очередной «хит», коммерческий выбор, те, кто ни в коей мере к этому не готов — ни духовно, ни профессионально.

Но в тот день эта музыка звучала откровением, открытием, и хор, и Валерий пели ее, сами потрясенные сопереживанием зала...

ГЛАВА 9. Конкурсы

Саратов, Таллинн, Сочи.

Размышления о пользе конкурсов.

До описанного выше злосчастного конкурса в Минске была еще целая их череда. Были они и после. И об этом стоит написать подробнее.

Саратов.

1979 год. Перед Всесоюзным конкурсом вокалистов имени Глинки российские соловьи слетались в какой-нибудь город, чтобы выбрать лучших, тех, кто будет представлять Россию на Всесоюзном конкурсе. На этот раз повезло Саратову. Предварительным конкурсом командовала Наталья Дмитриевна Шпиллер — по традиции председательствуя в жюри отборочного конкурса.

Валерий, третекурсник консерватории, волновался больше, чем старался показать. Это был его первый официальный конкурс, пусть и отборочный. Вдбавок голову кружила весна, совершенно чудесная поездка с консерваторскими друзьями в «город золотых огней», веселые рейды вдоль базара, где они под щуточки торговок «пробовали» соленые огурчики, капусту — все, что как нельзя более подходило под пятикопеечные пирожки с картошкой.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Мое волнение на первом публичном прослушивании было невероятным. Горло пересыхало, сердце колотилось. Немного успокоился, когда мы со Светланой Виноградовой вышли на сцену. После исполнения первого произведения я почувствовал, что голос звучит, сердце успокаивается. Но в этот самый момент из зала, от столов членов жюри, прозвучал голос Натальи Дмитриевны Шпиллер:

— Молодой человек, а какое произведение вы сократили?

Дело было в том, что из-за большого количества конкурсантов жюри приняло решение о сокращении программы. Мы тоже это сделали, и ведущая объявила нашу программу уже в сокращенном виде. Видимо, Наталье Дмитриевне что-то показалось неясным, и она решила уточнить. Но когда!!! Во время выступления!!! Все мое равновесие полетело к чертам. Опять глотка стала походить на наждак.

Я, повернувшись к Светлане Владимировне, смог только шепотом прохрипеть:

— Скажите ей...

Дрожащим голосом, судорожно вытирая носовым платочком мгновенно вспотевшие ладони, пианистка доложила Шпиллер об изменениях в программе. И мы продолжили выступление. Не помню, как я собрался и как допел программу. Но, по-видимому, все обошлось хорошо, раз мы, несмотря на сильнейшую конкуренцию и волнение, прошли на Всесоюзный конкурс.

Победа на отборочном конкурсе только большие разволновала: главное было в Таллинне, где должен проходить очередной IX конкурс вокалистов им. Глинки.

Перед поездкой в Старый город Валерий получил в виде напутствия пессимистический прогноз, что все равно дальше первого тура его не пропуссят: Горьковская консерватория, как ни пыталась, до того ни разу дальше первого тура допущена не была.

Но в глубине души...

Таллинн.

Старый город середины лета стал настоящим откровением: по-загородному чистые улочки с правильными водителями и еще более правильными пешеходами, с маленькими уютными кафе под зонтиками. Утро в Таллинне смешивало туман с вкусным запахом кофе и свежих булочек. День просеивал сквозь зелень каштанов и киноварь черепичных крыш золото солнца и теплое серебро балтийского дождика. Вечер заманивал на узкие улочки, пахнущие средневековьем, где чопорность и соблазн гуляли рука об руку. Страна ожидала грядущую Олимпиаду — первый массовый допуск из-за железного занавеса, и Таллинн обзавелся фешенебельным «Спорт-отелем» для участников парусной регаты. Вот в том-то отеле и поселились наши певчие птицы.

С набережной отель походил на огромный лайнер. Необычно уютно было и внутри, в небольших «каютах», обставленных опять же с непривычным советскому оку изыском. Глоток запретного Запада — вот чем дышал он в Старом городе. Таллинн кружил голову, но Валерий не забыл, что надо «стремиться, бороться и не сдаваться», — вдохновенье струилось по венам, новые оберттоны окрашивали голос.

Конкурсы

И впервые в истории Горьковской консерватории Валерий вышел во второй тур. На третий, правда, не прошел. Но и два тура были достижением. Когда они со Светланой Владимировной вернулись из Таллинна в Горький, в холле консерватории их встречал многоцветный плакат-поздравление — Алиев пробил тропу на новый горизонт.

Именно после этого прорыва горьковчане стали побеждать и на конкурсе Глинки, и на других престижных вокальных конкурсах.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Нужны ли конкурсы вообще?

По этому вопросу существуют два абсолютно полярных мнения.

Главный козырь противников каких бы то ни было вокальных состязаний: «вот тот-то (или та-то) и без всяких конкурсов стал великолепным певцом. А конкурсы — пустая трата времени и нервов».

Действительно, есть немало примеров, когда певец, неудачно выступивший на конкурсе, впоследствии становился мировой знаменитостью (и наоборот!). А многие из звезд и вообще никогда не участвовали ни в каких вокальных состязаниях.

К тому же существует, к великому сожалению, и несправедливость в распределении призовых мест, и отсев хороших голосов ради протежирования «своих человечков». К тому же члены жюри воспринимают каждое выступление очень субъективно, пропуская через свое восприятие и понимание. Не случайно говорят, что сколько членов жюри — столько и мнений. Много споров и поисков идет и в системе оценок выступлений.

Но мне ближе мнение защитников конкурсов, и я советую всем, кто имеет хоть какую-то возможность участия в вокальном состязании, не упускать этого шанса. И дело здесь абсолютно не в получении какого-то звания или премии, хотя это тоже немаловажно в нашей стране для дальнейшей работы.

Главное, что подготовка к любому конкурсу дает такую колossalную встряску и открывает столько глубоко запрятанных возможностей, до которых в обычной работе можно и не докопаться.

Подготовительная работа к любому конкурсу — это горы перелопаченного нотного материала, разучивание новых произведений, утонченная фильтровка уже готовых, совершенно иное, более глубокое и внимательное, отношение к занятиям по вокалу, прослушивание

большого количества записей и т. д. и т. д. А на самом конкурсе — возможность, как говорится, и людей посмотреть, т. е. послушать, и себя показать. Ну где еще можно услышать такое количество прекрасной классической музыки, столько новых молодых голосов, сравнить, оценить, сделать нужные выводы и замечания к себе, встретить новых и старых друзей?

Я слишком поздно, по нынешним меркам, начал заниматься и пением, и конкурсами. Приняв участие в шести вокальных конкурсах, я с горечью констатировал, что мой возрастной конкурсный лимит исчерпан. Но чтобы подольше сохранить неповторимую атмосферу творческого состязания, я, несколько лет спустя, придумал «свой» конкурс, который уже отпраздновал первое десятилетие, и работаю в жюри других конкурсов. И каждый раз, слушая очередного участника, я представляю на его месте себя, волнуюсь, переживаю из-за неправильно взятой ноты, восторгаюсь удачной фразе.

Помня свой собственный опыт, свои переживания, я стараюсь быть максимально объективным, требуя того же и от других членов жюри. Порой бывает невыносимо стыдно, когда решения жюри вызывают откровенную насмешку и неприязнь всех конкурсантов. К счастью, этого никогда не происходит на конкурсе «Янтарный соловей», за что я безмерно благодарен всем членам жюри, с которыми мне посчастливилось работать. Это не только певцы и профессора высшего класса, но и честные, замечательные люди.

Сочи.

Фортуна явно повернула к Валерию блестательный свой анфас.

Щедрое черноморское лето, синее море, желтый песок, воздух тягуче сладок от фруктов, цветов, выбирает от бездумной радости. Эта же радость поет в крови. Валерий чувствует, что заповедь «живите, как птицы небесные, как лилии полевые» — это про него. На дворе 1980 год, Всероссийский конкурс исполнителей советской песни.

Эстрада? Эстрада. Но в жюри — выдающиеся мастера этого жанра: Владислав Казенин, Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Алексей Дементьев, Валентина Толкунова, Гелена Великанова, Оскар Фельцман, Марк Фрадкин, Владислав Успенский, Георгий Портнов, маэстро Лундстрем... Атланты и карнатиды советской эстрады!

Конкурсы

Дни проходят в репетициях, но есть время сбегать и на море, и пройтись по вечерней набережной. Раннее утро на сочинском пляже — каждый дневный день рождения. Солнце еще только выплывает на небо, песчаная лента вдоль прибоя безлюдна, ноги сами несут к морю — в ласковую соленую волну. А навстречу уже бежит загорелая, как шоколадка, Лариса Долина, — у нее репетиции с утра, и когда она только успела искупаться и позагорать? Или вовсе не успела еще вернуться в гостиницу после ночных зализываний?

В веселой сутолоке можно наткнуться на артистичного Макса Дунаевского, — он привез сюда свой ансамбль «Фестиваль». Тут же и ансамбль «Шестеро молодых», которых на самом деле гораздо больше, среди них — Николай Растворгусев, который схватит за хвост свою жар-птицу только много лет спустя. А вот — «Добры молодцы», вечно окруженные поклонницами. Особняком — аристократы подмостков, джазмены из Кемеровского ансамбля «Диалог» с Кимом Брейдбургом.

Гуляющая публика с удовольствием узнает лица, примелькавшиеся на популярных фотооткрытках и на экранах, но особенно с автографами к знаменитостям не пристает, никаких навязчивых «фанов» — не то время. Пока что это не в моде.

Валерий наслаждается уже тем, что участвует в праздничном бурлении.

Программа, которую он составил после долгих переговоров, оказалась удачной — «Баллада о знамени» и «Возвращение романса» Оскара Фельцмана, «Память» Владислава Казенина, «Казаки» Дмитрия и Даниила Покрассов. Дежурный оркестр конкурса — знаменитый коллектив Олега Лундстрема. Поскольку сам маэстро сидит в жюри, дирижирует Александр Терлецкий, который в обычное время руководит ансамблем самого Муслима Магомаева.

Все шло хорошо, но с «Возвращением романса» получилась накладка — не оказалось партитуры. Чтобы не срывать программу, Александр Терлецкий сам садится за рояль, а Игорь Лундстрем, старший брат Олега Леонидовича, аккомпанирует на саксофоне. Получается в миллион раз лучше, чем с оркестром.

И — как снег на голову — первая премия.

Словно на миг кто-то выключает звук.

Валерию кажется, что пол под ним скользит по склону гигантского водяного вала — и вот он на гребне.

Овации.

66 На другой день он с любопытством перебирает газеты. Вот о нем: «...этаплон исполнения советской песни», «главное открытие конкурса», «сильный, красивый голос», «артистизм»... Вот здорово! Жаль только, что нельзя еще немножко продлить праздник: пора возвращаться в Горький. Что ж, волжские плесы хоть и не блистают черноморской роскошью, а по-своему хороши.

Мысль о том, что на гребне успеха можно было бы заехать в Москву и с первой премией пробиться на радио, телевидение, в прессу и даже бросить якорь в столице, — даже не приходит ему в голову.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

В то время новоиспеченные лауреаты Сочинского конкурса не были брошены на произвол судьбы. Обычно после очередного конкурса набиралась большая группа лауреатов всех предыдущих и последнего конкурсов, и начинались большие гастроли. Руководил этими гастролями замечательный энтузиаст, работник Министерства культуры России, ответственный секретарь Сочинского конкурса Геннадий Смирнов. Он был и администратором наших гастролей, и организатором, и ведущим, и душой всего, что происходило с нами. Его первый выход на сцену сразу задавал какую-то торжественно-праздничную ноту всему концерту: «...Ты входи в дом любой, нам без песен нельзя!»...

Поездки были длительными, выезжали обычно концертов на 60—70, но это были счастливые гастроли друзей и единомышленников.

И где бы мы ни выступали — в северном комарином краю или на черноморском побережье, — залы были переполнены, да и мы выкладывались по полной программе. И до сих пор в ушах радостный голос Геннадия Васильевича Смирнова, перекрывающий фанфары: «Сегодня с вами — лауреаты конкурса советской песни в городе Сочи!», и аплодисменты, аплодисменты...

Сценарии, написанные для нас наверху, — странная вещь! Задним числом иногда хлопнешь себя по лбу — эх, упущен шанс! Ах глянь — по неведомой нам логике карты ложатся в причудливый, но разумный пасьянс, и выходит, что кто-то там, наверху, придумал получше, чем это сделал бы ты сам, при-

Конкурсы

шпоривая желанья, загоняя своих коней в погоне за ускользающей тенью госпожи Фортуны.

Ну не взял с налету столицу — что за беда? Долго ли держали ее те «молодые и рьяные», которым повезло вот так же поймать за хвост удачу?

Вместо ненадежной благосклонности ветреной красавицы Фортуны Валерий приобрел нечто большее — дружбу с Владиславом Казениным.

ГЛАВА 10. Друг

*Казенин. О друзьях.
Случайная ссора. Дар бесценный.*

На первый взгляд, они очень разные.

Валерию двадцать девять, Владиславу Игоревичу сорок три.

Он — будущий преемник Родиона Щедрина, который в то время руководил Союзом композиторов СССР; занимается самыми разными жанрами. Пишет музыку к опереттам, в лучших театрах музыкальной комедии не сходят с афиш его «Мы большие друзья», «Черноморская жемчужина», «Дядюшкин сон», «Когда полюбит клоун». Вся страна напевает казенинское «стра-а-астное танго» из фильма «Здравствуйте, я ваша тетя», у него масса инструментальных пьес и целый альбом песен на стихи Феликса Лаубе — не шлягеры, но весьма интересные вещи «для тех, кто понимает».

И Валерий, который еще только ступил в мир Большой музыки. На Сочинском фестивале они только здоровались, правда, с интересом оглядывая друг друга. Пока — никаких контактов: жюри и конкурсанты разделены невидимой, но прочной стеной. Молодежь даже и не пытается искать контакты, полезные для карьеры: опять же, время не то, что нынче — каждый надеется только на себя да на справедливость тех, кто судит в этой веселой борьбе. Никаких стычек, никакого особого соперничества — просто табунок симпатичных и чистых молодых людей и девушек, которые часто — как это не выглядело бы странным сегодня — искренне болеют друг за дружку.

Правда, Казенин, кажется, польщен, что его собственное произведение, выполненное этим парнем из Горького, получает первую премию Союза композиторов в номинации «за обязательную песню».

И все же, пока это только прелюдия к дружбе. Валерий несколько ошарашен, когда именитый композитор запросто звонит ему, студенту четвертого курса, в Горький — узнать, как дела. А дальше...

Таких друзей — душевных, в дружбе с которыми чувствуешь себя, как в надежном убежище, у Валерия очень немного. Как можно говорить, что у тебя много друзей? На сколько долей можно разделить душу, сердце, жизнь? Ради скольких людей ты готов взойти на костер? Много — значит, никого. А Валерий знает, что когда бы ни позвонил в Брянск старому своему другу Геннадию Леоновичу, для него всегда найдется время, доброе слово, кров, помощь.

Друг

Что у них общего — у преподавателя института тяжелого машиностроения, кандидата философских наук, и у певца? Ну конечно же, музыка. Братству двоих, таких разных, людей сегодня больше тридцати лет. Австралились в оперной студии ДК у Нины Александровны Петерсон, в начале семидесятых. Геннадий, пунктуальный, добросовестный в каждой мелочи, был правой рукой Нины Александровны, помогал в организации концертов и более всего любил исполнять арию Герцога из «Риголетто» и душевные украинские народные песни... Отъезд Валерия не нарушил душевную связь, пусть встречи не каждый год, зато каждая — праздник.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Друзей у меня действительно мало. Наверное, это еще и оттого, что я все свое время отдаю музыке. У меня просто не остается времени на обычное общение с друзьями. Хотя за годы жизни в Калининграде у меня появилось несколько человек, с которыми я поддерживаю теплые дружеские отношения.

Самым первым таким человеком, с которым я познакомился в этом городе, волею судьбы оказался врач той самой медсанчасти №1, где я провалялся четыре месяца, — замечательный хирург и необыкновенный человек Игорь Зиновьевич Вайсбейн. Я рад, что вот уже третий десяток мы дружим и с ним, и с его очаровательной женой Галиной.

Тогда же я подружился еще с одной семьей — Александром и Ольгой Персиц. Александр работал на знаменитой калининградской «Вагонке» (примерно то же, что «Горбушка» в Москве) и занимался в музыке тем, что было узаконено только спустя десятилетие, потому в свое время и пострадал. А Ольга была первой учительницей музыки у моего сына (который эту музыку вскоре забросил). Они уже много лет прекрасно живут и работают в Америке, что не мешает нам до сих пор поддерживать дружеские отношения.

Поездка в Голландию в составе представительной группы директоров и руководителей калининградских предприятий свела меня еще с тремя людьми, с которыми я теперь всегда рад встретиться просто так, для нашего собственного удовольствия, что мы уже много лет и делаем. Это Искандер Талышханов, проректор Международного университета, Андрей Мирзоян, директор авторемонтного завода, и Геннадий Зубарев, директор политехникума.

А еще у меня очень много хороших знакомых именно среди врачей, хотя на здоровье я особенно не жалуюсь. Но я бесконечно уважаю людей этой профессии.

Может быть, в память о маме?

С Владиславом Игоревичем отношения другие — есть грань, которую Валерий не позволяет себе переступать: друг и мэтр в одном лице исключает фамильярность. Сегодня в мире очень популярно слово «user» — пользователь, потребитель. Человека, воспитанного на идеалах шестидесятых, от словечка этого потешивает. Валерий «озеров» в дружбе не терпит и сам не хочет им уподобляться — лучше даст отрезать себе язык, чем попросит о чем-то влиятельного друга. Ни званий, ни выгодных или престижных гастролей, — дружба дороже.

Кстати, из-за таких вот престижных гастролей и случилась единственная за двадцать с лишним лет скора длиною в год.

Тогда Валерий уже работал в Калининградской филармонии. Секретарша из приемной прибежала в органный зал, где он репетировал со Слободяном. Запыхавшись, доложила:

— Вас к телефону, Валерий. Из Союза композиторов... Казенин...

Валерий обрадовался родному голосу. Владислав Игоревич довольным тоном сообщил:

— В марте мы едем на гастроли в Германию.

Валерий не понял — что значит «мы». Приглашение это или просто сообщение, что Казенин едет туда с кем-то? Тем паче на подготовку — всего месяца: дело было в феврале. Уточнять — чтобы не дай бог, не навязаться, если под «мы» его друг имел в виду совсем не его, а своих московских коллег, — Валерий не стал. Сегодня в таком предложении ничего удивительного нет: в Германию — так в Германию, в Сибирь — так в Сибирь. Но разговор этот был во времена железного занавеса. За границу могли вырваться единицы, да и то — после сотни больших и малых «урегулирований» и проверок.

И в марте, когда приглашение прозвучало по всей форме, — нашла коса на камень:

— Я не могу, у меня другие планы, — ответил он Казенину.

— Как знаешь. Но вообще-то странно, — сказал тот, и после недолгой паузы холодно попрощался.

Друг

Валерий от обиды кипел — возраст и положение, как ему казалось, не давали права его старшему товарищу распоряжаться им, как мальчишкой. Но уже через неделю ставил себя на место Казенина: сколько сил тот приложил, чтобы выбрать разрешение на заграничные гастроли! И уже осознав это, но еще не готовый первым идти на мировую, Валерий время от времени звонил Алине Дмитриевне, жене Владислава Игоревича, чтобы справиться, как дела... там, в Москве.

— Вы оба — бараны! Уперлись рогами — и ни туда ни сюда! — кричала на них Алина Дмитриевна. — Ну скажите друг другу хоть слово! Ведь оба переживаете!

Но оба тут же вешали трубки. И только год спустя Валерий после одного из концертов увидел идущего навстречу Казенина и что-то у него спросил. Спросил — лишь бы услышать его голос. И тот с такой готовностью стал ему объяснять это что-то, совершенно неважное, далекое, что у Валерия защемило сердце. Ни тот, ни другой ни разу больше не вспоминали о той дурацкой размолвке, но отношения стали и теплее, и бережнее: такое терять было страшно.

Потом Казенин будет писать специально для Алиева вокальные циклы — «Веселые и грустные песни» на слова Бернса, «Строки Мандельштама» для голоса и флейты, вокальные циклы на стихи Скулякова, много мастерских, изысканных романсов и песен...

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Многим в своей жизни я обязан Казенину. Здесь не имеются в виду какие-то материальные или моральные блага, которыми он, конечно же, мог меня обеспечить. Сколько я помню его, Казенин всегда занимал очень высокие руководящие посты: заместитель министра культуры СССР, член Президентского Совета по культуре, председатель Союза композиторов России... Но я ни разу за все времена нашей дружбы не обращался к нему по каким-то меркантильным вопросам.

Дорогое другое: то громадное количество добрых и умных, талантливых людей, которыми был окружен Владислав Игоревич, со временем стало и моими добрыми знакомыми или друзьями.

Это композиторы, на чьих песнях я был воспитан, — Марк Фрадкин, Оскар Фельцман, неподражаемая и очаровательная Людмила

Лядова, искрометный народный любимец Александр Колкер, Ян Френкель, Борис Фиготин, Ширвани Чалаев, Владислав Успенский, Вениамин Баснер, Олег Иванов и многие другие.

Это поэт Феликс Лаубе, с которым мы в группе Казенина объездили всю страну, это неповторимая Мария Пахоменко, это Светлана Лукашова и Евгений Поликанин, Лариса Кандалова и Ирина Озерная, Анатолий Клигерман, который, являясь генеральным директором Музфонда Союза композиторов России, для меня всегда является еще и эталоном ораторского мастерства (особенно за банкетным столом).

Это многочисленные добрые друзья из Вятки, города, который, будучи родиной Владислава Игоревича, стал как бы и моей второй родиной. Не счесть, сколько раз мы побывали с концертами в этом славном русском городе и сколько сердец ждет нас там всегда.

Это Алина Дмитриевна, его жена, — ее Казенин часто любит представлять так: «Это Алена, моя первая жена», и после небольшой паузы добавляет: «Второй у меня нет!» За эти годы мы с Алиной Дмитриевной стали, наверное, не меньшими друзьями, чем с самим Владиславом Игоревичем. У нас есть свои, домашние песни, которые мы посвящаем ей, например, «Верю в неизбежность». Эту замечательную лирическую песню мы редко исполняем с большой сцены, и то лишь тогда, когда в поездках с нами находится Алина Дмитриевна. А дома у них меня всегда ждет «моя комната», где я живу уже много лет во время постоянных гастролей и приездов в столицу.

Это их сын Леша, с которым у меня, несмотря на разницу в возрасте, сложились теплые товарищеские отношения.

Этот список можно продолжать очень и очень долго, но, думаю, даже эта незначительная его часть дает представление о том бесценном даре, которым наградила меня судьба в лице Казенина.

ГЛАВА 11. Дорога без конца

«Журавли». Воздушный преферанс.

Почти что член Политбюро.

Радость творчества.

Дорога без конца... Владислав Игоревич все чаще приглашал Алиева с собой в творческие поездки. Обычно народу собиралось порядочно, каждый раз новая бригада, но особенно Валерию запомнились те турне, когда к ним присоединялся Ян Френкель.

Каждый раз, встречая этого высокого, красивого человека, напоминавшего свой вальяжностью и добрым «сенбернаровым» взглядом Стиву Облонского, Валерий в душе замирал от какого-то детского восторга и благоговения.

Первые слезы над прелестью и бесконечной печалью прекрасного были пролиты им именно «по вине» Яна Френкеля...

Брянск, маленькая комната, которую они делят с братом. Радиорепродуктор над его кроватью зашипел и разразился гимном Советского Союза. Это значит, что шесть часов, пора вставать, но так хочется еще хоть минут пятнадцать побывать в теплых объятиях сна... За гимном начинается передача «Земля и люди», что-то о селе и зерне, сон почти вернулся, и сквозь призрачную пелену в его сознание проникает чистая, теплая, синяя волна не слышанной прежде мелодии:

*Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на закате дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня.
Настанет день — и с журавлиной стаей
Я поплыну в такой же синей мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле...*

Отзвучал грустновато-насмешливый голос Френкеля, а Валерий, ошеломленный, с влажными глазами и перевернутой душой, стоял около репродуктора — со смешанным чувством великой утраты и такого же великого приобретения, словно в это мгновенье окончательно кончилось детство

74 и он понял неразделимость любви и потери, этого алого плаща, подбитого траурным крепом. Еще несколько дней он ходил, как потерянный, заочно полюбив человека, который раскрыл ему секрет взрослоти, и поместив пережитое в тайную сокровищницу самых дорогих своих воспоминаний.

Он так никогда и не сказал Яну Абрамовичу Френкелю о тайном и давнем своем преклонении перед ним, но тот, кажется, догадывался — останавливая готовые прозвучать откровения своим умным, добрым взглядом. Этот человек всегда выглядел несколько отстраненным, обведенным невидимой чертой, отделявшей его от остальных. Конечно, он был не прочь поучаствовать в мальчишниках, дружеских посиделках, и все же во время веселья его душа бродила где-то окрест. Валерий иногда взглядал на него в такие моменты и сам затихал, вспоминая ту, самую пронзительную строчку — «Всех вас, кого оставил на земле...»

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Ян Френкель пользовался безграничной любовью и всенародной известностью. Однажды это очень мне помогло. В далекие уже 80-е годы из-за постоянных гастролей с композиторами мне приходилось очень часто летать по маршруту Калининград — Москва. И как-то раз, возвратившись в Москву из очередной поездки по стране, я никак не мог достать авиабилет до Калининграда. Здесь-то и пригодилась популярность Яна Абрамовича. Он написал начальнику Шереметьевского аэропорта записку следующего содержания:

«Секретариат Союза композиторов РСФСР убедительно просит срочно отправить в г. Калининград лауреата Всесоюзного и Всероссийских конкурсов, певца тов. АЛИЕВА Валерия, у которого в г. Калининграде состоятся ответственные концерты с 8 июля с. г.

С уважением —
Заместитель Председателя СК РСФСР
Ян Френкель.»

Записка подействовала безотказно. Я вылетел домой без задержки. Имя Френкеля в те годы открывало любые двери.

В шумных гастрольных бригадах троица — Казенин, Алиев и Френкель — держалась особенно плотно, по причине общей склонности к преферансу.

Дорога без конца

То в суперлайнерах, то в «кукурузниках» едва ли не военной поры они облетели весь континент: Тюмень, Якутск, Уренгой, Сочи, и снова — Север. Ян Френкель, который умел блестяще вести концерт в любой аудитории, работал, как правило, во втором отделении, оставляя право открыть концерт группе Казенина.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Первые мои совместные гастроли с Казениным и его группой состоялись в 1982 году. Это был фестиваль в Тюмени. В той группе были поэт Феликс Лаубе, певица Светлана Лукашова, певцы Геннадий Пономарев и Евгений Поликанин. На этой первой афише, которая и сейчас висит в моем кабинете, оставили автографы и теплые пожелания все участники группы. А Казенин написал: «Тюмень, Новый Уренгой, Надым, далее — везде!!!»

С годами это напутствие стало выполнять на все сто процентов. Далее, действительно, было везде. Многочисленные музыкальные фестивали в различных уголках нашей страны: фестиваль патриотической песни во Владивостоке, фестивали в Днепропетровске и Сочи, Свердловске и Прикамье, Волгодонске и Тольятти, на БАМе и Северном Кавказе... Выступления с ведущими оркестрами, которыми дирижировали лучшие дирижеры Советского Союза: Юрий Силантьев, Анатолий Баджэн, Станислав Горковенко, Александр Петухов, Александр Михайлов, Мурат Кажлаев, Петер Сауль...

Под крылом маленького военного самолета проплывают белые сугробы, базальтовые вершины сопок. «Культбригада» занята чем — кто-то дремлет, какая-то парочка тихо, но со страстью перемывает косточки знакомым, а трое пассажиров, придинувшись поближе на полке для десанта, вовсю режутся в преферанс. Лететь неблизко, а картежный азарт согревает почки спирта. Валерию нравилась широта и аристократическое благодушие, с которым его великолепные друзья относились к превратностям жизни. Близкие могли вести себя, как бог на душу положит, но к себе оба они были неизменно требовательны, никогда не позволяя себе ненароком обидеть или просто задеть маленького человека. Большого — в случае чего — дозволялось, но непременно в честном поединке.

Казенин отличался своей неприхотливостью: его могли встретить, как самого министра, — машину к трапу, отель по высшему разряду, а могли по-

76 догнать и грузовой транспорт, а поселить на постоялом дворе без удобств. Владислав Игоревич, как истинный аристократ, никогда никому замечаний по этому поводу не делал, в грудь себя не бил. Плохой рояль? Акустика нулевая? Но ведь публика в этом не виновата — надо работать. А что до неудобств, то дорога она и есть дорога.

Он был легким в общении человеком, всегда готовым на веселый розыгрыш. Однажды в Находке администрация гостиницы всех предупредила: очистить номера к какому-то комсомольскому или профсоюзному слету. «А что, и товарищу Алиеву... очистить?» — на ухо спросил Казенин администратора. «Всем рассчитаться — и до свиданья! — повторил администратор. «Вы не рас слышали, наверное, — еще более значительно сказал Казенин. — Товарищу Алиеву тоже рассчитаться?» До администратора наконец дошло. «А кто говорит про Алиева? Пусть товарищ Алиев остается. Остальным — очистить помещение!»

Напомним, что однофамилец «товарища Алиева» пребывал в то время членом Политбюро.

В другой раз в Перми Ян Френкель, Марк Фрадкин и еще четверо таких же представительных господ композиторов встали шеренгой у входа в отель, и Казенин, пожимая руку Валерию, которому нужно было уезжать раньше других по служебным делам, с деланным подобострастием произнес: «Большое спасибо, товарищ Алиев, за совместную работу! Счастливого пути». «Почетный караул» из абсолютно серьезных композиторов заученно помахал «товаришу Алиеву» в стиле «а-ля Политбюро», и таксист, вызванный, чтобы отвезти Валерия в аэропорт, тут же затушил сигарету и выбежал открыть ему дверцу. «Вы уж постараитесь доставить товарища Алиева прямо к трапу», — строго предупредил шофер Казенин. Тот и вправду доставил его к самым дверям аэропорта, выскочил снова, чтобы открыть дверь и сокруshенно сказал: «Товарищ Алиев, простите, но на летное поле меня не пустят!» — «Ничего страшного, тут я и сам дойду», — успокоил таксиста Валерий, едва сдерживая смех.

Веселые эпизоды в нескончаемом мугаме дороги... Порой ему кажется, что литейный цех — сон о ком-то другом. А главное — это замерший зал, щегольски черно-белый, сияющий медью оркестр, взмах дирижерской палочки — и взлет!

«...Эстрадно-симфонический оркестр Гостелерадио СССР под управлением Александра Петухова непринужденно и легко ведет за собой слушателей, помогает исполнителям полностью «раскрыть» свои возможности.

Дорога без конца

Фестиваль музыки — это еще и новые имена молодых исполнителей, а Валерий Алиев, лауреат Всесоюзного конкурса имени Глинки, один из них. Мягко, лирично звучит в его исполнении песня Владислава Казенина «Смеркается». По-настоящему зажигательно, точно исполнен «Нашей юности оркестр» Павла Аедоницкого. И зал горячо аплодировал молодому певцу...»

(Днепропетровск, «Днепр вечерний», сентябрь 1985,
Пятый Всесоюзный фестиваль советской музыки.)

Сердце истинного мастера всегда щедро к людям. Радость творчества заливает теплым золотом грудь, ей тесно — пока ею не поделятся с близкими.

Валерию не забыть того вечера, когда после концерта и оваций в сочинском Зимнем театре, они собрались в одном из номеров: еще не растроченное вдохновение мешало всем разойтись по своим номерам. Ленинградский композитор Вениамин Баснер сел к инструменту. Случайные поначалу аккорды сложились в знакомую всем мелодию его романса «Белой акации гроздья душистые», Валерий тут же подхватил мелодию, а Марк Фрадкин, обняв его за плечи, глуховатым баритоном повел второй голос. Владислав Игоревич — у раскрытого в ночь окна — весь растворился в музыке. Он сдерживает дыхание — так разительна красота того, что происходит сейчас с ними со всеми.

— Валера, знаешь, я за такой вечер отдал бы анишлаг в Колонном зале, — тихо говорит он, когда в поздний час они расходятся по своим комнатам. — Так хорошо было, что и словами не выразить...

ГЛАВА 12. Лирические отступления

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Не претендую на аплодисменты, которых мне вполне хватает и как певцу, я делаю свои маленькие срифмованные зарисовки с натуры. Надеюсь, читатель не станет принимать все написанное в этой главе серьезно и давать какие-либо оценки...

*Солнце в воду сползает все ниже и ниже,
Луч закатный печально по небу скользит,
И волна-баловница край солнышка лижет
И с шипением на каменный берег бежит...*

Эти строчки сами собой вылились на бумагу в тесном гостиничном номере в далеком Владивостоке в 1987 году, в одной из гастрольных поездок.

После шумного успеха и воодушевления, с которым все мы работали на сцене, уснуть трудно. Я брошу из угла в угол по номеру, но в картонную стену стучат — здесь слышен каждый вздох, и, чтобы никому не мешать, я берусь за перо. Рисовать и писать, выплескивая впечатления дня, стало моей привычкой еще в школьные дни. Эти стихи стали плодом моей бессонницы в номере читинской гостиницы «Даурия».

БЕССОННИЦА

*От тишины —
В ушах звон.
Звон прогоняет
Желанный сон.

Звенит тишина,
Развлекая ночь,
Сон из номера
Гонит прочь.

Мозг от бессонницы
Весь распух,
Тверже камня
Подушки пух.*

Слух обострен,
Как у дикого зверя:
Где-то за стенкой
Скрипнули двери.

Как Ниагара —
Капли из крана,
Окно в стене —
Будто рана.

А за окном
Чернеет снег.
Минута каждая —
Будто век.

Мысли, как черви,
Череп точат,
Видно, звереют
Черви ночью.

Взрываются в прошлое,
В памяти роются...
Всю ночь со мной
Моя бессонница.

Сам не знаю почему, но в это счастливое, благословенное время, стоило мне остаться один на один с собой, городом и ночью, мозг мой распухал от строчек, жаждавших вырваться на белый лист бумаги. Держать их в себе было выше моих сил: они отбивали такт в моем пульсе, заставляли открывать глаза и искать карандаш и бумагу, положенные рядом на гостиничную тумбочку ради такого вот случая.

Казалось, что у меня было все для счастья — дорога, о которой я мечтал, семья, которая ждала меня после дороги, успех и признание. Но что-то зредо в груди, в подсознании, в лабиринтах времени... Что-то, обещавшее скорые, свинцовой тяжести тучи. И предчувствие их неизбежности было сродни страху древних греков, когда им долго сопутствовала удача, — тогда они посыпали голову пеплом и приносили искупительные жертвы богам. Дабы не завидовали и не отняли здоровья и счастья. Наверное, мои стихи — такая же искупительная жертва. Вот строчки, родившиеся в Комсомольске-на-Амуре в 1987 году:

*Ночь. Дождь.
Фонарь за окном.
Ты.*

*Спшишь.
Или просто молчиши,
Прикрываясь сном.
Ты и я.*

*И любовь.
Обвал?
Взрыв?
Стучит в висках кровь!
Ты и я.*

*Впервые вдвоем.
Сердце — шар.
Больше земного.
И ты —
В нем!
Подушка — облако.
Летим.*

*Небо.
Что это?
Фантасмагория!
Быть?
Или небыть?
Слов нет.*

*Могу.
В душе пою.
Блаженство —
Пронуть руку твою.*

*Губы.
И губы.
Рядом.
Тесней.*

*Глаза закрыты.
Наяву ли?
Может это — во сне?*

*Ночь.
Дождь.
Фонарь за окном.
Мы — вдвоем.
Мы — вдвоем.*

Лирические отступления

Удивительное рядом: легенды о разудалой амурной жизни артистов иногда распускаются самими артистами. Не было у меня несчастной любви в те дни, не было Антэроса, этой роковой безответной любви, толкающей свои жертвы к самому краю, за которым — ничто. И вдруг вот эта, наскоро, в темноте и полусне сделанная запись в Биробиджане:

ПРИЗНАНИЕ

*Пред тобою преклоняю колени я,
Пред тобою я падаю низ.
Время раздроблено на мгновения,
День и ночь разделяются взмахом ресниц.
Взмах — и свет. И навеки рядом.
Взмах — и тьма. Далека ты опять.
То упирая слова по душе камнепадом,
То готов на весь мир я от счастья кричать.*

Там же — среди ночи — пришло и внезапное ощущение скоротечности:

*Жизнь — как молния:
С неба — в землю.
И опять назад — в небеса,
Чтоб потом,
Над другим поколением
Мне Архангелом
Нависать.*

А эти строчки, оперенные мелодией, пришли в одну холодную ночь в Белгороде, 1991 год:

*Мне глаза твои кричали:
«Утоли моя печали!»
Эхо вторило вдали
Еле слышино: «Утоли!»
И в предчувствии разлуки
Нервно вздрагивали руки,
Прижимая ближе, ближе,
Умоляя: «Утоли же!»
Но растаяло виденьем
Нашей встречи наслажденье,
Разнесло неумолимо
Нас с тобой, неутолимых...*

ПОДРАЖАНИЕ СЕВЕРЯНИНУ

*Нальешь в бокал немного грусти,
Надев на край кружок луны,
Ресницы длинные отпустишь,
Скользнув в объятья тишины.
И полетишь на крыльях грезы
В просторах Млечного Пути,
И зазвенят тихонько звезды
На тонких стебельках мечты.*

Я испытываю чувство гордости от того, что в 1984 году, когда на Арбате многие читали свои стихи, среди этих звучащих тогда антикоммунистических виршей было и мое творение, которое я написал для своего друга, — он его и читал. Повторю: шел 1984 год, в стране правила КПСС и понятие «свободы слова и мысли» в то время сильно отличалось от настоящего.

МОЯ РОССИЯ

*Россия, моя бедная Россия,
С растерзанными венами дорог,
Вглядись: старуха, что других косила,
На твой взошла бревенчатый порог.*

*Страна моя богатств неисчислимых,
Здесь жить могли бы люди, как в раю,
Но сколько же «хозяев» нерадивых
Кромсали, усмехаясь, плоть твою.*

*Смиренней нет народа в целом мире.
А ты, подставив свой живот судьбе,
Как самурай японский, харакири
Давно сама уж сделала себе.*

*И, распластавшись по земле бессильно,
В последний раз, с трудом наполнив грудь,
Хрипит в агонии моя Россия:
«Мы... к коммунизму... держим путь...»*

Лирические отступления

По-видимому, с возрастом многим свойственно особое настроение, когда неожиданно приходят мысли о количестве прожитых лет, смутные тревоги о состоянии и души, и тела... Наверное, именно в такие минуты и появился эти строки.

МОЛИТВА

*К глазам твоим приду, как к алтарю,
Глазам твоим молитву сотворю.*

*Молитву ту твердить и день и ночь
Я буду непрестанно, чтоб помочь*

*Душу своей, мятущейся в тоске
Среди хором любви, стоящих на песке.*

*К губам твоим прильну, как к роднику.
Испив так много на своем веку*

*Любовной слезы, я хотел бы вновь
Отпить глоток, чтобы заставить кровь*

*По жилам заструиться поскорей,
Отбросив старость от моих дверей.*

Эти же настроения подтолкнули меня к написанию двух абсолютно поллярных мнений на «взрастные изменения» и «осень души».

*Как отшумевший желтый лист,
Ко мне любовь твоя упала,
Душа надеждой жить устала,
И холст воспоминаний чист.
Уже без трепета смотрю
На глаз твоих бездонный омут,
И мысли чувства не затронут,
Когда с тобой я говорю.
В природе чинной чередою
За осенью идет зима,
И ты должна понять сама,
Как далеки мы, друг, с тобою.*

*Пускай коснулась седина
И пролегли на лбу морщины,
Душой и сердцем я — мужчина,
Я жду, когда придет ОНА.
И врут все те, кто говорит,
Что осень все в душе сжигает:
При виде милой расцветает
Моя душа, а не горит!*

Когда на гастролях было нечего делать (а такое иногда случалось из-за нерадивости местных администраторов) и приходилось днями валяться на кровати в гостинице, в башку лезла всякая чепуха, наподобие вот этой шутки, навеянной шампунем под названием «Ахинора», продававшимся в киоске гостиницы «Братск».

*Устав от звука собственного ора,
Встаю под душа мощную струю,
Шампунь универсальный «Ахинора»
Смыает постепенно грязь мою.*

*Встаю под душ с утра, надев сандали
(куда-то же ведь надо время деть).
Ведь, право, от безделья в этой дали
Немудрено совсем «ахинореть».
Смываю я водой усталость с тела,
Блаженно улыбаясь без причин.
Коль нет другого — и такое дело
Достойное занятие мужчин.*

Когда моя дочка была совсем маленькой, я перед сном пел ей колыбельные песенки. Все, какие знал. Потом и мне, и ей надоели одни и те же песни, и мне самому пришло сочинить для нее колыбельную. Я записал ее на магнитофон и, когда Анютка ложилась спать, включал его. Так она постепенно засыпала, слушая мой голос, даже когда я был в отъезде.

*Сижу я с доченькой своей
И песенку пою,
а в песенке пою я ей,
как я ее люблю.*

Лирические отступления

А за окном уже темно,
Пора, дружочек, спать.
И птички спят уже давно,
Чтоб завтра петь опять.
Закрой, Анюточка, глаза,
Тебе приснится сон,
Что в гости к нам с тобой пришел
Красивый, добрый слон.
Букетик полевых цветов
Тебе подарит он.
Ты будешь долго вспоминать
Волшебный этот сон.
О том, как в сказочном том сне,
Вся счастием полна,
Каталась долго на спине
Огромного слона.
И шепчет Дрема нам в окно,
Что спать уже пора.
Заснули звери все давно,
Заснула детвора...

А чуть позже, когда Анечке было три-четыре годика и она ходила в детский сад, я сочинил песню про волков и спел ее вместе с дочкой у нее на утреннике. После нашего совместного выступления Анюту в группе очень зауважали.

А припев все детишки пели вместе с нами — он был чрезвычайно прост: в нем звучал вой волка — «у-у, у-у», и вся группа радостно «подывала»:

Бегают по лесу волки,
Натыкаются на елки
С иглами колючими,
Ну, а волки — злочие.
Занесло в лесу дороги,
Ну, а волка кормят ноги:
День и ночь по лесу рыщет,
Что-нибудь покушать ищет.
«Подвел жиевот совсем,
Ничего пять дней не ем!
Все зверьки, — моя еда, —
Разбежались кто куда.

*Никого здесь не найдешь,
Поневоле запоеши:
У-у, у-у» —
Воют волки на луну.
Вот у мишки нет забот:
Лапу он свою сосет
И лежит в своей берлоге.
Вот зачем медведю ноги,
Трам-пам-пам-пам-пам-пам,
Трам-пам-пам-пам-пам-пам!
«У-у, у-у» — воют волки на луну.*

ГЛАВА 13. «Как хороши, как свежи были розы»

Еще о конкурсах. Радик Гареев.

Ленинград. Профессор Райкин.

Конкурсы — добровольные экзамены, которые ты сдаешь, доказывая и себе и другим, что ты чего-то стоишь. Приезжая порой в незнакомый город на такое певческое состязание, Валерий предвкушал новые открытия, встречи со старыми друзьями-соперниками, с еще необстрелянными новичками, которые вливались в их реку свежими ручьями. На этих же конкурсах встречались и легендарные имена, от которых захватывало дух.

Бот Радик Гареев из Уфы: познакомились впервые в Сочи, и то, что Валерий взял первую премию, а Радик занял второе место, ничуть не умалило симпатии, которую оба испытывали друг к другу. В другой раз судьба их свела в Днепропетровске — на конкурсе, организованном летом 1981 года ЦК ВЛКСМ, в жюри которого председательствовала Александра Пахмутова.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Этот конкурс, на котором мы с Радиком получили свои очередные награды, остался в памяти своей политизированностью и обилием новых замечательных знакомств. В нашей компании соискателей на победу были молодые исполнители, о которых, спустя несколько лет, заговорила вся страна: это несравненная джазовая певица из Риги Ольга Пирагс, Вера Журавлева, очень симпатичная девочка из Грузии Тамара Гвердцители, которую на конкурс привезла неотделимая от нее мама. Позже Тамара уже без маминого надзора приезжала в Калининград, чтобы дать «моряцкие гастроли» — по большим и малым судам прямо в море.

Ну и конечно же маэстро Юрий Силантьев, с оркестром которого мне позже посчастливилось петь еще несколько раз.

Оба — и Радик, и Валерий — радовались встречам, и мало-помалу легкое соперничество переросло в игру. Звонок из Сочи:

— Валера, привет! Как ты там?

— Нормально. Стал лауреатом конкурса в Ленинграде. А ты?

— Держись! Гран-при в Сочи на конкурсе «Красная гвоздика!!!

— Поздравляю!

— А я тебя! Давай-давай, а то я тебе на пятки наступаю.

Или:

— Привет! Можешь меня поздравить — я директор оперного театра в Уфе.

Ну, а ты как?

— Я создал свой собственный театр. В Калининграде.

— Ну, и как ощущенье?

— Работы до черта! А у тебя?

— Спрашиваешь... «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!»

Или:

— Ну-с, юный друг, узнаешь?

— Ты, Радик?

— Не Радик, а народный артист России Радик Арасланович! Ты-то пока только заслуженный...

— Как это ты сумел? Через ступеньки перепрыгиваешь?

— Фарт: президент Башкортостана глянул в святцы, а там — ни единого народного артиста. Вот он меня и выдвинул. Минуя заслуженного. Сам знаешь, с президентами не спорят.

— Я от души рад за тебя. Правда. Теперь-то, думаю, полегче будет?

— Не знаю. Если честно — жрут меня здесь с костями. Я бы им назад и народного отдал, только бы не мешали работать. И жить...

Игра — молодая, веселая — шла недолго.

29 октября 1996 года Валерий привез лауреатов уже своего конкурса «Янтарный соловей» на концерт в Уфу и сразу позвонил Радику.

— Радик на встрече у президента, — ответила за него жена. — Валера, ты обязательно перезвони попозже, часиков в двенадцать — он очень ждал тебя!

В двенадцать трубку никто не поднял. А наутро Валерий узнал, что Радик Арасланович ночью умер.

Отменить концерт? Артисты решили, что надо не отменять, а почтить этим концертом память певца. И, подавленные страшной новостью, заменили весь мажор в программе, объявив концерт «Памяти Радика Гареева». Люди плакали, да и самим артистам пелось в тот вечер трудно. Валерий отправил их после концерта в аэропорт, а сам остался проводить друга в последний путь.

Милиция перекрывала движение — старые и молодые люди шли огромной колонной, чтобы проститься с Человеком и Артистом, которого они

«Как хороши, как свежи были розы»

любили. А на гражданской панихиде, сжав челюсти, Валерий слушал цветистые восхваления, на которые не скучились те, о ком еще недавно Радик с горечью говорил: «Жрут меня с костями»...

Оскомина от словесной вспышки в честь покойного из уст еще недавних его врачей наводила на неприятные мысли — у Алиева тоже скопилось немало противников в родном городе, мешавших жить и работать, и одна мысль, что вот так же и над его телом польется приторно-сладкий яд... Бр-рр!

Ушел Радик на сорок первом году жизни — красивый, молодой, талантливый. Но кто заглядывал ему в сердце? «Соловей и роза, — вспомнил Валерий. — Крови из сердца хватило, чтобы цветок расцвел, но и только»...

Пожалуй, на другой день после смерти Радика на свете стало не так светло.

Ленинград, 1982 год...

Первый Всероссийский конкурс камерного пения.

Перед этим конкурсом Валерий несколько месяцев пролежал пластом в калининградской больнице с нечеловеческой головной болью, — последствия несчастливой поездки в Минск. Раны душевые — вещь тонкая, увидеть их дано не каждому, но сколько же людей гибнет словно бы «ни от чего»: жив — и нету. «Слова — стрелы разящие...»

Как бы то ни было, Валерий сумел выжить и физически, и морально. Что-бы подтвердить самому себе, что с ним все в порядке, выйдя из больницы в январе, за один месяц он подготовил программу для конкурса в Ленинграде. И уже в марте они со Слободяном выехали в Ленинград.

Это был первый (и последний) Ленинградский конкурс камерного пения. Планка возраста позволяла выступать в нем вокалистам до сорока лет, и народу хлынуло туда бесконечно — для многих это был последний шанс участия в конкурсах вообще. На первый тур в зал Академической капеллы явилось более ста пятидесяти человек.

После четырех месяцев «строгого режима» в медсанчасти Алиев чувствовал себя на коне — хотелось и петь, и побеждать. В том, что этот Ленинградский конкурс будет счастливым, не было никаких сомнений — сердце согревала знакомая уверенность в себе, да и программа была очень интересной: ария из «Мессии» Генделя, «Письмо Станиславскому» Рахманинова, «Предчувствие воина» Шуберга, романсы Свиридова и Брамса...

Это приятное состояние сопровождало его до самой встречи с Крестинским, к которому он заехал перед конкурсом показать артистический багаж и порепетировать. Тот был рад видеть ученика, занятия, к обоюдному удовольствию, проходили на одном дыхании. Но за день до отъезда случилось совершенно непонятная вещь — Валерий в первый раз столкнулся с этим: голос пропал, из горла вырывалось слабое сипенье. Сердце едва не остановилось. Крестинский, увидев его глаза, полные ужаса, повел себя молодцом.

— Ничего, такое бывает, — спокойно проговорил он. — Никакой паники. Просто едешь на конкурс и, отметившись, бежишь сразу вот по этому адресу. Записывай: улица Броненская, 9, Институт фониатрии, кабинет 10, Ральф Исаакович Райкин. Только упаси тебя господь напомнить ему, что он брат «того самого» Аркадия Райкина! Он считает, что это Аркадий — младший брат профессора Райкина! Он и вправду — единственный такой волшебник в Союзе, с голосом чудеса творит...

Ральф Исаакович, заглянув в горло Валерию, достал с полки темную бутылку, набрал в шприц густой микстуры и впрыснул прямо на связки. Видя, с какой готовностью и верой Валерий проглотил лекарство, усмехнулся краем рта:

— Ну-с, молодой человек, а если бы там был яд? А я — пapa вашего соперника? Ладно, все в порядке будет с вами и с вашим горлом. Когда первый тур?

— Двенадцатого марта. В четыре.

— Успеем. Но каждый день — ко мне.

— А что это за капли? Из чего?

— А вот это ба-а-альшой секрет, — неожиданно молодым и свежим тенором пропел Ральф Исаакович, пряча бутылку на место. — Такого ни в одной аптеке мира вы не найдете, можете и не искать.

Перед самым выходом на прослушивание двенадцатого марта Валерий успел сбегать на Броненскую.

— Главное — не бойтесь. Не такое вылечивали, — успокаивал Валерия Ральф Исаакович, набирая микстуру в шприц. — Завтра — опять ко мне.

Первый тур Валерий прошел играючи. Кстати, на его памяти это был единственный конкурс, в котором жюри честно вывешивало результаты своего судейства на большой доске в холле. Из ста пятидесяти человек на второй тур пропустили семьдесят.

К началу прослушивания второго тура профессор Райкин явился в Академическую капеллу собственной персоной. Отозвав своего подопечного *«Как хороши, как свежи были розы»*

в сторонку от трепетавшей толпы конкурсантов, он достал из портфеля засветную бутылку и шприц:

— Этого хватит часа на три. Можете смело брать верхнее «фа», — если оно вам нужно. Потом — опять ко мне.

К третьему туру Валерий чувствовал себя почти счастливым. На этом конкурсе мужские и женские голоса судились раздельно. Валерий Алиев вместе с Ларисой Тедтоевой, выпускницей Ленинградской консерватории и солисткой Северо-Осетинской филармонии, на несколько баллов опережали соперников. А благодаря старому фониатру, можно было уже не бояться за голос.

Опережение было действительно ощутимым — жюри, поставленное в жесткий режим огромным количеством участников, вывешивало результаты, похожие на судейские отметки чемпионатов по фигурному катанию: 21,00; 21,06; 21,07; 21,08; 21,18; ... 21,8; 21,81... Валерий и Лариса с удовлетворением отмечали собственный отрыв — 24,6 и 24,9 балла. Никто не сомневался, что у них будут первые премии. Остальные скромно судили-рядили, кто станет вторым, третьим, четвертым. Алиев и Тедтоева негласно считались победителями уже с первого тура, что подтверждали и бюллетени жюри, вывешиваемые после каждого тура.

В разделе женских голосов так и случилось. А вот в мужском разделе всех ждал сюрприз: победителем здесь был назван участник, отстававший от Валерия на целых 2,5 балла! Темной лошадкой оказался ленинградец Николай Островский.

— Ну и дела! — переглядывались ошарашенные конкурсанты. — Хоть бы уж не позорились тогда с обнародованием баллов! Понятно: половина жюри ленинградцы, надо же и патриотизм проявить!

Но все это было так смешно и так явно, что, пожалуй, никто всерьез и не рассердился. Тем более Валерий: на концерте лауреатов, который состоялся после конкурса в той же Академической капелле, все встало на свои места. «Второму» Алиеву достались овации, «первому» же Островскому — вежливые, но весьма жидкие аплодисменты. Победитель, однако, был счастлив — в манере стареющих звезд он притворялся, что убегает от как бы надевших аплодисментов, но, сделав три шага к кулисам, трусцой возвращался к затухающим хлопкам, чтобы испить «восхищение публики» полной чашей.

Конкурсанты насмешливо улыбались: провинция вела себя с гораздо большим достоинством.

После награждения Валерий нашел профессора Райкина, окруженного веселой компанией молодежи:

— Ральф Исаакович, на моем дипломе среди подписей жюри не хватает главного автографа...

— ?

— Вашего.

Профессор лукаво подмигнул ему, достал «паркер» и размашисто расписался рядом с иероглифами Зары Долухановой.

Центральная пресса писала:

«...Ряд конкурсантов показал хороший общий уровень музыкальной культуры, профессионально зрелое решение творческих задач и в области советского творчества, в частности. Отмечу удачное исполнение исключительно популярного цикла Д. Шостаковича на стихи Е. Долматовского одним из лидеров конкурса В. Алиевым (недавним выпускником Горьковской консерватории по классу старейшего педагога-вокалиста страны профессора Е. Крестинского; в настоящее время певец работает в Калининграде), его благородную, я бы сказала, интеллигентную манеру исполнения. В трактовке Алиева не было ни малейшего нажима, радовала мягкость голосоведения (постоянно чувствовалася запас звуковой динамики, которым певец может еще воспользоваться) — недаром так убедительны его прочтения немецкой романтической Lied (не могу не вспомнить великолепно спетое им «Предчувствие воина» Шуберта). По-своему, возможно, спорно, но, уйдя от стандартов, — исполнил В. Алиев свиридовскую песню «Как яблочко румян» — этот своеобразный шлягер сегодняшней камерной сцены...»

Т. Мелентьева
(журнал «СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА», № 6, 1982 г.)

«Как хороши, как свежи были розы»

ГЛАВА 14. Памятные встречи

*Ниязи. Розовый город. Поддержка директора.
Зеркало. Поздравление по протоколу.*

Статья в журнале «Советская музыка» получила неожиданное продолжение. Очень известный, маститый и чрезвычайно занятой человек, несмотря на занятость и маститость, ежедневно прочитывавший все, что касается новостей музыкального мира, наткнулся на информацию о Ленинградском конкурсе и...

ИЗ ДНЕВНИКОВ

...и вдруг звонок:

— Валерий Алиев? Здравствуйте, с вами говорит Ниязи...

Гениальный дирижер, композитор, человек со шлейфом титулов и званий — директор и главный дирижер Азербайджанской государственной филармонии, главный дирижер Азербайджанского театра оперы и балета, художественный руководитель Азербайджанского симфонического оркестра, член Верховного Совета СССР, народный артист СССР, Азербайджана и Грузии, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии, и прочая, и прочая — этот человек находил время, чтобы просматривать самолично всю прессу о музыкальной жизни страны. Таким образом, ему, наверное, попалось и мое имя. Алиев — фамилия для азербайджанского менталитета довольно броская. Так или иначе он прочел о моем выступлении на Ленинградском конкурсе, узнал обо мне все, что можно было узнать из прессы, — и позвонил:

— Мы бы хотели пригласить вас выступить в Баку. Вы согласны?

Согласен ли?! Ну конечно же, с превеликой радостью! В памяти остался утонувший в зелени домик в Шувелянах, не лучше и не хуже других домиков по соседству, в которой жила наша счастливая, дружная семья — мама, бабушка, я и маленький брат. А через забор — дача знаменитого Бюль-Бюля*, легендарного азербайджанского певца, «Бакинского соловья». При слове «Баку» я ощущаю солнечное тепло и тепло незабвенной маминой улыбки, вкус фруктов, шелк тра-

вы под босыми ногами... и нескончаемую мелодию мугама, от красоты которой щемит сердце. Песнь, вобравшую в себя все слова и весь опыт народов и веков. Если бы Экклезиасту не дано было слов выражить свою мудрость, от которой «столько печали прибудет», то он оставил бы такую вот многочасовую песнь — и поведал бы миру не меньше.

Маэстро Ниязи поблагодарил за предварительное согласие и пообещал уточнить дату моего выступления телеграммой.

Прошел месяц, другой, третий... Я посетовал в душе, что великие люди забывчивы, заняты, — где им помнить о мелочах... Однажды Алла Бандениекс, начальник концертного отдела Калининградской филармонии, рылась при мне в своем столе, и перед моими глазами случайно мелькнула какая-то телеграмма с красной правительственный полосой. Нечасто подобные телеграммы оказываются в ящиках столов, и я, заинтересовавшись, взял ее в руки. И обомлел: в ней значилось мое имя. Это была телеграмма трехмесячной давности от Ниязи с приглашением дать концерт в любое удобное для меня время. Я поднял глаза:

— Почему же мне ее не передали? Прошло столько времени!

— А, пустяки, это кто-то, наверное, пошутил, — небрежно бросила Алла Андреевна. — Сам подумай, ну кому ты нужен, чтобы тебе слали правительственные телеграммы?

Я немедленно нашел телефон Ниязи и позвонил ему. Судьба была ко мне явно благосклонна: он лытно взял телефонную трубку. Выслушав мои извинения за задержку с ответом на его телеграмму, он без намека на упрек повторил приглашение дать концерт.

Еще несколько дней мы обменивались телеграммами — шло соревнование в любезности: «пожалуйста, назовите любую удобную для Вас дату», «нет, только после Вас», «ну что Вы, только после Вас!»

Наконец дата концерта была определена, и мы со Слободяном прилетели в Баку.

Конечно, нас встречали у самого трапа, как самых почетных гостей.

Конечно, нам не приходилось думать, где приклонить голову и где поесть, — все было по высшему классу.

И сам концерт, проходивший в прекрасном белом зале Бакинской филармонии, заполненном замечательной публикой, прошел

на одном дыхании. Мы исполняли русскую классику — Рахманинов, Глинка, Даргомыжский, Ляпунов — и романсы современных композиторов Закавказья — Тактакишвили, Караева, Меликова.

Но маэстро Ниязи на мой концерт не пришел: в то время он был уже смертельно болен и не вставал с постели. О моем успешном выступлении ему все рассказали. Я навестил его, но говорили мы недолго — врачи стояли рядом с часами и вежливо напоминали, чтобы я не утомлял больного человека.

После концерта мы еще три дня жили в «Интуристе», лучшей бакинской гостинице, недоумевая, когда же нам наконец принесут обратные билеты. Наконец я не выдержал и обратился к администратору филармонии, мол, «доколе?!!» Тот, смешавшись и покраснев, пробормотал, что готов доставить билеты «в любой момент», «когда вам угодно»: оказывается, он боялся показаться невежливым, напомнив нам про отъезд, — как же, ведь мы гости самого Ниязи!

Великие люди остаются великими во всех своих поступках. Ниязи даже в самое тяжелое для себя время, умирая, нашел для меня, молодого исполнителя, время, теплоту сердца, понимание. Сумел проявить заботу, совсем для него, великого, не обязательную — чтобы приободрить меня, внушить веру в себя. Мы составили с ним внушительный план нашей совместной работы на ближайшее время. Здесь были и записи с его оркестром, и выпуск компакт-дисков, и гастроли... Последней телеграммой Ниязи просил выслать ему нотный материал Вагнера и Верди для оркестра. Но...

Через полгода он умер, так ни разу и не встав со своего ложа. Ну а после его смерти глупые чиновники, которых много в каждой стране, подвергли опале его соратников, поклонников его творчества. Это продолжалось довольно долго, но никто из обличителей так и не оставил своего следа в культуре своей республики — за обличениями было недосуг.

Ереван...

Бог любит троицу. Конкурс имени Глинки в Ереване был для Валерия Алиева третьей попыткой доказать себе и другим, что он способен взять и эту, самую высокую в СССР, планку.

Прослушивание проходило в Большом концертном зале имени Хачатуриана. В жюри — звезды оперной сцены: Нодар Ангуладзе, Павел Лисициан,

96 Зара Долуханова, Мария Биешу, Наталья Шпиллер, Зоя Христич... Бессменный председатель жюри — Ирина Архипова.... Уже один только этот список «делал игру». Ну, а Ереван...

Это был розовый город: розовая дымка старых улиц, дома из розового туфа, розовощекие черноглазые девушки, симфонии роз в садах, еще не тронутых рукой осени.... Ласковому солнцу не было дела, что по календарю на дворе стоял конец октября. И прохожие были под стать этому солнцу — благодушные, далекие от самой мысли о спешке. Ереванские автомобилисты с улыбкой пропускали друг друга и пешеходов на красный свет, николько не заботясь о правилах.

Утром Валерий и Володя Слободян собрали все деньги и документы в сумку, чтоб не пропали в гостинице, и поспешили на конкурсную жеребьевку. В кафе на углу они накороть съели не по-европейски большой и вкусный завтрак и вышли на улицу. У бровки тротуара стояла толпа зевак и следила за тем, как человек пытался открыть машину без ключа. Человек николько не нервничал и только кивал, когда кто-нибудь из толпы подавал ему советы. Один из зевак посоветовал отжать стекло, другой — через сантиметровый зазор между стеклом и дверцей опускать петельку из ботиночного шнурка, чтобы поддеть ручку дверцы. Кто-то для этой цели даже расшнуровал кроссовки.

Жеребьевка заняла часа два, и Валерий с Володей решили побродить по городу. И тут Володя побледнел:

— Валера, сумка!!!

— Что — сумка?

— Мы ее где-то оставили!

Никуда, кроме как в кафе, они не заходили, но где это кафе?

Бегом они бросились на поиски. Долго искать не пришлось — знакомая толпа у машины все так же продолжала опыты по открытию дверцы, только зевак стало больше. Невозмутимый хозяин машины в тысячный раз опускал петлю из шнурка, неистощимые на фантазию наблюдатели подавали советы. Друзья переглянулись и влетели, запыхавшись, в кафе. За их столиком сидела добродушная компания, — вальяжные мужчины пили вино, ели фрукты, неспешно вели беседу.... Никем не тронутая сумка висела на спинке того же стула.

— Позвольте? — воскликнул Володя, протягивая руку к сумке.

Мужчина, не прерывая цветистой фразы, царственно кивнул, выпрямляясь, чтобы освободить спинку стула.

Памятные встречи

— Все на месте? — утирая холодный пот со лба, спросил Валерий.
 — Угу. Даже и не открывали.
 На улице все продолжалась конференция у закрытого автомобиля.

Это был Ереван 1984 года. Всеобщее благодушие, ни намека на национальные конфликты.... Золотое времечко!

Жестокие игры политиков, жаждавших урвать кусок пирога потолще, имели всего одно, древнее, как мир, правило, которое не нарушалось никогда, — «Разделяй и властвуй». И нас разделили.

Полынная горечь во рту от лжи, ненависти и недоверия, большая кровь, которую отворили многонациональной стране Великие Разделители, — все это пришло с Парадом Суворинетов. Кому-то было нужно сыграть на пятнадцати национальных струнах — о самих инструментах, разбитых в процессе игры, никто не думал. Народы профессионально оболванивались мастерами своего дела.

Ереван... Туда в первый раз вместе с Алиевым и Слободяном выехала на конкурс и директор Калининградской филармонии — Вера Зимоглядова. Пожалуй, из руководства никто в Калининграде, кроме нее, не понимал важности этого соревнования талантов. В течение конкурса она поддерживала «своих мальчиков» и морально, и материально — подкармливала, когда тем было недосуг заниматься питанием в разгар репетиций и прослушиваний. Программа была чрезвычайно серьезной, и оба за эти две недели похудели и осунулись.

— Вера Викторовна, мне кажется, я потерял форму. Голос ужасный, меня задробят, — в минуту упадка духа пожаловался ей Валерий.

Та бросилась к Заре Долухановой. Певица ее успокоила: Алиев поет замечательно, если его «задробят», то кого вообще оставлять в финале?! Пусть не волнуется.

Зимоглядова успокоилась сама, успокоила Алиева и со спокойной душой улетела в Калининград, куда ее звали дела.

ЗЕРКАЛО:

Утром он подходит ко мне — на лице тревога. Я вижу, что в эту ночь он почти не спал. Как и всякий конкурсант, в душе он если и не молится, то убеждает мысленно кого-то там, наверху, дать ему возможность попасть хотя бы на второй тур.

«Ну а почему бы не пустить меня и на третий?» — продолжает он спрашивать неведомого Распорядителя удачи.

«Почему бы тебе сразу не попросить сделать тебя лауреатом?» — рассердились наверху.

Со своей серебристой поверхности я возвращаю ему его образ — усталый, немного надменный. Я знаю, что эта надменность — от огромного сомнения в себе, сомнения, свойственного людям, которые предъявляют себе самые высокие и суровые требования. Мне ясно видится его внутреннее, невидимое остальным, лицо — мальчика, зажженного восторгом и восхищением, когда он слушал «Журавлей», лицо, которое никто, кроме меня, не видел, — опаленное незаслуженной обидой в Минске. А вот момент просветления — когда оно разгладилось оттого, что он понял свое предназначение: «Я правильно выбрал дорогу, — говорит оно, — это счастье...»

Это розовое ереванское утро для него особенное. Он давно уже достиг такого уровня вокального и актерского мастерства, на котором любой другой успокоился бы с чувством глубокого удовлетворения.

Любой — но не он. Его идеал ускользает, как только он приближается к нему. Вечное преследование Недостижимого — и Валерий, не замечая этого, уходит все выше и выше, удаляясь от выверенной когда-то золотой середины.

Я успокаиваю его подмигиваю, и, как всегда, он не замечает этого. Он уходит, на минуту прижав горячий лоб к прохладному стеклу. Ему пора — его ждет радость.

Так оно и вышло — в Ереване Валерий Алиев взял третье место «пополам» с Сегитой Тримакайте из Вильнюса; второе получила Анаид Нерсесян — стажер Ереванского оперного театра. А первую премию вручили Ольге Аюоровой, солистке Бурятского оперного театра. Ольга Кондина, аспирантка Московской консерватории, и Бруно Эгле, баритон из Риги, «поделили» четвертую премию.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Интересно устроена жизнь. Иногда она, как бы специально, пересекает дороги людей.

В 1984 году на конкурсе в Ереване я встретился и подружился

с Наташой Ютеш, очаровательной девочкой из Одесской консерватории с темными большими глазами, задорным смехом и необыкновенно красивым голосом. Ей было тогда 22, и это был ее первый конкурс. Здесь Наташа не получила никакого звания.

Но на следующем конкурсе имени Глинки, который проходил в 1986 году в Баку, она стала лауреатом. После этого мы вместе с ней и другими глинковскими лауреатами гастролировали в Минске и Ленинграде.

На втором международном конкурсе камерного пения «Янтарный соловей» в 1994 году, где я был уже председателем жюри, в числе участников была и солистка Одесского оперного театра, лауреат международных конкурсов Наталья Ютеш. Она была настолько выше остальных участников конкурса по мастерству, что получила единственный за историю этого конкурса Гран-при.

А спустя еще четыре года Наталья Григорьевна Ютеш сама стала членом жюри конкурса «Янтарный соловей».

Я рад, что через долгие годы мы смогли пронести чувство дружбы и уважения друг к другу и что судьбе было угодно хотя бы изредка, но пересекать наши жизненные пути.

В Калининграде к его победе на Всесоюзном конкурсе отнеслись с недоверием. «Ответственный за культуру» Иосиф Андреевич Гречко строго взглянул на директора филармонии Веру Зимоглядову, которая, сияя, привела с собой увенчанного лаврами Валерия.

— Не знаю, не знаю, — проворчал он. — Я должен сначала позвонить в Москву.

В Москве новость подтвердили. И лишь тогда певец удостоился высочайшего поздравления «по протоколу».

ГЛАВА 15. *Барселона*

Уроки Архиповой. Отбор в Тбилиси.

Объятья Барселоны.

Триумф советской вокальной школы.

Ностальгия. «Реквием» Верди.

Сама по себе победа на конкурсе Глинки давала зеленый свет на гастроли и конкурсы за границей. Конечно, лауреатство на самом престижном конкурсе страны грело сердце, но и только: Валерию было тридцать три — возрастной предел для большинства конкурсов. Но не зря какой-то уголок подсознания стерег в нем уверенность, что есть у него ангел-хранитель, который поможет и на этот раз.

Ирина Архипова все еще безраздельно царила на оперной сцене. Лучшие подмостки мира с восторгом принимали примадонну. И когда в 1985 году она с концертом приехала в Калининград, Валерий ощутил легкий холодок между лопаток: невероятно, но факт — Архипова его не только помнила, но разговаривала с ним, как с равным, и даже благосклонно разрешила присутствовать ему и Владимиру на своих репетициях. Калининград — не Милан и не Париж, но великая певица работала на репетициях с полной отдачей. Лучшая — она и есть лучшая. И Валерий в эти часы проходил высший пилотаж вокального искусства. Одну и ту же музыкальную фразу Ирина Архипова могла повторять десятки раз, добиваясь нужного акцента, тончайшего оттенка чувства, — того требовала ее взыскательность к самой себе и как певицы, и как актрисы.

Когда она пела, Валерию казалось, что через нее проходит мощнейший звуковой столб, в ней резонировало все — от головы до пят. После блестящего концерта, поздравлений, цветов, они разговорились, и у Валерия вырвалось:

— Как жаль, что победа на конкурсе Глинки пришла так поздно: дорога на международные конкурсы уже закрыта для меня по возрасту.

Ирина Константиновна внимательно глянула на него:

— В Барселонском конкурсе можно выступать до тридцати пяти... Время у тебя еще есть.

Эта реглика великой певицы послужила толчком. У Валерия оставалось еще время запрыгнуть в последний вагон. Конкурс имени Франсиско Виньяса* в Барселоне сначала забрезжил, как мираж в пустыне, постепенно обретая все более твердые очертания. Но сначала было необходимо пройти

Барселона

отборочный конкурс — это было не менее сложно: человек «с улицы» вряд ли сумел бы получить даже простую информацию о требованиях международного конкурса. После высокомерного «о чём это вы говорите, молодой человек?», ссылка на имя Ирины Архиповой стала ключом, который подошел к секретному замку отдела конкурсов Министерства культуры. Информация была дадена.

Отборочные прослушивания имели место в Тбилиси. Алиев угодил на них после летнего турне с лауреатами Сочинского конкурса «по югам». Пожалуй, спустя несколько лет ему потребовалось бы гораздо большее время, чтобы переключиться с эстрадных шлягеров на Вагнера, Шуберта, Рахманинова. Но в тот раз он опять чувствовал в своих парусах тугой ветер госпожи Фортуны и легко перешел с эстрадных песенок на классику.

Тбилиси был прекрасен и добр — ласковое июльское солнце, добрые лица на улицах, знаменитые «воды Логидзе» — всевозможных вкусов и цветов сиропы, соединенные с холодной минеральной водой, — музыка, молодость, предвкушение победы...

Перед прослушиванием Валерий не выспался — ночью в его номере прорвало трубу. После целого дня репетиций и гуляния по старинному городу он спал без задних ног и проснулся, только когда в дверь забухали сразу несколько человек. Он не сразу понял, в чем дело — пол, казалось, стал ближе к бортику кровати, по номеру, покачиваясь на волнах, плавали тапочки, паспорт, деньги. Встал с кровати — и очутился по щиколотку в воде. В коридоре толпился народ. Странно — никто не кричал и не ругался, пострадавший жильтец, которого залило, уговаривал оторопевшего Валерия не волноваться. Мастер быстро наладил трубу, дежурные собрали воду, — все это под добродушное воркованье свидетелей происшествия.

О, Тифлис!

Строгое жюри отобрало пятерых счастливчиков — Валерия Алиева, солистку Тбилисского оперного театра Майю Тамадзе, солистку Ленинградского Малого оперного театра Елену Рубин, Дмитрия Харитонова из Одессы и солиста ГАБТа Константина Федина. Правда, Дмитрия Харитонова, по каким-то неведомым простому люду причинам, сняли прямо с трапа самолета, вылетавшего в Мадрид, и их осталось четверо.

Валерий тоже без сюрприза не отбыл — в самый последний момент из Барселоны пришла телеграмма, что арию из «Мессии» Генделя* конкур-

102 сант обязан петь на языке оригинала — на английском. Валерий никогда не изучал английский язык и готовил эту арию на немецком. В срочном порядке в консерваторской библиотеке ему с большим трудом раздобыли клавир на языке Альбиона, а Владимир Слободян записал английский текст русскими буквами. Пока летели в самолете, Валерий учил его, как проклятый. Наверное, от большого усердия непонятные слова прочно засели в его подсознании на десятки лет, и много позже Валерию снились сны, в которых он бегло говорит по-английски — в рифму, изысканным слогом семнадцатого века, сам напрасно пытаясь понять свою речь.

И вот — ноябрь 1986, Барселона.

Валерий к тому времени уже немало поездил по свету. Но вино Барселоны и по сей день играет в его крови.

Первое впечатление — что это место, куда попадают после смерти дети и святыне. Но потом он понял секрет очарования — ветер времен не выветрил с улиц этого города ни единой пылинки истории, все — и средневековые, и романтизм XIX века, и интеллектуальный каприз XX — сплетались в один грандиозный дворец, созданный для детей и цветов. Только в этом городе, по улочкам которого они со Слободяном бродили целыми днями, он понял, что чьи-то слова «архитектура — застывшая музыка», совсем не были красивой фразой: архитектура здесь действительно звучала музыкой, кружившей голову.

Руководителем их делегации была Галина Солодуева, уже не раз бывавшая в Испании и прилично знавшая испанский язык. Кроме обычного пригляда за своими «овечками», она, по-видимому, должна была следить еще и за моральным обликом «русско туриста». Если это так было, то честь ей и хвала: ребята имели счастливую возможность наслаждаться Барселоной с утра до глубокой ночи безо всякой опеки и контроля.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Галина Михайловна Солодуева и ее супруг Игорь Васильевич Солодуев...

Он — народный артист России, бывшая первая скрипка оркестра Большого театра, выйдя на пенсию, ежедневно несколько часов в день отдает игре на любимом инструменте и разучиванию новых произведений. Оттого звучит его скрипка ничуть не хуже, чем в годы работы в Большом.

Барселона

Она — ответственный секретарь многих международных конкурсов вокалистов, ее знают все наши нынешние вокальные знаменитости, которым она помогла «выйти в свет». И просто очаровательная женщина. Аристократически красивая, статная, с постоянной готовностью всегда прийти на помощь. Когда у меня случилась беда со связками и мне пришлось оперироваться в больнице Боткина, ее квартира на много дней стала моим пристанищем, а Галина Михайловна ухаживала за мной, точно понимая все мои знаки, которыми я в это время изъяснялся из-за полного отсутствия голоса...

В порту Барселоны жизнь кипела ключом. Рядом с замершей на несколько веков каравеллой Колумба, между легкими яхтами, солидными сухогрузами и щегольскими лайнераами плескалась хрустально-чистая вода, без единого пятнышка мазута. На глубине были видны стайки причудливых рыб. Город звал, манил, и все хлопоты, вся суета казались такими незначительными, преходящими. Валерий чувствовал, что невидимое течение подхватило его и понесло — к острову радости. Ему было так хорошо в эти дни, что он и по сей день вспоминает их, как самое счастливое и по-детски бездумное существование, которое не должно измеряться обычными единицами времени.

Жеребьевка без особых торжественных речей прошла в зале Высшей музыкальной школы Каталонии. Ритуал состоялся вечером — днем все еще было очень жарко, несмотря на ноябрь. А после него всех участников собрали в пatio, среди цветущих деревьев, иллюминированных китайскими фонариками. Легкое, удивительно вкусное вино, фрукты, орешки, музыка, быстрые, веселые взгляды «соискателей» и такие же быстрые и веселые знакомства, и — ощущение соперничества, витавшее в воздухе гораздо плотнее, чем на наших советских конкурсах.

Русскую четверку взяла под крыло милая, дружелюбная сеньора Роса Ортис, подруга Галины Михайловны, прекрасно говорившая по-русски. В 1936 году ее в числе прочих испанских детей, пострадавших от войны, вывезли в СССР, где она прожила несколько лет, о которых вспоминала тепло, с удовольствием — что бы там ни разоблачали историки Новейшего Смутного Времени. Сеньора Ортис возила их обедать, она же расстаралась и нашла у друзей дом с хорошим роялем, где русские могли репетировать сколько душе угодно: устроители конкурса считали, что это не их проблема.

Все свободное от репетиций время они любили Барселону, в ее объятия они бросались, как в омут, подхваченные ее жарким и нежным дыханием. Легкие, открытые люди, но при всей своей открытости — удивительно тактичные; легкий и радостный ритм города, в котором они чувствовали себя так легко и просто, как в «летающих» снах.

Пожалуй, один-единственный раз Алиев и Слободян испытывали настоящее смущение — когда их занесло на улицу Красных фонарей. И это тоже было приключением, доселе не испытанным, — распахнутые настежь спальни с розовым тюлем, женщины — веселые, полураздетые, насмешливые: целомудрие советских туристов еще было незапятнанным, и жрицы любви откровенно забавлялись над взрослыми симпатичными «амигос», которые краснели, как школьники, и старались поскорее убраться подальше от раскованных красоток.

Легкость и радость... Они сопровождали их в Барселоне повсюду — в этом городе можно было жить, «как птицам небесным, как лилиям полевым, как детям». Фрукты — волшебно изобильны и дешевы, они утоляли и голод, и жажду, а больше ничего не хотелось, как только влиться в артиерию города, бродить в нем с раннего утра до поздней ночи... Зрелице иностранного мира, живущего просто и чисто, насыщало, как хлеб и молоко. Бог тоже любил эту землю.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

В жюри конкурса были певцы, снискавшие славу во всем мире: Магда Оливеро и Джузеппе ди Стефано из Италии, Лоренцо Альвари из США, Хуан Орсина из Испании. Нашу страну представляла Ирина Архипова, — по приглашению устроителей она и открыла конкурс собственным концертом. Выступление нашей прославленной певицы прошло превосходно, а на «бис» она исполнила заключительную сцену из оперы «Кармен», где ее партнером выступил Джузеппе ди Стефано*, последние годы уже не выступавший, но сделавший исключение ради Архиповой.

А конкурс шел своим чередом. Валерий чувствовал себя в пике формы — пелось в этом городе так же легко и свободно, как дышалось. «В Барселоне можно поверить в перевоплощения и карму, — думал он, забываясь сном после еще одного дня жизни, такой непохожей на ту, что была до... — В прошлом рождении я жил здесь, под этим небом...»

Барселона

Вся русская четверка прошла на второй, а затем и на третий тур.

И в финале... «Триумф советской вокальной школы!»* Майя Томадзе заняла первое место, Константин Федин и Елена Рубин — второе. Валерий Алиев, выступавший в категории «Oratoria-Lied», был удостоен Почетного Диплома. Он оказался единственным из выступавших в этой категории, вышедшим в финал конкурса на приз Шуберта.

ЗЕРКАЛО:

— Блики и тени, скользившие по серебряной глади времени, то скручиваясь и облетая сухими листьями, то неожиданно выплывая из того мира в этот, развернулись и затопили всю землю благословенного города. Я отражало счастливое и воодушевленное лицо Валерия в тысячах зеркал, витрин, окон... Я возвращало ему его улыбку тысячами улыбок, отраженных смуглыми лицами, лицами, словно выточеными из слоновой кости, нежными, как чайная роза. Счастье — очень простая вещь, которую люди начинают понимать вдруг, неожиданно для себя, не сознавая важности мгновенья. Весь секрет в том, что надо сливаться с этим солнцем, этим небом, пропустить по каждой своей жилке этот ветер, вслушаться в голос травы и услышать песню воды. Секрет этот знают дети, но, подчиняясь заведенному порядку, начинают хотеть, стремиться, бороться и вообще делать то, что разрушает счастье. Валерий сумел еще раз попасть в счастливое течение этой золотой реки, глотнуть волшебной влаги, что сродни водам Леты. Счастье рождало в нем волшебную мелодию, окрашивало его голос золотом солнца и синью вечного неба. Его голос сливался с невидимым камертоном, оставленным ушедшими с Олимпа богами. Для счастья нужно так немного...

Из Барселоны он уезжал с чувством утраты — так больно было покидать прекрасный город с улицами, утопающими в цветах, с фонтанами на вечерних площадях, которые вспыхивали фантастическими красками под музыку симфонических оркестров... А неповторимые создания гения архитектуры Гауди и рисунки Пикассо — прямо на тротуаре перед его музеем...

Ностальгия по Барселоне мучила, как разлука с любимой. И только ради новой встречи с нею Валерий решился на сумасшедшее предприятие.

Через несколько месяцев после конкурса ему позвонили из Барселоны:

106 — Господин Алиев, от имени устроителей ежегодного музыкального фестиваля мы приглашаем вас и Елену Рубин, как лауреатов нашего Барселонского конкурса, участвовать в ежегодном музыкальном фестивале «GREC-87» в «Реквиеме» Верди*. Всего два концерта. Гонорар — по 175 000 песет за каждое выступление.

— Я рад.... С превеликим удовольствием....

— Вы знаете эту партию?

— О да, конечно!

— Тогда мы начинаем переговоры с Госконцертом и делаем Вам вызов.

Переговоры переговорами, но проблема была в том, что «Реквиема» Верди Валерий никогда не пел! Но это была единственная возможность еще раз встретиться с Барселоной!

Он срочно позвонил Елене Рубин в Питтер. Лена выслала ему клавир, и Валерий тут же занялся освоением нового для него жанра. Свою партию он учил по клавиру и по пластинкам с записью оркестра под управлением Тосканини. На все про все у него было всего лишь два месяца.

Солисты для исполнения «Реквиема» прибыли из разных стран — сопрано Генриэтта Таррес из Италии,тенор Франциско Ортис из США, меццо-сопрано и бас — из Ленинграда и Калининграда, СССР. Дирижировал Франц-Пауль Деккер из Германии. Как и в прошлый раз, в аэропорту их встретила сеньора Роса Ортис, тут же взявшая их под свое попечение.

Это было действительно испытание: огромный открытый амфитеатр на три тысячи зрителей, но акустика была настолько совершенной, что слышен был каждый шепот, каждый вздох.

Концерты начинались в десять часов вечера — на дворе стоял июль, и днем раскаленная Барселона вымирала.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Поражало все. Греческий амфитеатр, вмещающий 3000 зрителей, на протяжении всего фестиваля был переполнен. Вместе со взрослыми было много детей, молодежи. Я страшно переживал, что сделаю что-то не так. Лена Рубин учila меня, когда и за кем надо выходить, куда садиться, когда вставать. Как носить первый в моей жизни фрак. Такого нервного напряжения до той поры я еще не испытывал.

Перед поездкой я специально перестроил свои вокальные упражнения, чтобы голос стал «басовитее» и гуще. Природа моего голоса — это легкий бас-баритон. Для исполнения же партии в «Рек-

Барселона

виеме» Верди нужен был настоящий бас. Этую партию исполняли знаменитые Христов, Гяуров, и мне пришлось много потрудиться над собственной природой голоса. Но когда зазвучали первые аккорды, когда я услышал хор, когда я встал и сам издал первый звук — я понял, что все нормально. Звук, как ни странно, летел, несмотря на космическую глубину зала, — я слышал и оркестр, и хор. И на место страха приходил восторг.

После первого выступления наш импресарио сказал, что все хорошо, но попросил нас с Леной петь Верди более плотным звуком, как это принято на Западе. На втором выступлении мы выполнили все его указания. Судя по реакции публики, это был успех. Благодарили дирижер, благодарили партнеры.

Но больше я на такие эксперименты не шел. И когда мне предлагали спеть «Реквием» в России, я отказывался категорически: такую авантюру можно было совершить только ради Барселоны.

После первого концерта Валерий почти терял сознание: сказывались и треволнения, и наслаждение от пения прекрасной музыки под небом прекрасной Барселоны. Все получилось так, как надо!

Что касается гонорара, то в Москве его, как водится, «перераспределили» — тысячи и тысячи испанских песет превратились в шестьдесят пять русских рублей за концерт, как и полагалось по ставке Министерства культуры. Правда, Валерию, с его лауреатством и с гастрольной надбавкой, добавили до «сверхнормативных» ста пятидесяти рублей, а Елене Рубин — до ста двадцати. Оборанных артистов и на этот раз выручили «карманные» конверты от устроителей — гонорар в московском пересчете можно было и не брать: по сравнению с «мелочью на расходы», полученными в Барселоне, это была ничтожная сумма. Но гораздо хуже для Валерия и Елены было требование чиновников министерства ни в коем случае не декларировать свой гонорар при пересечении границы. Это было унижительно — оба чувствовали себя контрабандистами, сжимаясь от ужаса при мысли, что таможенники вот-вот схватят их с поличным. Чтобы простить такое унижение, нужно быть святым.

Сдавая деньги в кассу Госконцерта, Валерий стал свидетелем безобразной сцены: две бухгалтерских дамы в Госконцерте кричали на известного пианиста, который привез большую выручку от своих концертов в Англии, но по дороге в аэропорт Хитроу истратил какую-то мелочь на такси — опаз-

108 дывал. Распалившиеся дамы едва не честили его вором, посягнувшим на государственную казну! Пианист, только что светившийся от счастья, оправдывался, как будто действительно совершил преступление.

На «карманные» деньги экономнейшие лауреаты наши, конечно же, накупили подарков близким и друзьям, ну, а на что Госконцерт потратил их законные гонорары, никто не знает и по сей день.

Первой против этой несправедливости восстал Майя Плисецкая — и после долгого и упорного сопротивления чиновничья армия сдала позиции. Но это случилось уже десятью годами позже.

ГЛАВА 16. 60 счастливых дней

Песни под иторм. Морской вояж.

Публику не выбирают... наверное... как не выбирают время жизни. Публика — та еще царица: сегодня любит, завтра отвернется — если только не затронули секретной струны, не позолотили серость ее будней отсветом прекрасного и вечного. Артист никогда не знает, как встретят его в этот день, в этот час, в этом зале.

Поэтому Валерий волновался всегда, перед любым выступлением, где бы оно ни происходило. Как-то в январе 1983, сразу после Нового года ему предложили поднять дух и производительность труда у калининградских рыбаков в Баренцевом море.

— Всего каких-то два месяца, — сказали ему в кульбазе плавсостава, — ну, укачает немного, зато почет и хвала. Кстати, запаситесь лимонами и солеными огурцами — от морской болезни.

Конечно, никто пинками в северные моря никого не загонял, всегда можно было найти причину поуважительнее: слечь с «гриппом» — и не поехать. Но ведь интересно! Да и публика — такой Валерий еще не видал.

Вместе с ним на эти морские гастроли поехал калининградский композитор, музыкoved филармонии, и по совместительству баянист Валерий Пиганов.

Двенадцатого января их и еще двоих девушек-методистов от кульбазы плавсостава доставили на судно «Иоханнес Варес». Сопровождающий морячок им посочувствовал: надо же, нездача какая — в самый штормовой сезон людей, к морю непривычных, доставить в самые что ни на есть северные широты.

Притихших артистов высадили на гигантский пароход: «Иоханнес Варес» был рыбомучной плавбазой водоизмещением в 15 тысяч тонн. Здесь имелся приличный киноконцертный зал, большая библиотека, кают-компания, которую артисты окрестили «уют-компанией». К тому же оба Валерия не без удовольствия отметили для себя вкусные запахи из камбуза, комфорт отдельной каюты и отсутствие даже намека на ту качку, которой их так пугали.

Первый ужин показался им почти ресторанным — артисты и вспомнить не могли, когда их так баловали в последний раз. А вечером оба в концертных костюмах, с бабочками, предстали перед морскими волками.

Настроение зала — странная, малоизученная и непредсказуемая вещь. Если тебе открыли невидимую дверь — каждый твой вздох, каждый звук, каждое движение души усиливаются многократно зрителями, с которыми артист слиивается, как хороший наездник со своим равной лошадью. И никакие звания, никакие справки с дипломами о культурном багаже ничего в таком соединении изменить не могут — или «есть контакт», или его нет.

Морская публика оказалась такой чуткой и отзывчивой, о какой любой артист может только мечтать. Взволнованно аплодировали и Алиеву с Пигановым, и девчонкам, — таким красивым и непривычным среди мужчин, на полгода оторванных от дома, суши, женщин.

Проникаясь настроением зала, оба Валерия «работали программу» с душой, не забывая, однако, про обещанный штурм. А штурма все не было. Правда, сцена под ногами временами начинала давать крен, и приходилось держаться за специальные металлические шесты. И только когда первый помощник капитана Геннадий Алексеевич Атрашенко после концерта пригласил их в свою каюту на фуршет, и они увидели, как бутылка и бокалы на столе скользят из стороны в сторону, они переглянулись — в этот вечер на море было семь баллов.

Ну, а припасы против морской болезни вполне пригодились. Но не им — кое-кто из молодых морячков то и дело заглядывал к ним в каюту «насчет соленого огурчика или, на худой конец, лимончика, а то что-то мутит» — так все и съели.

Качка придавала артистическому вояжу какой-то особый ритм и шарм. Великолепная кухня еще более скрашивала путь-дорогу по северным широтам. Вскоре Пиганов порозовел и округлился, а смуглый Алиев еще более посмуглел, как на Черном море. Суровые ветра не дерзали проникать сквозь теплые полушибки и свитера, когда они перед сном выходили прогуляться на верхнюю палубу.

Силы небесные! Когда еще им придется вот так неторопливо, со вкусом совершать мюцион под звездами и северным сиянием, которые не далеко в небе, а тут, рядом, среди волн. Когда еще придется вот так вставать по утрам, встречая душевые улыбки и любовь людей, признательных им за искусство, за то, что какой бы ни была погода, какой бы штурм ни бушевал, и какая бы малая часть экипажа ни была свободной, чтобы присутствовать в зале, артисты были всегда в костюмах и при бабочках, программа за два месяца ни разу не повторялась, и никто не схалтурил.

Два месяца в море пролетели так быстро, как умеет пролетать счастливое

время. Не раз их переправляли на камере на маленькие суденышки, пока те, пришвартовавшись к плавбазе, сдавали улов. Происходило это так: приодетых для концерта артистов ставили на надувную камеру, цепляли ее при помощи сети лебедкой и осторожно переносили по воздуху на какой-нибудь РТМ. Пока часть команды выгружала рыбу, шел концерт — даже если слушать его могло от силы человека четыре. Зато как слушали! И как умели быть благодарными...

ИЗ ДНЕВНИКА

Эта первая поездка с концертами в северные моря надолго осталась у меня в памяти. Именно здесь я впервые и навсегда полюбил калининградцев, понял их трепетно-трогательное желание слушать не только знакомую эстрадную музыку, но и вполне серьезную классику. Мы строили свои программы без всяких скидок на «неподготовленность» публики. И все наши программы принимались «на ура» и были понятны этим обветренным, уставшим зрителям.

Может быть, именно эти встречи навсегда «приварили» мое сердце к этому чудесному рыбакскому краю с его суровыми и такими чуткими людьми.

В начале марта их отправили домой на одном из СРТ. Вот тогда они и вспомнили, что бывает на свете болезнь под названием «морская». Гигантскому судну «Хоханнес Варес» семибалльный шторм был, как слону дробинка. Маленькое же судно совершало головокружительные «ту-лупы» и прочие антраша фигурного катания, и ко времени прихода в Мурманск наши артисты выглядели бледновато. Но уже на другой день маленькая не приятность забылась, и Валерий с нетерпением ждал нового приглашения «на воды» — уже к берегам Африки.

Увы — ожидания не сбылись. Медленно и неотвратимо наступала эпоха демократии, о маленьком человеке с его заботами и чаяниями вспоминали только в связи с очередными выборами, референдумами или импичментами. Флот в мгновение ока был приватизирован, как было приватизировано ловкими людьми и все остальное советское (а значит, «ничье») имущество.

Ныне моряки, та самая благодарная и нежная публика, ходят под чужими флагами, попадают в рабство к своим же, русским, — великим комбинаторам, осевшим на чужих берегах, где потеплей. И кто им споет, кто сыграет,

112 как не архангел на серебряной своей трубе? Как играет он каждому один-единственный раз в жизни — о счастливейшем часе освобождения всех трудящихся от земных оков. Других концертов в морях им нынче не полагается...

ИЗ ДНЕВНИКА

Из всей команды «Иоханнеса Вареса» больше всего мне запомнился мой самый восторженный почитатель — боцман Николай Митько, который страстно любил пение, знал тексты великого множества песен, сам обладал очень громким голосом... и полным отсутствием слуха. Боцман являл собой живой пример человека, которому «медведь на ухо наступил», еще от души и потоптавшись при этом. В рейсе со мной был и мой брат Александр. Его взяли рулевым и он быстро нашел общий язык со всей командой. Митько прекрасно относился к нам обоим: Сашу он любил за профессионализм, ну, а меня, наверное, за то, что я имел голос, костюм с бабочкой и, главное, не просто мог петь, но и запоминал все мелодии. Для него это было выше человеческих возможностей. Но человек он был замечательный, и мы отвечали ему взаимностью.

ГЛАВА 17. Антология мирового романса

Прочь из лектория!

Поиски шедевров мирового романса.

Успех. Покорение эфира.

Ангел со Всесоюзного радио.

— Я за культуру в массы. Но, не таким же образом! — кипятился Валерий, возвращаясь поздним вечером с очередного концерта в красном уголке очередного общежития.

— После консерватории и трех лауреатских званий петь песенки про девушку Ленина и елочку?!

Весь вечер они в концертных костюмах с бабочками — в несусветную-то жару! — пели перед двумя осоловелыми бабульками, небритым типом, бессмысленно таращившимся на пианино, да озабоченной мамашей в бигуди и халате. Она механически покачивала коляску с одним младенцем и пытаясь удержать на привязи второго, который с радостным визгом носился между пустыми стульями и азартно хлопал откидными сиденьями.

— Я так больше не могу. Я кончусь как артист. В конце концов, надо называть вещи своими именами — культура это одно, а разнарядка — совсем другое.

По этой самой разнарядке Валерий, как артист филармонического музыкального лектория, обязан был дать 14 концертов в месяц. Концерты случались по мановению профорга то на заводе, то на полевом стане, то на рыболовном траулере, но чаще — чтобы не хлопотать над устройством выезда — вот в таких обезлюдевших общежитиях.

На другой день он влетел в директорский кабинет и без всяких увертюр заявил:

— Или сегодня же увольняюсь, или переведите солистом. Что я вам — мальчик?

Вера Зимоглядова как будто ждала этого ультиматума:

— Конечно, Валерий, конечно. Ты же у нас лауреат...

Валерий дернулся — иронизирует?

— Я серьезно говорю, не обижайся. С завтрашнего дня и переведу. Но учти — гастроли захлестнут, некогда будет и умереть.

Валерий улыбнулся — кто же от гастролей просто так отказывается?

И пошла-полетела гастрольная жизнь. Умереть и вправду было некогда: Союз казался не одной шестой частью суши, а нескончаемым пассажем больших и малых подмостков, филармонических залов, гостиниц, столовых, аэропортов и вокзалов. Иногда это были концерты на одном дыхании, иногда — невеселая, обязательная работа.

— Одна, другая, десятая концертная программа — это замечательно. Но одного этого недостаточно, — сказал Николай Луганский, художественный руководитель филармонии, Валерию, который только что вернулся из очередной поездки на другой конец материка.

— Твоего лаврового венка хватит не на один суп. Но когда-нибудь кончится и он. Не суп — венок! Тебе надо придумать *нечто*. Чего до тебя никто не делал. Вот есть «Антология русского романса», а ты со своим багажом можешь замахнуться даже на «мировую антологию».

Валерий кивнул. Он и сам об этом думал.

Сумасшедшая гастрольная жизнь, бесконечные вояжи, смерчем закручивающееся пространство, время, летящее лучом в черноту новой дорожной ночи.

Ветер и поток.

Но и в этом потоке были моменты тишины. Незримый ветер уносил его туда, где пропадали звуки и цвета, где он превращался в тетиву, только что спустившую тяжелую стрелу и тоскующую о новой, которая поразит еще более высокую цель.

В одну из таких медитаций мысль обрела реальную и конкретную форму — создать всеобъемлющую антологию романса, пойти по нехоженым тропам всемирного наследия Орфея, добраться до жемчужин Японии, Португалии, Балкан, стран, произведения которых — *Terra Incognita* для российского любителя камерного пения. Так что слова Луганского легли на уже взрыхленную и благодатную почву.

Владимир Слободян идеей увлекся до самозабвения, и оба артиста буквально зарылись в ноты — искали и приобретали их по всем городам и весям во время гастролей, списывались со всеми, кто имел к ним хоть какое-то отношение. Труд монументальный, но оба горели, как свечи, подожженные с двух концов.

И Время, благосклонное к тем, кто тратит его не ради себя, открыло для них невидимый тоннель, в котором одна драгоценная находка следовала за другой, одна программа редкостных маленьких шедевров торопила другую. За шесть лет образовалось сорок таких программ.

Антология мирового романса

Филармонии приглашали его наперебой — такие программы и такие исполнители означали не только хорошие сборы, но и новую эпоху в концертной деятельности.

Про «Антологию» заговорили.

«Советская культура», 5 марта 1987 года.

«Антология мирового романса» —

40 концертных программ, вместивших более 800 романсов композиторов 25 стран мира. Таков итог шестилетнего сотрудничества артистов Калининградской филармонии — вокалиста, лауреата всесоюзного и дипломанта международных конкурсов Валерия Алиева и пианиста Владимира Слободяня.

…Антология по объему музыкального материала и охвату композиторов пока не имеет аналогов. Цикл дает возможность представить пути развития жанра, его место в музыкальной культуре того или иного народа, особенностях творческого почерка композиторов. Разумеется, антология не могла вобрать в себя все жемчужины камерной вокальной музыки хотя бы потому, что исполнители исходили из определенных голосовых возможностей. И, тем не менее, это значительная, многоплановая работа, представляющая интерес, как для профессиональных музыкантов, так и для любителей камерного пения.

В. Алиев и В. Слободян работают сейчас над антологией советского романса. Недавно, вернувшись из Барселоны, где получили дипломы 24-го международного конкурса вокалистов имени Франческо Виньяса, они побывали с концертами «Антологии» в Сибири — Улан-Удэ, Иркутске, Красноярске, Новокузнецке…

Н. Харитоненко.

Горьковский рабочий, 29 февраля 1987 года.

«…Заканчивая консерваторию, Валерий Алиев сделал выбор между оперным и камерным пением в пользу второго… и с тех пор активно творит на этом поприще.

…Но, пожалуй, более важно то, что В. Алиев сознательно идет не самым удобным путем, поставив себе целью овладение всем богатством мировой камерной вокальной музыки…

В Антологии… представлены композиторы и тех стран, музыка

которых редко звучит на концертной эстраде. Это — Япония, Аргентина, Югославия, Перу, США, Бразилия и другие.

В. Алиев и В. Слободян — не только высококвалифицированные музыканты, дающие возможность любителям музыки приобщиться к огромному музыкальному богатству, испытать радость сопричастности. Их творческая деятельность привлекла к себе внимание ряда советских композиторов, пишущих специально романсы и вокальные циклы, рассчитанные на этот дует. Следовательно, Антология пополняется новыми произведениями, а также почти забытыми (Калинников, Ляпунов, Гречанинов)…

В. Блинова, музковед,
заслуженный работник культуры РСФСР.

«Антология» зазвучала по всему Советскому Союзу — от Балтики до Камчатки:

Газета «СМЕНА», Ленинград, ноябрь, 1985 г.

«…Выступление Валерия Алиева оставило очень приятное впечатление. Прекрасно владея своим сильным, большого диапазона баритоном, певец доставил слушателям немало радостных минут. Включенные в его программу романсы Ю. Шапорина, С. Рахманинова и Г. Свиридова прозвучали насыщенно, темпераментно и ярко. Вполне удался певцу и интересный вокальный цикл В. Казенина. Все эти произведения входят в составленную певцом «Антологию мирового романса»…»

«Камчатская правда», 1988 г.

НА СЦЕНЕ — РУССКАЯ КЛАССИКА

На афише концерта — имена композиторов М. Глинки и М. Мусоргского. Исполнители: лауреат всесоюзного и международного конкурсов Валерий Алиев и пианист Владимир Слободян.

Сразу стоит сказать, что предложенная программа оказалась на редкость интересной: в нее вошли два вокальных цикла русской классики, редко исполняемых на концертной эстраде, входящие в уникальную «Антологию мирового романса», созданную исполнителями.

Антология мирового романса

Не так уж часто можно услышать полностью цикл «Прощание с Петербургом»*. Цикл состоит из двенадцати романсов, написанных Глинкой на стихи Нестора Кукольника... Исполнение их Алиевым отличалось мягкостью, плавностью голосоведения, тонким ощущением стиля. Камерные вокальные произведения Глинки требуют от исполнителя высочайшего мастерства. Они пленяют искренностью, лирическим обаянием. Именно эти качества и продемонстрировал певец, прекрасно владеющий словом, тончайшими нюансами в градации звука.

Широкая кантилена, красивый голос в полной мере проявились в романсах лирического содержания: «Давно ли роскошно...», «Колыбельная», «К Молли». А в «Рыцарском романсе» и «Попутной песне» певец блеснул виртуозной техникой владения голосом и четкой дикцией.

Совершенно иное настроение царило во второй части концерта. В нее вошел цикл «Песни и пляски смерти» М. Мусоргского — произведение сложное, философское по содержанию, связанное с осмыслением извечной темы жизни и смерти. Манера пения Валерия Алиева уже не была такой, как при исполнении романсов Глинки. И в этом проявилось мастерство, вкус, глубокое проникновение в суть всех четырех романсов цикла.

Певец сумел найти для каждого из них свою окраску, свой голос: вкрадчивый в «Колыбельной», резкий, увлекающий в «Сerenаде», мягкий, обволакивающий в «Трепаке», трагичный в «Полководце»...»

Конечно, не удержался Радик из Уфы — постарался, чтобы Валерий получил приглашение в его город. Овации ждали его друга и там:

«Вечерняя Уфа», 1993 г.

УСПЕХ В НОВОМ АМПЛУА

«...Прежде всего, мы услышали прекрасного певца, хорошо владеющего вокально-сценическими средствами образного перевоплощения — интонационным и тембровым разнообразием вокала, выразительностью мимики. С первых же звуков романсов Римского-Корсакова стало ясно, что перед нами певец, не увлекающийся самолюбованием, не пытающийся, как порой некоторые, удивить силой своего баса. Мы услышали осмысленное пение, направлен-

ное на передачу внутреннего содержания романсов Римского-Корсакова, Метнера — и в этом проявилась высокая культура исполнителя. Настоящим откровением даже для музыкантов-профессионалов стали романсы и музыкальные письма Василия Калинникова, в которых В. Алиев сумел донести до каждого певческое слово.

Второе отделение концерта было посвящено вокальному творчеству Дмитрия Шостаковича — одного из любимейших композиторов певца. Прекрасно был исполнен ставший хрестоматийным цикл на слова Е. Долматовского. Алиев продемонстрировал стремление найти собственное творческое решение — передав просветленность, мечтательность, вновь продемонстрировав прекрасное владение голосом.

Кульминацией второго отделения стали редко исполняемые комические и сатирические циклы Шостаковича: «Четыре стихотворения капитана Лебядкина» (из романа Ф. Достоевского «Бесы») и на тексты из журнала «Крокодил». Вот где раскрылось актерское дарование певца! Исполнитель с удивительной непринужденностью донес до зрителя острый мелодический рисунок, ладовое своеобразие, капризную ритмику произведений Шостаковича.

В ответ на горячий прием зрителей в конце программы были исполнены романсы Глинки и Даргомыжского.

Говоря о выступлении певца, нельзя не отметить высокое исполнительское мастерство дипломанта Всесоюзного и международного конкурсов пианиста Владимира Слободянина. В его игре все отточено, ясно, все находится в полном ансамблевом единстве с певцом.

Студенты и преподаватели кафедры сольного пения Уфимского государственного института искусств провели встречу с Валерием Алиевым и Владимиром Слободяном. Наши гости ответили на многочисленные вопросы, исполнили ряд романсов и музыкальных писем русских и советских композиторов».

В. Аюпова, музикoved.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Антология могла бы остаться только приятными воспоминаниями о творческом подвижничестве, молодом, вдохновенном поиске, неутомимости, — если бы не записи на Всесоюзном радио. Однажды

Антология мирового романса

мы со Слободяном, перебирая программки старых концертов наших, поразились: оказывается, мы оба не помним множества вещей, которые когда-то исполняли!

Кстати, о записи: любая из них требует гораздо большей тщательности и мастерства, чем обычное концертное исполнение! Если на сцене можно «выехать» на артистичности, на эмоциях, то в записи требуется филигранная отработка произведения: незаметная на первый взгляд мелочь может свести на нет все остальное, сделанное аутентично. А в фондах Всесоюзного радио осталось лучшее, что нам удалось сделать. Там оно и хранится.

Хранители...

Этот мой ангел-хранитель обитал в Москве на улице Качалова, в Государственном Доме радиовещания и звукозаписи.

Нелли Юсуфовна Алекперова...

Тогда она была заместителем главного редактора Всесоюзного радио Геннадия Черкасова и одним из основателей знаменитой радиостанции «Маяк». Замечательный музыкoved, заслуженный деятель искусств Азербайджана и России, Нелли Юсуфовна для меня сделала то, что не успел сделать маэстро Ниязи.

Двери студии звукозаписи раскрылись для меня после конкурса им. Глинки в апреле 1985 года. После прослушивания нам дали время для фондовой записи, спросив, сколько мы заявляем произведений. Мы дали список из девяти романсов, чemu девочки на студии весело посмеялись:

— Вы не знаете, что такое запись на радио — за три часа смены хорошо, если запишете одно произведение, чудо — если два-три.

Но мы записали все девять! Это были романсы Михаила Глинки «Сомнение», «Уснули голубые», «Признание», «Попутная песня», «Не говори, что сердцу больно», «Давно ли роскошно...», «Как сладко с тобою» и два романса Георгия Свиридова «В Нижнем Новгороде» и «Русская песня». Записали с блеском, без сучка, без задоринки прошли самый инквизиторский худсовет из мэтров с прошлыми, настоящими и будущими заслугами, которые ревностно блоли чистоту и качество эфира. Эх, где они сейчас! Как не хватает их драконова ока сегодня, когда эфир загустел от пошлейшего кича... Записи романсов Глинки я считаю и сегодня, имея в фонде уже огромное количество других произведений, одними из самых удачных моих записей.

В другой раз Нелли Юсуфовна сама пригласила нас с новой программой романсов и советской классики. А вскоре с ее легкой руки для нас всегда горел здесь зеленый свет. Мне только стоило позвонить на студию и спросить, есть ли для нас, к примеру, время в пятницу в двенадцать, — и время всегда находилось.

Музыкальным редактором почти всех наших записей была Людмила Лигинова (или просто Мила, как все ее называли). С ней было удивительно легко работать, за многие годы совместной работы она узнала мой голос до тончайших нюансов. И, когда я был не совсем в форме, она, благодаря этим своим знаниям, «вытягивала» мой голос до необходимого уровня или просто советовала перенести время записи.

Именно с Милой были сделаны первые записи романсов М. Глинки, и именно с ней мы сделали свою самую лучшую запись — вокальный цикл — «Лебединая песня» Шуберта. При всей строгости и самокритичности, я по-настоящему горжусь этой записью, которую мы смогли сделать за несколько студийных «смен». Перед этим долго и скрупулезно прослушивали все имеющиеся варианты этого цикла, пытаясь до мелочей понять не только немецкое произношение, но и настоящий стиль Шуберта. Ближе всех мне оказался мой любимый Фишер Дискау. Но главная трудность в том, что нельзя просто скопировать его исполнение. Надо было, взяв все лучшее, спеть по-своему. Судя по отзывам музыкантов и по собственным ощущениям, нам это удалось.

Нелли Юсуфовна никогда не пыталась влиять на мнение худсовета. В ее интересах было поддерживать высокое качество эфира. Но это вмешательство вряд ли было необходимо. Нам было дорого наше имя, мы работали с полной отдачей. И мне греет сердце, что большая часть наших записей вошла в Золотой фонд Всесоюзного радио.

Благодаря Нелли Юсуфовне я открыл для себя Василия Калинникова*, она же указала мне и «адрес», где искать его знаменитые музыкальные письма.

С Калинниковым действительно получилась странная и удивительная вещь. Умер композитор молодым — ему едва исполнилось тридцать четыре, однако, успел оставить немалое наследство, к сожалению, почти не воспретированное в то время. Из его романсов исполнился только один — «На старом кургане». Мы же смогли записать в Фонд радио все романсы композитора.

А к одному из концертов в пятой студии мне предложили спеть его музыкальные письма, о которых раньше я даже не слышал. Я увлекся идеей: мне всегда нравилось открывать что-то новое. Нелли Юсуфовна подсказала, что письма эти опубликованы в двухтомнике «Василий Калинников». В фондах

Антология мирового романса

Калининградской областной библиотеки я отыскал это издание. И с первых же страниц книгу словно подсоединили к моему кровообращению — вот они, ноты! Письма свои Калинникова излагал мелодией, столь близкой мне по духу: чистейшей воды импрессионизм!

Коллеги диву давались, где это он откопал такое сокровище, просили пристать ноты, но Валерий, как Скупой рыцарь у сундуков с сокровищами, еще некоторое время наслаждался драгоценностями сам, словно переливая с руки на руку сияющие изумруды и лалы, и только наигравшись, прочно закрепив за собою право первой ночи, открыл секрет другим вокалистам.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Как и многое другое, оставшееся в наследство новому времени от старого, Всесоюзное радио с его замечательной студийной работой приказали долго жить. Нелли Юсуфовна занимается теперь культурной политикой ЛУКОЙЛа, мы по-прежнему поддерживаем связь. С ее легкой руки в Калининграде у меня появился человек, помогающий мне воплощать в жизнь многие новые творческие начинания — Юрий Степанович Каджоян, генеральный директор компании «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть».

Статный, красивый мужчина, с шикарной седой шевелюрой и большими, немного навыкате, черными глазами, Юрий Степанович воплощает собой уверенность и достоинство. Мы как-то с первой встречи, которая состоялась после одного из моих концертов, нашли общий язык. Возможно, сказалось наше кавказское происхождение. Впрочем, есть умные люди, которым не надо втолковывать прописные истины, долго что-то объяснять. Они не просто поддерживают идею, которая их захватила, но и привносят в нее что-то свое, обогащают ее. Именно таким человеком оказался Юрий Каджоян. Ему я обязан тем, что смог выжить (и в творческом, и в физическом смысле) в крайне тяжелые для меня времена. И сегодня, благодаря его поддержке и благословению, проходит, ставший уже широко известным, международный конкурс камерного пения «Янтарный соловей», существует мой театр-студия с массой интереснейших проектов.

Кстати, на Всесоюзном радио рядом с Неллей Юсиевой была еще одна незаурядная личность — ходячая энциклопедия мировой

музыки, музыкальный критик Сева, — Всеволод Васильевич Тимохин, правая рука Нелли Алекперовой и ее любимое, бережно опекаемое «чадо».

— Сева, на чьи слова написано...? В каком году впервые публично исполняли...?

И Всеволод Васильевич, едва дослушав, выкладывал даты, имея на, мельчайшие подробности и детали фона, на котором все это проходило.

Зато в жизни это был самый неприспособленный к суровой реальности человек, и Нелли Юсуфовна самолично проверяла наличие теплого шарфа в холодную погоду, степень загруженности его холодильника и обеспечивала Севочку нужными лекарствами, материнскими советами и покровительством сильного своего крыла в хищных джунглях Московского радио и телевидения.

Нелли Алекперова — из тех немногих, кто умеет хранить не только записи, но и верность тем, кого отмечает душа ее. Так, с молодых лет она поклонялась Ниязи, и когда после смерти мэтра начались гонения на его учеников и поклонников, она имела мужество не отречься от него, хотя рисковала многим, включая карьеру на радио.

ГЛАВА 18. Уроки великой Зары

Бесконечный бег наперегонки со Временем — концерты, записи, боязнь чего-то не успеть — сделал свое дело: голос Валерия устал, как и он сам. Конечно, вокальная школа, полученная в консерватории, не раз выручала его, но необходимо было чуткое ухо педагога, помочь «извне». Помогла встреча с еще одной удивительной женщиной — Зарой Долухановой.

В пору, когда они встретились, Заре Александровне было под семьдесят, но есть в природе женщины, которые умеют оставаться прекрасными независимо от прожитых лет. Она — из таких, вечно прекрасных дам.

В своей методике Зара Александровна практически не пользовалась сложными ассоциациями, как многие педагоги (к примеру: «представьте, что вы зажали ягодицами пятак, теперь возьмите верхнее «до», не выпуская пятака», или: «постройте в гортани равнобочную трапецию и пустите звук по ее диагонали», или: «для правильного ощущения головного регистра представьте, что вы нюхаете тухлую рыбку (варианты — духи, розу)»).

Нет, у нее все было просто: когда поешь, надо опускать челюсть и опираться на диафрагму. Кто придумал, что звук рождается в голове? — звук рождается в гортани, для этого там существуют две свя-зоч-ки. Простые советы, но стоит Валерию вспомнить ее глубокое нежное меццо-сопрано, как его голос набирает силу. Словно после хорошей распевки.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Практически на всех уроках по постановке голоса педагоги пользуются «рыбным языком». То есть, выражают свои требования такими чудовищными образами, что посторонний человек, услышав это, может подумать, что находится бог знает где. «Елозить головой по полу», «нюхать цветок», «петь затылком» и многое другое — это мизерная часть пресловутого «рыбьего языка». Но ведь студенты его прекрасно понимают! И педагоги часто добиваются выдающихся успехов. Несмотря на разность подходов к постановке голоса, разные слова и методы, у большинства педагогов существуют, тем не менее, очень похожие и четкие критерии и требования: низкое положение гортани, высокое небо, соединение грудного и головного резонаторов...

С методикой постановки голоса Зары Александровны мне пришлось столкнуться впервые в апреле 1990 года. У любого певца наступает момент, когда у него появляются какие-то проблемы с голосом. После окончания консерватории в 1981 году я все время работал крайне интенсивно. Я постоянно забывал золотое правило «петь процентами», и пел всегда только на максимуме, давая иногда 2–3 сольных концерта в день (?!). Молодость выдерживала все. Но, спустя десять лет, появились первые, довольно серьезные, проблемы: голос стал быстро утомляться, приходилось долго настраиваться. Имея верхнее рабочее «фа», я с большим трудом доходил до «до» первой октавы, исчезли фальцет и пиано. Требовалось профессиональное ухо педагога и срочная помощь.

Я приехал в Москву и отправился на урок к Павлу Герасимовичу Лисициану. Слава богу, он хорошо помнил меня по предыдущим конкурсам и согласился прослушать. Мы встретились в классе Московской государственной филармонии, где Павел Герасимович работал в то время консультантом. На урок я пришел вместе со Слободяном. Мне было очень важно запомнить все, что скажет маэстро, и второе ухо — Володи, было очень кстати.

Павел Герасимович начал распевку сразу с середины диапазона и быстро повел голос наверх, чтобы понять мой диапазон и степень моей ущербности. Знакомые терции и квинты в распевке немного успокоили меня, но мышечным ощущением я чувствовал, что нахожусь уже где-то очень близко к моим крайним верхним нотам. Попытка «прикрыть» звук, как я это тогда понимал, встретила резкий отпор Лисициана:

— Не надо, не глуби звук, пой абсолютно свободным голосом, радостно и не думай о верхах.

Легко сказать — «не думай». У меня были абсолютно новые ощущения, мне казалось, что я просто кричу открытым звуком. Но Павел Герасимович улыбался и говорил:

— Хорошо, хорошо. Еще полтончика... и еще полтончика...

Володя позже сказал, что так громко и звонко я еще никогда не пел. Я и сам чувствовал в голосе что-то новое. Мало того, что в этом большом состоянии я дошел до верхнего «соли», чего никогда и в здоровом-то состоянии не пытался делать, но я НЕ УСТАЛ!!! И это было главное.

После двух таких занятий, Павел Герасимович решил, что со мной должна позаниматься Зара Александровна:

— То, что я делаю исходя из ощущений и практики, Зара Александровна сможет тебе тонко и грамотно объяснить. Ваши голосовые аппараты очень похожи, и она сможет дать тебе гораздо больше. А у меня и времени просто очень мало, слишком много учеников.

То, что происходило несколько дней на занятиях с Зарой Александровной, изменило всю мою дальнейшую певческую жизнь и на долго продлило ее. То, что я делал у Павла Герасимовича неосознанно, подчиняясь только его указаниям, не до конца их понимая, Зара Александровна смогла очень просто и доходчиво объяснить. Поэтому до сих пор я пользуюсь ее технологией, не уставая изумляться и благодарить свою спасительницу.

Язык Долухановой гораздо больше похож на язык ученых, чем на «рыбий язык» многих профессоров по вокалу. Я выделил для себя основные принципы школы Зары Александровны, которые стали для меня непреложной аксиомой.

Певческий звук зарождается **в гортани**, и только в гортани.

Петь надо с достаточно большим пространством в глотке, то есть, при пении глотка должна **расширяться(!)**, быть подвижной и эластичной (именно эти два положения Зара Александровна боится афишировать, потому что большинство педагогов считают, что даже упоминание слов «гортань» и «глотка» во время занятий может привести к ее зажиму и сокращению).

Яркость и блеск голоса полностью зависят от **плотности связочного смыкания**. Поэтому при пении все внимание должно быть сосредоточено на плотности смыкания связок, хорошем открытии глотки и ее подвижности.

При дыхании обращать внимание только на выдох, игнорируя вдох. Певческое дыхание — это умение распределять воздух, выпуская его, только «превратив в звук». И если голосовые связки сомкнуты плохо, воздух вылетает быстро и его не хватит на длинную фразу.

При дыхании воздух набирается мгновенно и только **через рот**, выпускается воздух минимальными порциями.

Дыхательная поддержка не должна ослабевать к концу фразы или звука, необходимо постоянно ощущать **упругость дыхания**.

Хорошая дикция — это умение четко стучать языком о зубы и десны, гласные формируются **в глубине глотки**, строго в одном месте и при минимальном открытии рта, так как при широко открытом рте слабеет импеданс, а при слабом импедансе воздуха расходуется намного больше.

После точной атаки звука, основанной на плотном смыкании связок и широкой глотке, надо продолжить **активное пение**, то есть, идет выработка кантилены. Главное для активного пения — поймать ощущение **«нытья», «стона»**. Здесь обязательно участие **всего организма**, диафрагмы, а не только гордани и того, что располагается выше.

Фальшивая интонация зависит от недостаточной глубины глотки и звуковой струны. Как только тронется язык и освободится место, звук попадает куда надо. **Ощущение «зевка»**, когда корень языка опускается максимально низко, опуская, таким образом, и гортань, способствует хорошему открытию глотки, а это решает многие проблемы, и главное — формирование всех звуков в одном месте.

Нельзя петь «с воздухом», необходимо на каждой ноте как бы за-пирать голосовую щель, добиваться сухого, четкого произношения каждого звука.

Это основные вокальные принципы Зары Александровны Долухановой, которые очень помогли мне в трудный момент и которые я проповедую сам на всех своих мастер-классах и занятиях с учениками. Конечно, это все — общие положения, которые меняются в зависимости от индивидуальной особенности каждого певца, но основополагающие принципы бесспорны. Хотя во многом и отличаются от большинства общепринятых. Но это только лишнее подтверждение того, что нельзя найти какое-то универсальное средство для всех учеников, что методик столько же, сколько и учителей, что главное в любой школе — это итог, результаты.

С тех первых уроков Великой Зары прошло много лет. И много лет я, как только выпадает возможность, стараюсь приезжать к ней и брать хотя бы два-три урока, или, как мы говорим — «почистить голос». И мне достаточно только встать у рояля и услышать голос Зары Александровны, как мой собственный голос начинает моментально приходить в норму. Это ощущение некоей психологической настройки сохранилось и по сей день, когда я уже не имею возможности часто приезжать к Заре Александровне за советом.

ГЛАВА 19. По другую сторону «барьера»

Случайная встреча. Приглашение в жюри.

Судейское искусство.

Москва. Угол Тверской, со стеклянными витринами предстоящих концертов, абонементов — Концертный зал имени Чайковского. У афиши крупногабаритная дама внимательно изучает репертуар. В царственном наклоне головы что-то очень знакомое. Валерий от неожиданности останавливается — так и есть, это же Наталья Дмитриевна Шпиллер, прославленная певица, величественный председатель Жюри, педагог его любимой Йофель.

— Валерий! Вы здесь какими судьбами? Как успехи после Глинки? И про Барселону слышала!

Удивительно, ей уже за семьдесят, но голос молод, свеж. Валерию было очень приятно, что такой человек следит за его творчеством и в курсе его успехов.

— Барселона — это вчерашний день. Сегодня я уже заслуженный артист России.

— Поздравляю. Значит, уже созрели. Почему не спрашиваете, для чего?

— Для чего?

— Для жюри. Скоро в Свердловске Всероссийский конкурс вокалистов к 150-летию Мусоргского (Наталья Дмитриевна всегда аффектировала ударение на второй слог, обрывая всех, кто пытался произнести фамилию ее любимого композитора на привычный лад: «Вы просто не знаете, что это неграмотно, при мне говорите «Мус'оргский»!). Вам будет полезно увидеть конкурс по другую сторону «барьера». Это означает, что срочно готовьте две недели отпуска и — вперед. Вот телефон оргкомитета... Впрочем, я сама все уложу, вы мне позвоните через два дня.

Случайность? Счастливая, но продолжение она имела весьма серьезное.

Ведь он сам еще недавний соискатель. Но жюри — это, действительно, своего рода признание в «высшей лиге» профессионалов. И Валерий явно почувствовал, что пиджак в этот момент стал ему чуть-чуть тесен, как будто за спиной выросли крылья.

И вот он в жюри. Конкурсанты с почтением и любопытством оглядывают его при встрече: еще вчерашние приятели-соперники, в этот раз они смотрели друг на друга как судья и «подсудимые». Им нравится, что среди седин

128 затесался свой, молодой и еще не обросший связями, обязательствами, пристрастиями. Вот, в отличие от некоторых других членов жюри, он внимательно слушает, как они поют — ведь это очень важно, когда тебя слышат! Сразу появляется вдохновенье, удваивается сила и насыщенность голоса. Это умение слушать и слышать Валерий взял у Зары Александровны, своего Крестинского, так слушают Надежда Юрнева, Людмила Филатова... Все они умеют внимательно, не отрываясь, вслушиваться — по-доброму, с сочувствием к ошибкам.

Искусство слышать... Почти утраченное людьми нового века.

В перерывах конкурсанты окружали *Валерия Сейфуллаевича* (он еще не привык к такому обращению по отчеству и несколько смущается, слыша его) — еще столько общих тем, столько новостей! Наталья Дмитриевна Шпиллер, совершая величественный свой обход рука об руку с кем-нибудь из профессуры, в такие моменты обращалась к молодому члену жюри:

— Валерий, о чем это вы с конкурсантами шушукаетесь? Смотрите, все разговоры о конкурсе — только после конкурса!

Хотя и без особой строгости — в порядочности Валерия она была уверена. К тому же ему и некому было протежировать — сам не профессор, учеников нет, следовательно, будет судить непредвзято, честно.

Надо было видеть, с каким величием она занимала председательское место: немолодая, грузная, она умела создать впечатление царственной стати, — президиум Олимпа, не меньше. По правую руку от нее сидела ее любимая ученица Йофель, едва достававшая ей до плеча и контрастирующая с ней в весовой категории. Ну, а уже по правую руку Екатерины Константиновны сидел ее любимый ученик — Валерий Алиев, сам вчерашний конкурсант. Во время прослушивания она иногда с любопытством скашивала глаза на юного коллегу — как он там? не нужно ли помочь? Вокруг — консерваторские зубры со всей России: заведующие кафедрами вокала, известнейшие профессора, исполнители.

Но после конкурса Валерий удостоился высочайшего одобрения — не подвел и был даже «весьма и весьма...»: блистал эрудицией и прослыл «объективнейшим субъектом». Такой сверхобъективностью мог похвастаться еще один член жюри — представитель Министерства культуры России Владислав Скоторенко, который сказал, что «это лишнее подтверждение того, что в жюри должны быть только беспристрастные судьи, не имеющие собственных учеников среди конкурсантов». Практически нереальное пожела-

По другую сторону «дарьера»

ние, так как в Жюри работают лучшие педагоги и исполнители, но именно у них, обычно, и воспитываются лучшие молодые голоса.

С легкой руки Шпиллер за этим конкурсом пришли следующие — в 1991 году Всероссийский конкурс вокалистов в Белгороде, затем первый конкурс басов в Москве, который проходил в зале Московского театра оперетты, и на котором в качестве конкурсанта заявил о себе Александр Филиппович Веденников, ветеран и «действующая» звезда Большого театра. Среди всех членов Жюри, под предводительством народного артиста России Александра Правилова, при этом известии прошел шорох: как же оценивать человека, выпустившего уже более тридцати пластинок, выступающего на лучших подмостках мира, лауреата Государственных премий, народного артиста СССР.... Все завершилось, однако, вполне миролюбиво: Александр Филиппович был удостоен Почетного Диплома конкурса за выдающийся многолетний вклад в развитие мирового вокального искусства и получил замечательно дорогую картину от спонсоров. А далее — все места были распределены между молодыми конкурсантами. К сожалению, этот конкурс продолжения не имел, хотя затея была достойной.

И, наконец, для Валерия начались конкурсы имени Глинки*. Это, несомненно, было рангом выше Всероссийских. На них правила бал Ирина Константиновна Архипова. Но примадонна пригласила его в жюри только после того, как он сам стал президентом вокального конкурса «Янтарный соловей». Конкурса, сразу же обратившего на себя внимание очень высокой планкой требований к жюри и конкурсантам.

Члены жюри конкурса имени Глинки Валерию были хорошо известны — многие из них оценивали и самого Алиева, когда он принимал участие в нем как конкурсант. А часть Жюри уже принимала участие в работе на его «Янтарном соловье»: Сергей Усанов, Мария Биешу, Юрий Григорьев, Зоя Христич, Петр Скусниченко...

ИЗ ДНЕВНИКОВ

На XIX конкурсе вокалистов имени Глинки в Челябинске я встретился со знакомым мне по Самаре журналистом Валерием Ивановым, который готовил материал о конкурсе для самарской прессы. Я дал ему довольно большое интервью по вопросам конкурсов, камерного пения и подарил на память свои записи с романсами М. И. Глинки и других русских композиторов. Уже в Калининграде я получил пись-

мо с газетной вырезкой моего интервью и с очень дорогой для меня, как исполнителя, припиской:

«Уважаемый Валерий Сейфуллаевич, посылаю вам интервью, опубликованное в нашей газете «Самарские известия». Прослушав романсы Глинки в Вашем исполнении, понял, что неисчислимое их количество, которое, подобно пустопорожнему товарняку, пронеслось мимо нас в дни конкурсных прослушиваний, имело мало отношения собственно к Глинке. Буду рад встречам с Вами на музыкальных, конкурсных путях-дорогах. С уважением Валерий Семенович Иванов».

ГЛАВА 20. Янтарный соловей

Теория волн. Звезда.

Вторая волна — «Янтарная».

Атмосфера Томмазо Кампанеллы.

Уроки вокальных гроссмейстеров

«Христос босичком...».

Волновая теория есть не только у физиков. Известный композитор Эдуард Ханок в своей книге пишет о волновой теории успеха: артист, начиная свою карьеру, должен поймать такую волну. В случае успеха можно скользить по гребню лет десять — двенадцать. Бывают мотыльки-однодневки, запрограммированные и на меньший срок. После десятка лет такого катания либо у артиста случается спад, сопровождающийся обостренной ностальгией, либо этот человек успевает оседлать вторую волну и при везении еще продлевает себе лет пять — десять попутного ветра. Третья волна — удел немногих: на нее могут взлететь лишь самые везучие звезды, отмеченные особым знаком Фортуны. Пример третьей волны — Пугачева, Кобzon, Лещенко...

Валерий начал свой серфинг в 1980 — первая его волна, начав свой бег с Сочинского конкурса, стремительно перенесла его к победе на конкурсе Глинки и опустила у берегов прекрасной Барселоны. Она достигла своего гребня, когда он понял, что в Калининграде его признали и ... привыкли — каждый пятый на улице с ним здоровается. Затем появилась статья, которая заставила его задуматься: что дальше?

«ВОКАЛЬНАЯ ЗВЕЗДА КАЛИНИНГРАДА» (1992 г.)

Несколько дней назад я слушал Валерия Алиева на вечере, посвященном 850-летию со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами, проходившем в Калининградском Дворце культуры моряков. Валерий пел три романса из вокального цикла Арифа Меликова на стихи Назыма Хикмета. Я впервые слышал эти, мне довольно хорошо знакомые, произведения в мужском исполнении, и, надо сказать, что Валерий Алиев сумел их прочесть по-своему, более драматично, эмоционально насыщенно, с тем поразительно чутким вниманием к сплетому слову, которым и определяется подлинная

значительность настоящего камерного певца. Да, десять лет артистической деятельности Алиева выдвинули его в число лучших камерных певцов нашей страны.

Никогда не забуду, как в начале 80-х годов к нам, на Московское радио, пришел солидный буклет, насчитывающий более 700 романсов композиторов разных национальностей, эпох и стилей — это были 40 концертных программ солиста Калининградской филармонии Валерия Алиева.

…Недавно на Московском радио В. Алиев и В. Слободян записали два сложнейших вокальных цикла Ф. Шуберта — «Зимний путь» и «Лебединую песню» на двух языках: немецком и русском (случай беспрецедентный в отечественной вокальной практике!). Записи эти были высоко оценены художественным советом.

Вокальная фактура голоса Валерия Алиева весьма своеобразна. По тембру его голос воспринимается слушателями как настоящий баритон (отсюда многочисленные приглашения, которые получает артист на исполнение баритоновых партий в операх Моцарта, Верди, Чайковского), но по диапазону — он типичный бас. И в этом «дуализме» вокальной природы певца заключена причина того, что Алиев отказывается от многих интересных, заманчивых предложений, как, например, выступить в роли Дон Жуана в опере Моцарта или Онегина в «Евгении Онегине» Чайковского. Здесь надо отдать должное твердости художественной позиции Валерия в отстаивании незыблемого правила: певец должен знать границы своих возможностей и никогда не преступать их…

А что же опера? Так ли уж она противопоказана творческим устремлениям артиста? Конечно, нет. Своеобразный «дуализм» его голоса, о котором упоминалось выше, создает некоторые проблемы: антрепренеры «слушают» Алиева в одних партиях, а сам артист себя — совсем в других. Но, я думаю, что это противоречие вполне устранимо в процессе живой театральной практики. К сожалению, богатые оперные традиции старого Кенигсберга не получили своего развития в современном Калининграде. А жаль, ибо, имея такого замечательного певца, как Валерий Алиев, город вполне может рассчитывать на успех многих оперных начинаний. Думаю, что, появивсь возможность ставить в Калининграде оперные спектакли, многие

вокалисты, не только отечественные, но и зарубежные, проявили бы горячую заинтересованность в этом деле.

В. Тимохин, музыкальный критик, г. Москва»

Спустя десять лет его взгляд все чаще устремлялся не на дорогу, усыпанную цветами, на которой, впрочем, имелось и битое стекло, а вдаль — в поисках второй волны. Такой волной оказался конкурс «Янтарный соловей».

Еще в начале 90-х, насмотревшись на конкурсы всех мастеров и калибров, Валерий высказал Ирине Архиповой идею, что необходимо поднять реноме камерного жанра: к тому времени этот раздел конкурса имени Глинки был довольно сильно оттеснен своим престижным оперным соперником. Патриотов камерного исполнения даже слегка жалели: вот, мол, у человека не хватает силы еще поднапрячься и выйти на оперный уровень, либо возраст не позволял участвовать в оперном разделе. Да и судьба камерного певца резко отличалась от певца-оперника, в распоряжении которого были и обменные гастроли по театрам, и фестивали, и мастер-классы. Как истинный приверженец камерного пения, Валерий переживал, отчего никто не додумался устроить отдельный престижный конкурс для певцов — исключительного для «камерников».

— Хорошая идея, — кивнула Ирина Константиновна, немного поразмыслив, — тебе и карты в руки. Устраивай.

Благословение известной певицы дорогого стоило — к идеи Валерия отнеслись с сочувственным вниманием и откликнулись такие авторитетные персоны, как Зара Долуханова, Бэла Руденко, Надежда Юрнева, Вера Баева, Зоя Христич, Валерий Гаврилин, Гедре Каукайте, Кира Изотова, Сергей Усанов, ну, и само собой, Владислав Казенин. Все они с готовностью согласились быть в жюри первого конкурса — и нужно, и почетно, и, помимо всего прочего, — интересно.

Подготовка к «ренессансу камерного вокального мастерства» заняла почти два года. Условия конкурса они разрабатывали вместе с Ириной Архиповой. И по сей день программа «Янтарного соловья» остается одной из труднейших в вокальных конкурсах. По замыслу, он должен был вернуть из небытия фамилии многих забытых или редко исполняемых русских композиторов, привлечь внимание к исполнению вокальных циклов, умению петь ста-

134 ринную музыку и народную песню. Все это нашло отражение в программе конкурса.

И еще одна немаловажная причина, толкавшая Алиева на создание этого конкурса: сделать реальностью справедливое, честное судейство. Участвуя во многих конкурсах, он не раз видел, как плакали от обиды конкурсанты, слышал многое нелицеприятных слов в адрес «лукавых» членов Жюри. И твердо решил, что «Янтарный соловей» должен учесть все ошибки многих конкурсов.

И вот — первый голос из столицы: газета «Советская культура» писала:

«...На конкурсе было беспрецедентное для нашего времени честное судейство. Алиев сам подобрал профессионалов, не запутавшихся в мафиозной паутине: дадим премию ученикам того-то, который вскоре будет в жюри там-то, куда поедут ученики этого. Члены Жюри пели для конкурсантов, гласно разбирали ошибки, переживали за всех — словом, сумели создать необыкновенную, достойную Томазо Кампанеллы атмосферу...»

Конечно, не совсем правильно утверждать, что абсолютно все участники были единодушны с решениями членов Жюри. Но если это и происходило, то, в основном, либо из-за временной обиды за неудачное выступление, либо из-за переоценки собственного мастерства.

К примеру: на VI конкурс приехал очень сильный состав конкурсантов. Многие из них уже имели целый «букет» лауреатских званий других престижнейших конкурсов. Но не все учили специфику конкурса камерного пения, где недостаточно иметь большой голос. Нужно уметь им владеть в той мере, которая определяет мастерство именно камерного пения. Надо уметь донести слово, смысл произведения, почувствовать стиль той или иной эпохи... Это поняли не все лауреаты других конкурсов. Некоторые приехали на камерный конкурс, заранее уверенные в победе и в абсолютной своей непревзойденности. Отсюда — разочарования.

Так, певица из Воронежа Ирина Макарова, обладающая всем комплексом достоинств, который необходим оперному певцу — большой сильный голос, замечательная внешность — не справилась с программой именно из-за своего непонимания специфики камерного пения. Пропев всю программу одним (действительно, красивым) голосом, в одном стиле, одной краской, она осталась в недоумении, почему первая премия присуждена не ей. Свою же чет-

Янтарный соловей

вертую премию Ирина посчитала несправедливой, объяснив это «происками» жюри.

А вот солистка ГАБТа России Александра Дурсенева относится к певцам, которые привыкли и думать, и работать. Приехав в первый раз на «Янтарный соловей» в 1992 году, она поразила всех членов жюри своим мощным, необыкновенно глубоким и красивым голосом. Но Александра не прошла с ним даже на второй тур. Однако, выслушав все замечания членов жюри, она сделала определенные выводы и уже на следующем конкурсе показала не только голос, но и мастерское владение им, сумев «укоротить» его для тонких нюансов камерного пения, спев каждый тур очень «стильно», музыкально. В итоге — первая премия и пример всем конкурсантам, что, прежде всего причины неудачи надо поискать в себе. И не обижаться, не искать виновных, а уметь делать для себя правильные выводы.

Валерий не дышал, чтобы не слазить — конкурс величественно и безмятежно плыл на спинах трех китов: джентльменского судейства, четкой организации, отлаженной подобно часам Буре, и… Треттым китом был он сам, соединивший в одно время и в одном месте столько великолепных профессионалов, заполнивший призовой фонд конкурса деньгами не только спонсорскими, но и своими собственными — гонорарными и премиальными за несколько лет. Но весомее денег было ощущение, что он и конкурс — единый организм, в котором бьется его собственное сердце, по венам и артериям бежит его собственная кровь, и на его дыхании держится все и вся.

Большую помощь в организации «Янтарного соловья» оказала Алиеву его ближайшая помощница и соратница во многих начинаниях — Валентина Климаева, которая была исполнительным директором первого конкурса. Благодаря ей было решено множество организационных и финансовых проблем. Все было продумано до мелочей. Конкурсанты, едва ступив на калининградскую землю, немедленно попадали в руки оргкомитета — «дабы не преткнуться о камень ногою своею». Из аэропорта или вокзала их довозили до гостиницы, знакомили с расписанием репетиций и прослушивания. Устроители понимали, что конкурсант должен думать только о своем хорошем выступлении. И для этого надо устраниТЬ все, что мешало бы ему в этом.

Учитывая дебют конкурса, специфику камерного пения и небольшое число певцов в этом жанре, количество заявок, поданных на участие в «Янтарном соловье» превысило все ожидания — их было около шестидесяти. Большую роль в этом сыграл, по-видимому, призовой фонд конкурса, который

136 соответствовал по размерам международному и намного превышал призовой фонд конкурса им. Глинки. И, конечно же, авторитетнейшие имена членов жюри. Кроме уже перечисленных выше, в разные годы в жюри конкурса «Янтарный соловей» работали: Антипов Г. В. (Латвия), Герасимова Н. Б. (Москва), Слободян В. Д. (Калининград), Барсов Ю. А. (Нижний Новгород), Григорьев Ю. А. (Москва), Забиляста Л. Л. (Киев), Колес Л. Я. (Минск), Скалик Я. (Польша), Филатова Л. П. (Санкт-Петербург), Юрнева Н. Ю. (Москва), Наталья Ютеш (Одесса), Мацюте Р. В. (Литва).

В конкурсные дни непонятно откуда бралась бурлящая энергия — Валерий горел свечой, подожженной с двух концов, не мог ни есть, ни пить. И глядываясь в молодые лица, с восторженным удивлением видел — им хорошо, они понимают, что здесь их ценят, любят, в них верят, как в продолжателей...

Ощущение — словно он вдруг выиграл миллион с планетой всей в придачу. Поющее жюри! И они действительно пели: концерты и мастер-классы для всех — победителей и пока не победивших, что само по себе было не менее ценно, чем премии. Не так уж много в нашей стране мест, где можно встретиться с настоящими мастерами камерного вокального жанра. Тем ценнее каждая такая встреча, ибо это — настоящая школа не только для молодых исполнителей, но и для преподавателей камерного пения.

Все конкурсные прослушивания проходили в Калининградском областном музыкальном колледже. В эти дни он переставал жить собственной жизнью, полностью отдаваясь течению конкурса. И все — и участники, и гости, и жюри — постоянно были окружены ненавязчивой заботой всех служб колледжа, дружным отрядом волонтеров, что во многом предопределяло безу是比较но ровный и спокойный ход конкурса. Наверное, многие учебные заведения мечтали бы оказаться на месте этого учебного заведения, получавшего раз в два года шикарный двухнедельный «бонус».

Бэла Руденко, профессор Московской консерватории: «Общие пожелания педагогам колледжа — не давайте слишком сложные программы на поступление в ВУЗ, мы принимаем тех, кто показывает музыкальность. Первые два года ученика надо держать на старинных итальянских ариях в одну октаву. В них голос проявляется сразу и точно. Затем постепенно увеличивать нагрузку. Главное — выявить то, что даровано судьбой. В работе над произведениями с одними студентами надо идти от художественного

Янтарный соловей

образа, с другими — исходить из вокальных трудностей. Универсального подхода нет.

...Учить лучше с самого трудного места, никогда не форсируйте верхние ноты. Атака не должна быть расплывчатой, вживайтесь в роль, нельзя быть «звукодумом»...

Когда выходите на сцену, чувствуйте себя молодыми и самыми красивыми. Радуйтесь жизни — никаких страданий. Если вы не почувствуете радости, то и мы ее в зале не почувствуем: в этом обмануть нельзя».

Юрий Григорьев, профессор Московской консерватории: «Иди от образа. Сыграй, как в кино. Не как вокалист, а так, будто потом озвучит кто-нибудь другой. Позиция головы при пении такая, словно собеседник одного с тобой роста...»

Надо ощутить, где мы держим связки. При минимальной затрате энергии — максимум звука. «Чуть-чуть» фальшиво не бывает. В старину звук делили на 5 обертона. Необходимо воспитывать вокальный слух.

Немного технологий: итальянские гласные ставят голос. Промытьать их с открытым ртом (зеркало — друг певца).

Класс певца проявляется в том, как он поет мелкие ноты. Для вокалиста необходимы внимание, воля, умение учиться, музыкальность, голос».

Вера Баева, профессор Екатеринбургской консерватории: «Люблю, чтобы студенты сидели на уроках друг у друга. Прошу запомнить необходимые характеристики звука: высотность, округлость, упругость, близость. На одном тоне выравниваю гласные. Необходимо начать пение с ощущения вдоха. Когда есть это ощущение, звук не будет форсирован. Делайте упражнения со свистом, по примеру трубы, флейты. Когда кончается дыхание, направляйте легкие, спину...»

Надежда Юрнева, профессор РАМ имени Гнесиных: «В педагогике я стараюсь не углубляться в вокальные сложности. Предлагаю идти от образа — музыки, текста. Если текст слабый, надо придумать соответствующий музыке подтекст. Все образы «приподнимать». Не петь злобу, темноту. Текст кажется мрачным, а содержание должно быть светлым (это к студенту, который поет «Серенаду» из «Песен и плясок смерти» Мусоргского). Не должно быть ровных восьмых, это ведет к слоговому произношению, а значит, к «стоячей» музыке...»

Нигде так не видна глупость исполнителя, как в паузе. Люфт может оказаться кульминацией. Внимательнее относитесь к фразировке. И помните слова Н. Перельмана: «Никчемность не знает сильной доли такта, посредственность опирается на нее, а талант распоряжается ею».

…Обычно я прошу своих студентов не слушать пластинки, пока они не будут уверены в своем исполнении, пусть каждый исходит из того, что есть у него внутри, — из собственного дарования. Нельзя подавлять индивидуальность».

Гедре Каукайте, профессор Литовской Академии музыки: «На мой взгляд, камерный певец должен прежде всего поднимать свой общий культурный уровень, изучать языки, историю и культуру разных стран, художественное творчество и стили. Когда я, как педагог, стажировалась в Вене, то стремилась вникнуть как можно глубже в понятие стиля. И как-то на мой вопрос, что такое стиль Шуберта, мне ответили так: «Шуберт одним глазом смотрит на Моцарта, другим — на Шумана. Например, *rallentando* у Шуберта больше, чем у Моцарта, но меньше, чем у Шумана». Хочу сделать общее замечание: большие работать над иностранными языками и правильным произношением — это тоже проникновение в стиль...»

Первый буклете конкурса напоминал скорее брошюру: нужно было экономить каждую копейку — деньги всегда были самым тонким местом подобных начинаний. Министерство культуры ждало, выживет ли алиевское детишко, наблюдая, впрочем, за ходом мероприятия с достаточно благосклонным вниманием. Финансово присоединилось оно только к третьему конкурсу. Друзья шумно праздновали рождение еще одного престижного вокального конкурса, противники лицемерно выражали сожаление, что в провинции, — увы и ах, — такие вещи обречены. Но лицемерные соболезнования были напрасны: конкурс развивался и рос.

Прошел и второй, и третий… Вынужденная пауза случилась в 1998 году, в год дефолта: весь призовой фонд четвертого конкурса, положенный в банк, приказал долго жить. Пришлось пережить и это, отложив встречу на два года. Но уже тогда стало ясно: вот это и есть та вторая волна, за которую стоило бороться. Молодые певцы съезжались со всей России, из-за рубежа, даже с других континентов. Валерий со странным чувством смотрел на молодых соискателей, вспоминая, что вот так же когда-то и сам… Нет, не так же.

Янтарный соловей

Этим молодым было труднее — исчезла без следа благодушная солидарность, сопереживание. Он помнил, как они в свое время так болели друг за друга, хоть и числились соперниками. Новое же поколение стало целеустремленнее, отчужденнее, серьезнее. Они не верили, что кто-то где-то может желать им победы от чистого сердца, по-мичурински убежденные, что «нельзя ждать милостей от природы, взять их — вот наша задача».

И как потом бывали удивлены, когда встречали искреннее тепло, доброжелательность, понимание. Валерий Алиев поставил главным условием своего конкурса — никого не обидеть, не ранить. Понимая, что золотые гастрольные времена кончились, он вызывал своих лауреатов на концерты в Москву, на Всесоюзное радио, в Смоленск, Уфу, даже в Варшаву…

Его бабушка говорила в самые ласковые, душевые моменты — «Христос по душе босичком пробежал». Валерий тихо улыбался, вспоминая бабушкино присловье, когда слышал имена своих конкурсантов, выступавших на прославленных подмостках, радовался их победам на международных конкурсах — да, Христос, по душе, и именно босичком!

ИЗ ДНЕВНИКОВ

История конкурса продолжается. И уже сейчас на многих сценах звучат голоса тех, кто носит звание лауреата международного конкурса камерного пения «Янтарный соловей»: Александра Дурсенева и Катерина Головлева (ГАБТ России), Наталья Ютеш (Одесский оперный театр), Ольга Баринова (Мариинский театр), Андрей Антонов (Самарский оперный театр), Татьяна Ворожцова (Новосибирский оперный театр), Ульяна Нестерова (Германия), Вахид Хазыров (Башкирская государственная филармония), Галина Королева (Саратовский оперный театр), Дмитрий Царегородцев (РАМ им.Гнесиных), Максим Пастер (Киевская консерватория), Елена Максимова (музыкальный театр им. Станиславского)...* За прошедшие годы много достойнейших камерных исполнителей из разных стран были удостоены высокого звания лауреатов и дипломантов этого конкурса.

На первых конкурсах «Янтарный соловей» ответственным секретарем жюри, умело направлявшим всю его работу и помогавшим всем его участникам, была, конечно же, опытнейшая Галина Михайловна Солодуева. Конечно — потому что вряд ли кто-нибудь лучше ее понимал и знал все тонкости организации вокальных конкурсов.

Позже эти свои знания она передала доброму другу конкурса, человеку, также много лет проработавшему на этой ниве — Раисе Николаевне Рузавиной. Заслуженный работник культуры России, ближайший помощник Ирины Константиновны Архиповой в Международном Союзе музыкальных деятелей, Раиса Николаевна взяла в свои женские руки роль ответственного секретаря, и безусловно этот конкурс, в плане четкости работы, во многом обязан и ей.

ГЛАВА 21. Розы и жетоны

*Эфирный кич. Концерт в Колонном зале.
Русский меценат. Любви счастливые моменты.
Песни нашей юности. Старые мастера.*

Человек эпохи демократии с трудом может представить реалии иного, социалистического бытия и сознания. Взять, к примеру, эфир: услышать там можно что угодно — хорошо еще, если ведущий программы просто назначает любителю радиопрограммы свидание и осведомляется, какая у него зарплата и что он ел за обедом. Бывает, что его понесет в дебри философии и искусства, а поскольку и поп-философия, и поп-искусство несут на себе четырехзначную пробу зоны и зоновского менталигета, то почему уж удивляться...

Эпатажная фраза гитлеровского министра идеологии про пистолет и культуру — наив, прошлый век. Не лучше ли — клин клином? Клин истинной культуры выбить клином псевдокультуры? Кого-то вполне устраивает паюсная икра из нефтепродуктов, «резиновые Зины», эти надувные секс-символы эпохи, напутанной СПИДом в наказание за вседозволенность. «Попса», песенки однодневки — того же поля ягоды. Валерия корежит, когда в который раз с экрана несется: «Ты целуй меня везде — восемнадцать мне уже...»

Ах, тексты-тексты, где вы ныне? Там, где и мелодии — в Пятом углу, на Пятой горе... То, что борзо пишется под затяжку «травки», сквозь головную боль после очередной «тусовки», так же похоже на популярные песенки благословенного застоя, как резиновая Зина — на живую.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Я иногда вспоминаю заснеженный северный Певек, маленький аэропорт, забитый уставшими от бесконечного ожидания пассажирами. Нелетная погода оторвала их от внешнего мира, заключила в тесное пространство, которое кажется еще теснее от «миллиона алых роз», — их третий день подряд повторяет кучка пьяных парней, отмечающих «дембель». Только кончается последний куплет, как они снова перекручивают заезженную насмерть кассету к началу. Сплютить с ними бесполезно, когда кто-нибудь начинает утоваривать их «отдохнуть», они навзрыд пьяными голосами хором ревут, подлевая магнитофону,пущеному на всю громкость.

Для нас со Слободяном это было пыткой. Время от времени мы вдвоем выходили в ревущую пургу, замерзали до слез на занесенном снегом крыльце — и это было легче, чем слушать бесконечное повторение шлягера, ноющего зубной болью. Те «Розы» были и впрямь еще цветочками... Ягодки созрели на великих пурпурных полях постсоветского эфира чуть позже.

Зачем крутие меры, какой-то пистолет — когда можно открыть этот вселенский Ящик Пандоры и выпустить на экран и в жизнь бесчисленных монстров эстрады, всегда одних и тех же, торжествующих в своей пошлости и силе? Имя им — легион... И ящик, в спокойные часы демонстрирующий загадочный Черный Квадрат, лепит зрителя по образу и подобию этих монстров. «А что сверх того — то от Лукавого!» — кричит Квадрат, отправляя истинных мастеров, истинные личности, подлинники — в Безмолвие. Они еще не ушли, еще можно прийти на их концерт, выпить счастливую чашу той музыки, но близок их час.

Вы говорите — пистолет? Ах, ах, какие нежности! Вы, право, шутники-с. Посмотрите на советников культуры при Президенте: вместо маэстро Казенина — Лариса Долина, вместо Марка Захарова — Валентин Юдашкин, вместо Галины Волчек — Коля Растворгусев, в гимнастерке такого размера, какого на простых солдат и не шьют. Ну, и куда теперь тянется ваша рука? К пистолету? Нет, — выключить проклятый Ящик...

Розы...

Валерий обретал профессионализм совсем в другое время, когда строжайшая цензура скрупулезно, действительно придилично отбирала лучшее из всего, что предлагалось исполнителями. Конечно, были чисто партийные опусы («Ленин всегда живой!», «Партия — наш рулевой»), но не так уж много их и было. Зато качество остального эфира было на высоте. Культура действительно шла в массы, а массы частенько проверялись на наличие талантов — с помощью той же рутя ругаемой художественной самодеятельности, всевозможных конкурсов и прочих «фильтров». Попасть на Всеобщее радио могли самые достойные. Апофеозом же успеха прижизненного служило приглашение дать концерт в Колонном зале Дома Союзов.

Нынче и радио, и телевиденье, и сам Колонный зал открыты любому, у кого достаточно денег — своих или спонсорских. В народе, привыкающем к уголовному жаргону, появилось изречение, от которого во рту появлялся цинковый привкус: «Бобло побеждает зло» («бобло» с уголовного — «деньги»).

Розы и жетоны

Валерий успел дать свой первый концерт в Колонном зале в честную эпоху жесточайших фильтров. В память о том концерте осталась только обычная аудиокассета с его записью. Концерт состоялся в марте 1993 года. В нем принял участие коллектив Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио под управлением народного артиста СССР, замечательного дирижера и композитора Мурада Кажлаева*. «Мне не забыть тебя» — так называлась программа, посвященная любви и женщинам.

Сдержаный шелест зала до выхода Валерия на сцену, обычные приветственные аплодисменты капризной московской публики.

Но — после каждого нового номера — хлопки взрываются штормом оваций, и, наконец, вот они, двенадцать баллов по шкале Рихтера — под занавес его любимая вещь «Пообещайте мне любовь». Публика забыла, что громко хлопать и кричать «бис» и «браво» — удел провинции. Она кричит, отбивая ладони, взрывает зал овацией, которая продолжается минут пятнадцать.

Валерий слегка оглушен, но, верный своему обычаю, на бис ничего не поет. Он вышел только раз, чтобы еще раз с благодарностью поклониться залу — за то, что его оценили, поняли, прочувствовали то, чем переполнено его кровоточащее сердце. Море роз — их несли и несли, по одной, в букетах, в корзинах.

В гримерке он переоделся в джинсы и свитер, взял кофр с концертным костюмом и самый ладный букет роз (остальные были отданы оркестрантам, билетершам, всем, кто помогал в этом концерте). Станция метро была рядом, от поданной машины он отказался. А когда вышел, осторожно прижимая букет к груди, чтобы не помять в сдвоенных дверях, кто-то тихо воскликнул в толпе у подъезда: «Вот он, Алиев!!!» Валерий видел только глаза, спотыкался о взгляды — влажные, исполненные немого чувства, воссторженные... Он хотел что-то сказать сам, но почувствовал комок в горле. Да и что добавить к тому, что спело полчаса назад его сердце? Они тоже молчали, ожидая чего-то... Расстаться просто так, уйти молча — и то, и другое было невозможно. На ум пришло: «Вот в такие минуты вполне можно устраивать баррикады — пойдут и на баррикады, лишь бы идти». Люди расступались, следя за ним до самого метро. У прохода Валерий замешкался, чтобы найти жетон — и десятки рук протянулись к нему с жетонами.

«Высшее выражение славы, она же — Глория Мунди», — подумал он. И чуть не засмеялся сквозь слезы.

«Ведь это все любви счастливые моменты»... Когда небо с овчинку, эта концертная запись для него вместо нитроглицерина — он ставит ее и снова переживает тот вечер «роз и жетонов».

Сергей Артёмов являл собой типичную фигуру русского мецената. Генеральный директор предприятия «Варта-коммерц», которое выступило главным спонсором первого конкурса «Янтарный соловей», он загорелся его идеей. Не только по поступкам, но и чисто внешне он производил неотразимое впечатление: высокий, мощный, статный русский красавец, он любил щедро одарять и быть в центре внимания. Мне кажется, наши интересы в этом совпали. Следующий наш совместный проект принес огромное удовлетворение нам обоим. Это был проект моего первого сольного концерта в Колонном зале Дома союзов с оркестром под управлением народного артиста СССР Мурада Кажлаева.

Это сейчас выступление в Колонном зале становится уделом «толстых кошельков». Раньше попасть на эту площадку было невероятно престижно и сложно.

Специально к этому выступлению Сергей профинансировал мне пошив нового концертного костюма, оплатил дорогу, проживание, банкет. Это были очень немалые деньги. Но окупились они тысячекратно. Нет, не в финансовом выражении, а в гораздо более дорогой валюте. Я видел, с какой гордостью он, в великолепном смокинге с бабочкой, сидел со своей красавицей-женой на лучших местах в Колонном зале, выделяясь своей мощной фигурой из всей публики, как торжественно он вынес на сцену две громадные корзины с цветами — мне и Мураду Кажлаеву. То, что происходило после концерта, даже немного обескуражило нас: восторженная публика, толпой хлынувшая за кулисы со словами благодарности, весь свой восторг отдавала не столько нам с Кажлаевым, сколько ему, Артемову, стоявшему рядом с нами в лучах славы и с улыбкой принимавшему все эти благодарности. Но, право, он этого заслуживал сполна.

Что же касается концерта, то это остается одним из самых радостных моментов моей творческой биографии: великолепный оркестр, замечательная публика, сама атмосфера Колонного зала, видевшего самых великих звезд эстрады, и, конечно же, маэстро Кажлаев, благодаря мастерству и отзывчивости которого смог состояться этот праздник.

После этого концерта Валерий еще много раз выступал на сцене Колонного зала. На юбилее Мурада Кажлаева, с оркестром русских народных инструментов Всесоюзного радио под управлением прекрасного музыканта и профессионала Николая Николаевича Некрасова, на многочисленных концертах московских фестивалей. Но не забывается тот, первый концерт. Поистине, «мне не забыть тебя»!

Можно ли назвать ностальгией лососиный штурм быстрых узких рек и речушек, когда тесные их стаи поднимаются против быстрого течения, способного сбить с ног и лошадь? Шуршащий мощный поток лососей устремляется к месту, где они сами когда-то вывелись на свет из рубиновых икринок. Тьма там гибнет их в сетях, лапах медведей и рысей, в плотинах и других ловушках, уготованных для них человеком и его машинами. Но стремление, которое гонит их вверх по течению, сильнее инстинкта самосохранения.

Так и мы стремимся к далеким источникам, питавшим своей родниковой водой душу, сердце, мысль. Песни нашего детства, нашей юности делают с нами то, что неподвластно никакой психо-инженерной технологии — путник, заключенный в нас, светлеет лицом, опускает к ногам груз пережитых дорог, переводит дыхание. Улыбается.

Песни второй половины двадцатого века для Валерия — тайная любовь, с которой время от времени он изменяет классике. Бывают дни, когда тяга к ним также непреодолима, как лососинный штурм. Эти его кризисы чудесно совпадают с духовной жаждой публики — даже без афиш и анонсов большие и малые залы тут же наполняются людьми, стоит пронестись слуху, что Алиев собирается дать концерт — «ностальжи». Помогите в зал, когда звучат песни Ободзинского, Фрадкина, Блантера, Бабаджаняна — сияющие, просветленные лица, влажные глаза, невидимые крылья другой эпохи, осеннившие усталые души. В такие мгновенья с болью вспоминается «ящик», который лишает людей этой радости.

Старые мастера еще держатся, устраивают фестивали, которые никогда не показывают по ТВ, но они не боги — они умирают, ряды их становятся реже, голоса тише, — «прощай, радость, жизнь моя»... Вот уже нет и Аедоницкого, ушел навсегда удивительный и неповторимый Френкель...

Летом, благодаря Краснодарскому объединению «Премьера», пестрая южная публика может опять вдохнуть ветер юности. Ежегодно тут стартует фестиваль Российского Союза композиторов «Панorama музыки России», который, собрав аншлаги в этом городе, отправляется затем по всему черно-

146 морскому побережью. А заканчивается уже пройдя по городам Средней полосы — Вятки, Брянска, Казани, докатываясь порой до Омска и маленьких, неведомых многим городков, таких, как какой-нибудь Мамадыш в Татарстане или Бийск на Алтае. И везде анишлаги, везде слезы благодарности — людям дали «из чаши запотевшей счастливое питьё».

Вот все еще красивая, зажигательная Людмила Лядова — и стар и млад подпеваю ее «Чудесной песенке», «Старому маршу», «Пара-Марибо». Откуда знают слова молодые люди, для которых телевиденье и радио начисто отрезали путь к рекам юности их «предков»? Но — поют, улыбаясь и лицом, и душой. А ее, Лядовские, песни и романсы, такие как «Пленительные звуки», пела еще сама Обухова, «лунную ночь» — Зара Долуханова, «Когда-нибудь» — Шульженко. По отзывам тогдашней «Комсомолки», «пошлие песни» — «Бей, барабан, и палочки играйте», «Этот новый танец» — любили исполнять Хиль, Миансарова...

Джаз-маэстро Мурад Кажлаев... «Что такое Ланжерок», знает этот молодой юноша, который весь с головой окунулся в веселый чистый поток.

Александр Колкер, так и не получивший звание народного, но давно и прочно им ставший «по факту» со своей удивительно чистой «Карелией». И вправду, «долго будет Карелия сниться», как и грустно-веселый «Задира-ветер». Помните? — «качет — качает — качает/ задира-ветер фонари над головой...». Такого уж нынче не делают, разве что «ремэйки», то бишь, «переделки».

А питерский композитор Игорь Цветков, оставивший на каждом окне, где жила хоть одна девушка, свои «два хрустальных башмачка», с хрустальной же к ним музойкой...

Юрий Саульский — «Черный кот», «Звенит высокая тоска» и еще десятки летучих отрядов из песен и песенок, снаряженные им для движения в облаках...

Олег Иванов... С его «Товарищем» («Я песней, как ветром, наполню страшну...») выросло не одно поколение, замечательная «Олеся» пользуется заслуженной любовью уже много много лет, а «Завалинка» стала одним из символов нашей деревни!

Создатели этих мелодий и слов не вечны. Ловите мгновенья, пока их тонкие пальцы еще касаются клавиш рояля и струн вашей души...

ГЛАВА 22. *Лиловый негр и Желтый ангел*

Импрессионизм. Печальный клоун.

Начало театра. Ангельские полеты по России и Польше.

Польское телевидение. ГТРК «Янтарь».

Еще не зная слова *импрессионизм*, Валерий ощущал в нем единственный недостающий элемент высокого вдохновения. Как соль в крови, оставшаяся в память о море, из которого после тысячелетнего сна о человеческой жизни сначала вышла Первая Амфибия, а за ней и госпожа наша Афродита, так и ожидание того самого слова, той мелодии, того образа, которые не поддавались мастерам иных времен, ждало своего часа в его душе. Вот потому так мощно зазвучали в нем первые же строчки только что открытого им Северянина, потому так пелось рахманиновское «Утро». Импрессионизм и был той самой солью в его крови.

И когда очередь дошла до «лилового негра» из романса Вертиńskiego, Валерий был пленен — и насмешливо-капризной мелодией шансона, и изыском слога, столь близкого к манере Мане, Ренуара, и все же пахнувшего дымом отечества. Но просто включить шансоны Вертинского в программу очередного концерта было бы слишком плоско. Желание не просто спеть, но и сыграть Печального клоуна вызревало в нем едва ли не на уровне подсознания. Оно-то, подсознание, и выдало на-гора веций сон о Желтом ангеле.

Когда пушки говорят, Музы стараются не выдавать себя ни голосом, ни жестом. Но не Муза Вертинского — она пила вино в продымленных кабаках, доставала из чулочка последний червонец для скрипача-жигою, вспоминала об «Испано-Суизе», штопая шифоновую юбочку, хмурила иссиня-черные брови в бананово-лимонном Сингапуре... в бурю... под залпы Гражданской, под трактирный Реквием о Белой Гвардии и нестройные одиночные выстрелы в подвалах Губчека.

Елочный ангел со своей высохшей ветки печально глядел на осколки Былого, все еще пленительно прекрасные. Вся жизнь — театр, и люди в нем актеры, но вот пьесы, которые пишутся для нас в небесной студии, становятся все мельче, короче, их темп все ускоряется до безумной скорости, и спектакль кончается, едва успев начаться — вместе с жизнью актеров. Песенки-спектакли Печального клоуна одна за другой сплетались в единое. Белый

148 генерал, которому так хочется застрелиться, артист с побелевшим — не от грима! — лицом, маски: образы памяти, не поддающейся дрессуре. Подсознание выстраивало изо всего этого почти готовый сценарий.

Поэтому книга о Вертинском стала последней каплей, переполнившей чашу, которая «да не минут».

С этого и начался Театр Валерия Алиева.

Тахир Матеулин, народный артист России, который в тот 1995 год исполнял обязанности директора областного театра, заболел идеей вместе с ним. Правда, с расписанием репетиций своей труппы он уже ничего сделать не мог, поэтому «Желтого ангела» репетировали по ночам, в опустевшем театре. Артисты драмтеатра — Слава Пономаренко, Гена Балабаев, Сергей Чернов — все влюбились в будущий спектакль, и работали, не жалея себя, порою ночь напролет, не заикаясь о какой-либо оплате. Конечно, была и Вера Холодная, и жена скрипача Владеско, и Фам Фаталь, — миманс в одном лице Натальи Агульник из калининградских «Арабесок». Музыку делали пианистка Нина Ботвиновская, гитарист Анатолий Лоскутов и скрипач Зиновий Разу.

Декорации, вернее, «про-декорации», напоминали идеи вещей Платона и были так же абстрактны, как в том первом сне о спектакле: в центре сцены — лестница, убегающая в рай (или спускающаяся в ад?), тут же, под лестницей — гримерка с тусклой лампой и слепым зеркалом. Даже рояль привносил в картину свой траурно-сдержаненный штрих.

Кстати, именно «Желтый ангел» стал первой совместной работой Валерия Алиева и Нины Ботвиновской, — их дуэт с тех пор много лет работает вместе.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

«Желтый ангел» стал пересечением наших творческих судеб с Ниной Ботвиновской. После него были и другие совместные концертные работы. Игру Нины отличает, с одной стороны, высокий профессионализм, «мужская» мощность звука, с другой — необыкновенно тонкая музыкальность, безукоризненное чувство стиля любого произведения, редкое искусство импровизации. Думаю, что последнее у нее — от отца, великолепного джазового пианиста Владимира Сатонина, много лет не сходящего с джазового Олимпа Калининграда.

На четвертом конкурсе «Янтарный соловей» Нина работала «дежурным» концертмейстером. По условиям конкурса три-четыре

Лиловый негр и Желтый ангел

лучших концертмейстера могли быть удостоены почетного диплома «За лучший аккомпанемент». На этом конкурсе Нина так блестала, что жюри единогласно решило присудить только один такой диплом. Ей.

На премьеру «Желтого ангела» прибыла пресса из Москвы — чего в калининградском обычье не водилось.

Вот что писала столичная «Культура»:

«...Этой зимой вдруг в фаворе оказался «Желтый ангел», красивая рождественская венчница 50-летней давности, парижского происхождения. Ее было слышно в концертах... и прошли две пьесы с этим названием, замешанные на биографии Вертиńskiego, — одна в Москве, другая в Калининграде. Поскольку раньше «Ангел» звучал редко, а сегодня затмил всю «любовную» часть хрупкого наследия Вертиńskiego, которое почти не дается чужим рукам, пьеса, поставленная в Калининградском областном драматическом театре совместно с Экспериментальным театром музыки, привлекла внимание.

Очень культурно исполненная, она выделилась в сезоне среди других опусов на эту тему, где лились крокодиловы слезы про горький хлеб артиста.

Точнее, это была музикально-драматическая композиция, в которой играли актеры театра, музыканты калининградских оркестров и пел, что было так неожиданно, камерный певец Валерий Алиев.

Я думаю, что в творчестве любого певца его ранга, тем более такого голоса, Вертинский — это обочина. Для голоса — мало, для игры — слишком даже много. Певцу впору думать о дыхании, о звуке, артист манипулирует смыслом, не беспокоясь ни о чем таком. И если вокалист — настоящий рыцарь камерного жанра, а не мечется от арии к шлягеру и обратно через какой-нибудь затертый романс, он неизбежно что-то потеряет.

Но зато такое даст! Текст станет больше поэзией, а мелодия — немножко больше музыкой. При этом соприкосновении рождаются такие «подарочки», такие творческие искорки, которые трудно забыть.

...об этих искорках: по ходу спектакля в первый раз это произошло в популярном романсе на стихи Ахматовой «Темнеет дорога». К нему как будто подошли с другого конца, как учит уже два века

русский романс: создать образ цельный, отшлифованный, обобщенный. Любовь, запрятанная в ларчик, очерченная виньетками, больше похожая на красивый памятник самой себе, чем на скомканное, терзающее чувство.

То же в популярной, ее и сейчас не перестают бречать в народе, «Дорогой пропаже». Что может сделать хороший голос в сомнительном опусе? Облагородить, убрать надрыв, серьезно подумать над простенъким словом. «И от наших пожа-а-ров весны голубой...». Бог знает, что можно вложить, если умеешь, если у тебя в багаже 700 опусов вокальной лирики, и циклы, и моноопера.

Среди маленьких любовных драм и «тончизмов» в композиции сильно выделяется трагическая, страшная сцена, взятая из книги Вертиńskiego. Она буквально кровоточит своей современностью. «И никто не додумался просто стать на колени и сказать этим мальчикам, что в бездарной стране даже светлые подвиги — это только ступени в бесконечные пропасти к недоступной весне».

И, наконец, «Желтый ангел». Маленькая вокальная жемчужина, которую можно разбирать, как классиков, по тактам. Очень театральная и очень красиво сделанная голосом. И вся картина, и все герои, и речь ангела, и жалкий маэстро, но более всего запала истаивающая мелодия финала («А высоко в синем небе догорали божьи свечи»), умопомрачительное по красоте «пиано», может быть, более уместное в «Зимнем пути» или «Лебединой песне». Но если это ошибка, то золотая ошибка (слова самого Вертинского).

Зрители большей частью любят танго «Магнолия», «Концерт Сарасате», «Мадам, уже падают листья» и так далее. Они тоже были очень хороши, но что-то новое, необычное родилось именно в «Ангеле», при сплетении разных веточек искусства...»

Рецензент «Культуры» Ирина Косминская, к легковесным комплиментам не склонная, и в этот раз не лукавила: это был успех не только по калининградским меркам.

Как и положено живому театральному делу, «Желтый ангел» продолжал развиваться — «товарищи по партии» с удовольствием работали над новыми вариантами. Во втором варианте, рассчитанном опять же для показа «дома», присутствовали уже три «Фам»: Надежда Ильина — *Вера Холодная с бледным лицом и темными очами*; Валентина Золина — *Сильвия Тоска, гас-*

Лиловый негр и Желтый ангел

нущая звезда, жена скрипача Владеско, с застывшей улыбкой и кричащими глазами, и танцовщица из студии «Ониона» — знаменитая балерина Карсавина.

Успех, поздравления друзей, «нежно-удивленные» рецензии столичных критиков — все это помогло Экспериментальному театру Алиева обрести форму и направление.

Но не деньги.

Ах, «эти маленькие золотые кружочки» требовались в весьма больших суммах, чтобы возить спектакль по городам и весям. Даже по не очень отдаленным «весям». Вот когда Валерий с тоской вспомнил благословенные времена Росконцерта: филармонии и не мыслили себе замкнутого безгострольного существования в рамках одной лишь области. Любой, едва только вылупившийся из консерваторской скорлупы певец, мог рассчитывать, что его услышат и на Урале, и на Дальнем Востоке, и в Средней полосе. Нынче — не то: «раскручен», обещаешь большие сборы — милости просим, а если еще не гремел и не мелькал по телевидению — сиди, выращивай пенициллин в том городе и в том зале, где удалось пристроиться.

Развернутая во времени и пространстве идея вынуждена была отсекать не жизненно важные элементы. На первые гастроли «Желтого ангела» Валерий смог вывезти не более шести человек — поехали он сам, Нина Ботвиновская, Анатолий Лоскутов и две «маски» — Слава Пономаренко и Гена Балабаев. Публика в Смоленске раскупала билеты за неделю до спектакля, устраивала овации... Директор Смоленской филармонии Виктор Михненков телеграфировал Валерию в Калининград, чтобы непременно вернулся и дал, по крайней мере, еще два спектакля — по требованию публики. Валерий вернулся и дал. И тогда он вновь испытал, что такое волшебный контакт с залом, который больше чем любовный — сердца вырывались навстречу друг другу. После оваций, цветов, признаний, они до полночи бродили по улицам Смоленска, не в силах расстаться, разойтись по домам.

В этом спектакле должен был участвовать и скрипач Зиновий Разу, великолепно исполнивший (и сыгравший!) роль Владеско в премьерном спектакле. Но, увы, Зорик опоздал на поезд и его заменил коллега из местной филармонии, замечательный скрипач Вячеслав Кухолев*, который также успел проникнуться бледным золотом Вергинского, влюбиться и повенчаться с *Желтым ангелом*, как и все мы.

Потом так же — с любовью, овациями, цветами — «Ангела» принимали в Омске, Перми.

«...Какой голос был у Александра Вертинского? Тенор? Баритон?

— Никакого, — разводит руками Валерий Алиев. — Вертинский был драматическим актером и пел скорее интонацией...

Тем сложнее исполнить его репертуар классическому вокалисту. Не случайно попытки петь Вертинского предпринимали, как правило, лишь актеры — не певцы.

Валерий Алиев, выпускник Нижегородской консерватории, лауреат многочисленных российских и международных конкурсов, обладающий роскошным басом-баритоном, нарушил все каноны.

В своем моноспектакле «Желтый ангел» по песням и прозе Александра Вертинского он спел его романсы так, что сумел покорить всех. И давних поклонников творчества Вертинского, придирчиво оценивающих «правильность» интонаций, и филологов, трепетно следящих за литературной канвой сценария, и солистов Пермской оперы, профессиональных вокалистов. Необыкновенно деликатное, тонкое, и в то же время своеобразное прочтение этого мастера в сочетании с богатым музыкальным сопровождением (партия фортепиано — Владимир Слободян) сделали спектакль «Желтый ангел» одним из заметнейших событий культурной жизни города.

Но Валерий Алиев приехал в Пермь не только на гастроли. На кафедре сольного пения Пермского государственного института искусств и культуры он в качестве председателя экзаменационной комиссии принимал государственные экзамены. А после встречался со студентами...»

В Калининграде, стоило лишь объявить спектакль, как билеты мгновенно раскупались. «Ангел» не мог надоесть. Алиев продолжал в нем удивлять, увлекать, покорять.

«Умение постоянно удивлять — признак большого дарования, признак таланта, динамично развивающегося.

В этом смысле Валерий Алиев вновь удивил калининградцев, представив на суд зрителей музыкально-драматическую композицию «Желтый ангел» по прозе и песням Александра Вертинского.

Удивил тем, что в сознании нынешнего поколения прочно... укрепилась лишь пародийная маска на знаменитого шансонье начала

Лиловый негр и Желтый ангел

века: грассирующий голос, непривычная акцентировка фраз, изысканные, граничащие с манерностью образы и интонации. Что там, за этой маской? Стоило ли снимать ее сегодня, рискуя найти там лицо, абсолютно не вписывающееся в сегодняшний день?

Алиев доказал: стоит. Вергинский в его исполнении стал тонким лириком, показал душу ранимую и нежную, явив переживания и думы, весьмаозвучные нам. Более того: показалось, что не только Алиев изменил интонацию Вергинского, но и Вергинский обогатил Алиева тем, что потребовал отказаться от привычной палитры камерного пения, сблизив его с пением драматическим, актерским.

... Алиев еще раз удивил публику, выступив и в роли драматического актера, читающего прозу Вергинского. Причем актера такого уровня, что иногда просто по-зрительски хотелось, чтобы музыкально-драматическая композиция стала моноспектаклем. Впрочем автор сам себе определил жанр, пограничный между музыкой и драмой. Может, оттого, что до конца не верил в то, что баллады, романсы и песни Вергинского могут дать драматический заряд, необходимый для спектакля?..

Алиев явил нам работу глубокую, изысканную, яркую. Браво!

Валентин Егоров,
«Страж Балтики» от 14 января 1995 года.

Деньги... Следующее «усекновение» «Желтый ангел» претерпел на гастролях в Москву и Варшаву — публика могла увидеть уже строго *экономический* вариант — без гитары Лоскутова и скрипки Разу, без миманса и практически без декораций. Сама жизнь заставила изменить спектакль так, как и хотелось прессе — превратить его в моноспектакль. Но странно: спектакль двоих — Алиева и Слободяна (варшавский вариант «Желтого ангела» стал дебютом Владимира в этом спектакле) — волновал публику ничуть не меньше, чем на премьере, в полном составе, в прекрасном зале драматического театра. Именно в таком вот лаконичном виде Польское телевидение предложило Валерию сделать фильм-спектакль.

Конечно, он согласился...

Это был пустой погребок в центре Варшавы. Увидев голые стены и замусоренный пол, Валерий растерялся — съемки были назначены в тот же вечер. И в тот же вечер, «в час назначенный» он растерялся еще раз: вместо

154 брошенного помещения перед ним был уютный кабачок, именно такой, в каком мог петь Вертинский — лампы на столиках, приглушенные красными абажурами, небольшой подиум для него, рояль — прямо в зале. Публика тоже вполне могла быть публикой Вертинского — российский дипкорпус не уступал в пристрастиях столичной варшавской элите. За первыми столиками Валерий узнал российского посла Юрия Драчевского с женой Ириной, рядом с ними — хорошая знакомая Валерия, несравненная Барбара Брыльска, за соседним столиком — красавица Beata Тышкевич: милье, аристократически сдержанные люди, немножко грустные и все до одного влюбленные в шансы Вергинского.

В погребок на звуки музыки заходили случайные прохожие, брали вино или пиво и, облокотившись на стойку, погружались в «импрессионизм» *Желтого ангела*. Шесть или семь телекамер нисколько не мешали атмосфере Александра Вергинского.

Двухчасовой спектакль превратился в изысканный фильм. Русский текст сопровождался титрами на польском языке, вся работа — преобразование брошенного погребка в богемный кабачок, съемка и монтаж фильма — заняли невозможно короткое (по русским стандартам) время и едва ли не на следующий день Польша увидела *Желтого ангела*.

От радости, что все так расчудесно получилось, ни Валерий, ни Слободян и не заикнулись о достойных гонорарах или хотя бы об авторском праве. Успех же фильма превзошел все ожидания — его купила Франция, Германия... Дома культурный официоз посчитал, что затея слишком дорога и Россией фильм куплен не был. Валерий пытался спорить, объяснять — мол, вот он я, почему бы не снять то же самое у себя, в Калининграде... Бесплатно — не нужно никаких денег! Но и это не сочтено было интересным: руководство телерадиокомпании считало, что электорату, то бишь, публике, не подобает тратить дорогое телевизионное время на разноцветных ангелов, импрессионизм и прочую чушь, — пусть внимает монологам политиков.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Только в 2003 году областная телерадиокомпания «Янтарь» поддержала мою идею и взялась за выпуск цикла под общим названием «Возвращение». Этот цикл состоит из восьми небольших фильмов об актерах, певцах, которые, как это часто бывает в нашем родном Отечестве, были по разным причинам надолго или навсегда вычеркнуты из истории российской культуры. Сценарии всех фильмов я пи-

Лиловый нефр и Желтый ангел

сал сам, я же исполнил и все вокальные партии. Первым фильмом цикла, увидевшим свет, стал фильм об Александре Вергинском. Следующие серии — это рассказы о судьбе и творчестве Вадима Козина, Юрия Морфесси, Петра Лещенко, дворянском роде Шиловских, Александре Галиче... Очень хочется верить, что эти серии зритель когда-нибудь увидит. Хотя... верится с трудом. С каждым днем телевидение становится все более политизированным и коммерческим. Тут уж не до музыки души!

Телевидение, эта ненавистная любовь миллионов. Как и все, что попало в барабан русской рулетки, оно прокручивается десятки, сотни раз, миллион мгновений, прежде чем сделать свой настоящий выстрел. Чаще мы слышим пальбу по воробьям, направляемую чьей-то рукой. Но нередко та же рука находит живую мишень — и карминно-брюсничный фонтан сопровождает каждое попадание.

Телевидение — мясо и целлулоидный хлеб оголодавшего народа. Валерий любит и ненавидит это исчадие информации так же, как и все. Но когда-то оно было иным — без рекламы, без стирки грязных носков и подглядывания в чужие окна. Просто панорама, которая открывалась с балкона маленькой хрущевки, вознесшейся в голубой эфир над одной шестой частью суши. В этом эфире было и у него свое путешествие.

Телевизионный фильм «Романс трепетные звуки»* был отснят в 1986 году. Клипы были еще не прижившейся экзотикой, но то, что придумал калининградский режиссер Виталий Котовский, было и умнее, и тоньше, и душевнее массовой продукции, в обилии хлынувшей на экраны пятнадцатью годами позже.

Вот романс Глинки «Попутная» — «...И шепчешь невольно: «Как долго, как долго». Голос Алиева торопится за ним мимо грустных лиц, переживающих прощанье, и радостных, в предвкушении встречи, — это аэропорт, и актеров здесь нет, есть просто люди, которые встречают и прощаются, возвращаются и покидают. Слова романса удивительно совпадают с улыбками, взглядами, жестами, увиденными нечаянно, и от этого такими настоящими.

Или глинковское же «Сомнение» — голос Алиева следует за высокими облаками, такими странными здесь, над Балтикой, не похожими ни на какие другие облака мира. Танго Казенина «Смеркается» Виталий снял на мостике через Парковый ручей. Тонкое кружево чутунной ограды старого Кенигсберга сплеталось с кружевной тенью и бликами листвьев, воды...

156 Фильм имел необычайный успех в Калининграде, но на Центральном телевидении не прошел — вердикт был суров: «Классику так *еще* не снимают».

Спустя год один из старейших режиссеров ГТРК «Янтарь» Исаак Каждан все же снял те же романсы «как положено», в интерьере органного зала. Снял с большим тактом и вкусом — витражи, золотой свет люстр, белые цветы обрамляли музыку Глинки изысканным багетом. И Центральное телевидение не раз прокручивало этот фильм, который уже назывался просто «Поет Валерий Алиев» по всему Союзу.

А в 1991 году в эфир вышел «Автограф» — концерт-интервью, снятое в Калининграде как раз в сорокалетие Валерия режиссером Валентиной Алексеевой.

К 200-летнему юбилею Пушкина Калининградское телевидение (режиссер — Александр Горкин) сняло десять короткометражных фильмов о романах, посвященных любимым женщинам поэта. В каждом фильме — по одной лишь истории, рассказанной при свечах у портрета красавицы, по одному романсу, естественно, в исполнении Валерия Алиева и Владимира Слободяна.

Кроме этих фильмов было отснято и множество концертов, спектакли с песнями Булата Окуджавы и «Коммунальной квартирой» по Галичу... И многое из отснятого в эти годы стало возможным благодаря единомышленнику Валерия, режиссеру Калининградского телевидения Татьяне Краснокутской. Она же поддержала Валерия в его старой идее сделать цикл фильмов «Возвращение» о забытых или почти забытых именах. Именно она начала отсчет фильмов цикла, подарив калининградским зрителям фильм об Александре Вертиńskом*.

ГЛАВА 23. Ax, Польша...

Улица Фоксаль. «AH-art» или «колготография».

Пейзажемания. Икона Черной Мадонны.

Польская тюрьма.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

«Польша. К этой стране у меня всегда было какое-то особенное отношение...»

(Александр Вертинский).

Я мог бы сказать то же самое: Польша была местом, где можно отдохнуть от домашнего местечкового абсурда. Публика публикой, но официалы могли одной, но щедрой — «с верхом» — ложкой дегтя испортить мед вдохновения. И часто портили. Деготь обычно оставался по ту сторону границы.

В Варшаве у меня с годами появилось очень много хороших знакомых. В те далекие восемидесятые Российский центр науки и культуры в Варшаве располагался в самом центре города, на улице Фоксаль. Это был очаровательный трехэтажный особняк с прекрасным концертным залом, большой библиотекой, выставочными залами, залами для конференций, собственной гостиницей, рестораном. Он всегда был полон гостей и являлся, действительно, частью нашей России в этой стране. В этом, несомненно, была большая заслуга прежних руководителей этого Центра: Йонаса Мацкевичуса, затем сменившего его на этом посту Станислава Ивановича Ксенжика. И все эти годы меня встречали еще два человека, бессменно работающие там уже много лет — супруги Хохловы, Александр и Татьяна. А у них дома, в каждый мой приезд на гастроли в Польшу, собирались почти все работники Российского представительства в Варшаве. Это были незабываемые вечера с песнями под гитару, шутками, русскими пельменями и польской водкой, обменом впечатлениями: «а как там, в Москве?» или «а что тут у вас, в Польше?».

Начавшаяся вскоре перестройка и изменение отношения к СССР лишили Российский центр этого здания. Сейчас руководство Российского центра науки и культуры нашло прибежище в Варшавском торговом представительстве России. Но, несмотря на это, все работники Центра

продолжают точно такую же свою большую и нужную работу, как и прежде, под руководством новой хозяйки Российского центра — Нины Васильевны Морозовой. Филиалы Российского центра располагаются еще в нескольких городах — в Щецине, Кракове, Гданьске, Белостоке.

Мне посчастливилось объездить с концертами почти всю Польшу, и повсюду я чувствовал себя желанным гостем. Добровольным продюсером почти всех моих поездок выступал Александр Хохлов. За долгие годы работы в Польше он в совершенстве выучил польский язык, имел множество друзей и знакомых во всех уголках страны. Концерты устраивались в соборах, в лучших концертных залах, и везде не было абсолютно никакого языкового барьера, публика и артист не были разделены инквизиторским присутствием бюрократов, страждущих государственной справедливости. Мне бесконечно нравится польская публика. Она всегда настолько теплая и понимающая, что перед ней хочется петь от всей души. На всех моих выступлениях в этой стране царила атмосфера настоящей, большой музыки.

У Саши Хохлова-старшего (существует еще и Саша Хохлов-младший, его сын) есть симпатичное хобби. Вернее, даже не хобби: отдушина — наверное, это будет точнее. По своей первой профессии он — художник-технолог театра. Это ему очень пригодилось теперь, когда он открыл для себя чудесные свойства … женских колготок. Изжившие свой короткий век, они преобразуются в его руках в чудесные картины. Философские и лирические. Есть художники — маринисты, портретисты, абстракционисты. Александр — художник-колготист! (хотя сам он свое творчество называет «AH-art», по первым буквам имени и фамилии).

Известный писатель-эмигрант Владимир Максимов высказался об этих картинах вполне определенно: «Этого в живописи до него никто еще не делал, а это, по моему глубокому убеждению, в искусстве главное». Техника творения держится в глубочайшей тайне, стены их квартиры украшены этими шедеврами. У Хохлова около полусотни картин. Выставки его картин побывали во многих городах Польши, Германии, Чехословакии, и везде их сопровождал огромный успех и восхищение.

Aх, Польша...

От странных пейзажей, которые когда-то были интимным предметом дамского туалета, нельзя оторвать глаз! Галантный товар в его руках превращается в марсианские рощи, в опасно красивые анчары, ждущие своего часа в сердце пустыни, в причудливый танец теней на стене от фар проезжающих ночью машин. Загадочные, притягательные, они «дышат шелками и туманами». Часть картин уже продана и находится в Канаде, Франции, Германии... К сожалению, новые работы появляются не так часто, как хотелось бы. И дело здесь не в лени автора или отсутствии сюжетов. Нет. Просто бережливая Татьяна не успевает сшивать свои колготки, а новые для этого не подходят. Сначала они должны быть согреты и «одушевлены» теплом любимой женщины. Поэтому и продает свои картины Александр, несмотря на громадный спрос и интерес к ним, крайне редко и неохотно (и за очень большие деньги!). У меня так и нет ни одной его картины, хотя он знает про мою коллекционерскую страсть.

Кстати, заразил меня ею мой дражайший друг и мэтр Казенин. Однажды после гастрольного концерта в его родной Вятке, где Владислав Игоревич неустанно взращивает прекрасное, доброе, вечное в музыкальной культуре, он по обычаю повел меня в местную галерею. Там он бродил от одного пейзажа к другому, снова возвращался к уже просмотренному, и укупил-таки двухсотую, наверное, по счету картину. Признаюсь, не устоял и я — уж очень хороши и свеж был милый городской ландшафт кисти Татьяны Смирновой. Алина Дмитриевна, открыв дверь двум нагруженным путешественникам, ахнула: «Ну, конечно, без «путевых заметок» приехать ты не мог — с покупкой тебя, дорогой!» И, глянув на меня, стоящего в обнимку с картинами, завернутыми в холст: «И ты, Валера? Что я вижу! Ну, поздравляю, теперь, значит, и ты причастился. Интересно, как это понравится твоей Тане...»

Сама Алина Дмитриевна уже махнула рукой на борьбу с пейзажами мужа, хотя в их просторной московской квартире совсем не осталось места для новых картин. С десяток пейзажей излюбленной Казениным среднерусской полосы украшают кухню и столовую, «филиал» коллекции заполнил двухэтажную подмосковную дачу моих друзей.

Вздыхает нынче и моя жена, видя, как я торопливо бросаю дорожную сумку и бережно прислоняю к стене новое приобре-

тение. Я прячу глаза, когда она осторожно осведомляется о цене, но остановиться уже не могу. Мне нравятся очаровательные дома старого Кенигсберга, написанные Пьяновым; старый Брянск, немного похожий на Монмартр, Надежды Соколовой; будучи в Смоленске, я не мог пройти мимо «Лета на Березине» Владимира Лавринова; греют душу небольшие пейзажи Бабанина, Туписова, Везбердева. Все это — память о моих поездках по российским городам. И не только российским. Из последней поездки во Францию я привез два небольших, писаных маслом, пейзажа. Они были куплены в самом сердце «богемного» Парижа — на Монмартре.

А дома над роялем висит прелестный и загадочный образ незнакомки — это «Сон» Нестерчука, купленный еще до воцарения в моей жизни Татьяны и потрясающе похожий на нее...

Ах, Польша... Гражданам всех стран, томящимся в многочасовых очередях в Польшу и из Польши трудно представить, что процесс перехода в начале 90-х был не в пример легче, чем ныне. В те времена всего-то и надо было пешком перейти пространство, чуть более уличного квартала, разделявшее ССРП и Польшу. И наши, и польские пограничники узнавали Валерия Алиева и Владимира Слободяня и радостно их приветствовали. Обычно на той, польской стороне, артистов ждал автобус и совершенно теплый и дружеский прием официальных лиц, не говоря уже о публике.

Однажды с автобусом вышла загвоздка — прямо накануне поездки Валерию позвонили из Ченстохова, куда его пригласили на фестиваль духовной музыки, и извинились — мол, придется добираться своим ходом, а на месте все расходы будут компенсированы. За неимением денег, Валерий и Владимир купили несколько бутылок водки, чтобы обменять их на золотые. Сразу за переходом границы им попался фургончик со строителями, которые возвращались из Калининграда и предложили подвезти пешеходов до ближайшего городка. Узнав, что перед ними артисты — «сплаваки» (то есть «певцы» по-польски), строители обрадовались, достали мензурки и польскую «золотую» водку и упросили выпить за дружбу — «за пшиязнь», — и даже не попросили спеть «для удостоверения личностей»...

Обменяв в городке водку на валюту, артисты без дальнейших приключений добрались до Ченстохова. Там находится знаменитая икона Божией Матери — икона Черной Мадонны, и ежегодно туда стекаются тысячи и тысячи паломников со всех уголков Польши, из других стран. Нередко в дни этого

Ах, Польша...

церковного праздника наезжает сам Папа Римский. Тысячи молодых людей пешком путешествуют кпольской святыне — это настоящий фестиваль духовного творчества, в котором торжественные службы и молебны перемежаются концертами.

С этой святыней — Черной Мадонной — у Валерия свои отношения. В Ченстохове на закрытии фестиваля после удачного концерта, чествований и обязательного фуршета, Валерий и Владимир возвращались в монастырь, куда их и других участников фестиваля поселили в кельи для пилигримов. Оба были в легком, приятном подпитии. На маленькой пешеходной улочке, где и днем-то машин никогда не было и в помине, спротиво сам с собой играл светофор: красный, желтый, зеленый, красный, желтый... Это в три-то часа ночи!

— Стой, Валерий, видишь — красный, — придержал его за рукав закононарушитель Слободян.

— А вот возьму и нарушу — перейду на красный! — упрямко заявил Валерий. — Ну скажи, на черта им тут светофор сдался, да еще в три часа ночи?!

Он успел сделать всего два шага — полицейские появились, словно стутившиеся из мрака ангелы-мстители. Валерий замер, а потом так бегло и взволнованно заговорил по-польски, что Владимир замер, открыв рот: еще на фуршете Валерию, чтобы выразить самую короткую мысль, требовался переводчик.

— Ничего не понимаю, — покачал он головой после того, как Валерий и полисмены, пожав друг другу руки, разошлись в ночи. — Ты же не умеешь говорить по-польски. Нарочно меня разыгрывал?

— Слушай, а я долго говорил? — задумчиво спросил Валерий.

— Минут десять. Как у них терпения хватило!

— Сам ничего не понимаю. И абсолютно не помню, что сказал.

— Это тебе Черная Мадонна помогла. Знаешь, апостолы могли говорить на иных языках, когда приспичит. Вот тебе приспичило — и заговорил...

На другой день Слободян только недоверчиво ухмылялся, когда Валерий, спотыкаясь и замолкая, пыгался ответить на приветственную речь по-польски, но сдался и обратил беспомощный взгляд на переводчика.

ИЗ ДНЕВНИКА

Говорят, Россия страна иррациональная, оттого и все у нас не как у людей. Ну, а Польша...

Представьте — концерт в советском посольстве в эпоху вывода оттуда наших войск. Зал пестрит мужчинами в военной форме — все

высшее офицерство, золотое шитье, орлиные очи, выправка, лоск... Концерт весь как есть из советской классики — Блантер, Покрас, Соловьев-Седой. Успех, овации, фуршет для «званых». И вдруг, после второй или третьей обоймы горячительного, братья-славяне начинают петь. И не что-нибудь эдакое, нейтральное или свое а-ля полонез Огиньского, а на полном серьезе, со слезой во взоре:

*Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны
Конармейские наши штыки...*

Вот уж, право, картина Репина «Приплыли».

С Польшей накрепко связано еще одно памятное для меня событие — присвоение мне почетного звания «Народный артист России».

Указ был подписан Президентом Ельциным 22 ноября 1999 года в Москве. А я в этот памятный день сидел... в одиночной камере в польском городе Бранево. Меня сняли с автобуса при пересечении границы и предъявили обвинение в похищении из универмага города Гдыни флакона мужского одеколона «Алида»! Произошло это «преступление» два года назад, и два года польская полиция разыскивала «пана Алиева» для справедливого возмездия.

Дело же было вот в чем. Два года назад во время поездки по Польше, у меня украли из машины сумку с документами. При обращении в польскую полицию я убедился, что полицейские всех стран вылеплены из одного теста — плохо пропеченного и несъедобного: полная беспомощность и нежелание пошевелить ни рукой, ни извилиной.

А спустя какое-то время, человек, укравший мои документы, попался на краже одеколона. Оставив в залог мой паспорт, он благополучно скрылся. Ну а меня, соответственно, объявили во всепольский розыск.

Все это я пытался объяснить полиции Бранево, но полицейские, выслушав, улыбались и спрашивали опять — а зачем я украл одеколон... В итоге, мне предложили на выбор: отсидеть срок в камере или выплатить денежную компенсацию. Сидеть мне не очень-то хотелось, и, заплатив требуемую сумму, я получил желанную свободу.

Aх, Польша...

Позже консульство Польши в Калининграде принесло мне свои извинения в связи «с неправомочными действиями сотрудников польских правоохранительных органов» и выразило надежду, что впредь такого не повторится.

Была в письме консульства еще приписка, что «незаконно взятые с Вас деньги будут Вам возвращены». В России обещанного три года ждут — в Польше, видимо, гораздо дольше. Да и бог с ними, с деньгами, хорошо, что хоть извинились. А за свободу ничего не жалко.

ГЛАВА 24. Записки сумасшедшего

Гоголевская музыка. Письма Буцко.

ГАБТ России.

«Одиночество».

Антология мирового романса была только началом огромной работы по поиску неизвестных шедевров камерного пения. Еще одним открытием стала моноопера Юрия Буцко «Записки сумасшедшего», произведение и вправь редкое — клавир его найти было невозможно. Похоже, что существовал он в единственном варианте — авторском. По справочнику Союза композиторов Валерий нашел домашний телефон Юрия Марковича Буцко и позвонил.

— Вы и вправду хотите спеть мою оперу? — голос Буцко был еле различим. Казалось, предложение певца его нисколько не воодушевляло.

— Да, сейчас это самое большое мое желание, — ответил Валерий. — Вот только не могу найти клавир...

— Ну, хорошо... Я вам перезвоню...

Видимо, композитор навел о Валерии справки и на другой день уже позвонил ему сам.

А через неделю Валерию принесли бандероль: клавир вместе с письмом:

«3. 03. 88 г.

Дорогой друг Валерий Алиев!

Узнал, что Вы скоро поете «Поприщина». Поздравляю Вас с этим **подвигом*** — иначе трудно назвать подобный шаг! Если есть еще люди совести (в том числе и музыканты) — это значит, не все потеряно в Отечестве и в нашем музыкальном ремесле, в частности. Мне чрезвычайно хотелось бы получить хоть какую-нибудь запись с концерта! Хотя бы домашним магнитофоном с обычной скоростью.

Очень прошу Вас, попробуйте что-либо организовать в этом плане. Это было бы важно как для Вас, героя вечера, так и для автора, тем более, что я **крайне неудовлетворен** записью этого сочинения, сделанной без моего участия (и даже без спроса!)

Желаю Вам от души ни пуха ни пера.

Ваш всегда

Юрий Буцко.

Доброго Вам здоровья и счастья в жизни.

Записки сумасшедшего

Конечно же, Буцко прислал ему свой собственный, написанный своей рукой, клавир. Валерий разучивал его, то и дело возвращаясь к Гоголю. Попричин не отпускал его ни днем, ни ночью. Пожалуй, это действительно был подвиг — музыка настолько органично ложилась на высокую литературу, настолько углубляла трагический образ маленького человека, обреченного на муки попранного достоинства, на казнь недостижимой и невозможной любви, что Валерий порой с трудом справлялся с гипнозом перевоплощения. Порой помогал внимательный взгляд Володи Слободяна: мол, что это ты, друг, уж больно рисково вживаешься в роль — не ровен час, придется снимать чужую шкуру с собственным мясом.

Музыка оказалась достойна гениального гоголевского текста. Но работа! «Записки» накрыли его, как одинокого путника накрывает лавина, сорвавшаяся с альпийских вершин. Или выбираться — или не быть живу. Вот где пригодились феноменальная работоспособность и умение видеть цель, без которых можно и отчаяться.

До сих пор такой насыщенности интонации, оттенков, капризных переломов темы Валерий не встречал.

И вот, наконец — премьера. Она состоялась в концертном зале филармонии, а несколько дней спустя — на сцене Дворца культуры моряков.

Валерий не просто волновался — на сцену он выходил уже не вполне Алиевым, невидимая черта между творчеством и полным перевоплощением была как никогда хрупка и опасна — он чувствовал себя на грани нервного срыва.

Вполне вероятно, что здесь сошлось все то, поиском чего он занимался до сих пор и в Антологии, и в письмах Калинникова, ну, а логика… Гоголь, гениальный безумец, сумел увидеть тонкий надлом, незащищенную хрупкость русской души — и изобразить ее так, что человеку понимающему, чуткому невозможно было бы сорвать ни в оттенках, ни в общем силуэте персонажа.

Алиев чувствовал все это до тонкости. Нет, он не планировал заранее, что вот в этом месте надо поникнуть, в том — уронить бессильно руки. Техника воображения образа следовала за голосом, как выдох следует за вдохом. Юрий Буцко знал, какую музыку он писал. Сначала голос — а за голосом действие.

Вот этой тонкости, этого понимания не хватало тем, кто пытался спеть Поприщева до Алиева.

Успех премьеры ошеломил — Валерий на него не особенно рассчитывал. Местная калининградская пресса буквально воспламенилась.

«Буцко — выпускник Московской консерватории, ученик знаменитого профессора Баласаняна, композитор-шестидесятник с трагической судьбой. На его счету — две оперы, балет, три симфонии, пять кантат, оратория, сонаты, вокальные циклы.... Но публике Буцко практически неизвестен.... Вот и опера «Записки сумасшедшего»... звучала со сцены всего один раз — тридцать лет назад...

Аксентий Попричин — сорокалетний чиновник «для очинки перьев», влюбившийся в генеральскую дочь, в опере Буцко и в исполнении Валерия Алиева — не жалок, не смешон. Он благороден, исполнен достоинства, и сквозная тема-реплика «Ну почему я титулярный советник?» звучит у него не затравленно, не просительно, а гневно... Попричин-Алиев приходит в ярость при одной мысли о том, что господа, коим выпал жребий вершить чужие судьбы, его, Поприцина, не превосходят ни умом, ни талантом. Он и рассудка-то лишается не оттого, что убедился в тщетности своих честолюбивых планов «сделаться полковником» и обратить на себя внимание генеральской дочки. А потому, что внезапно открылась ему во всей ужающей наготе печальная истина — его Предмет, Идеал, Божество — всего лишь жеманная барышня, которая влюблена в смазливого камер-юнкера, но лорнетку в театре наводит на пожилого толстого генерала, любясь его эполетами и орденами.

...все в этом спектакле — мужественный баритон В. Алиева, его страстная манера драматической игры, филигранная прорисовка ролей (а кроме партии главного героя, Алиев поет множество маленьких, осколочных партий-реплик: баб, купцов, директора департамента, грозного начальника отделения и прочих лиц из петербургского окружения Поприцина), виртуозное фортепианное сопровождение В. Слободяна — все работает на раскрытие вечной темы фатального столкновения благородного, но (и не потому ли?!) не преуспевшего в жизни человека с надменными хозяевами положения...

...Для всех калининградских меломанов моноопера стала событием...»

Д. Савина, «Янтарный край», 6.04.92.

«Виновник» внедрения Алиева в культурную среду Калининграда композитор Николай Луганский писал в областной газете «Калининградская правда»:

Записки сумасшедшего

«...Алиев принадлежит к исполнителям, которые мыслят концептуально. В его концертных программах ощущается тонкий артистизм. Поэтому так логично было ожидать от него не только блестательных сольных концертов, но и яркого самовыражения в оперном спектакле.

И вот Алиев поет титулярного советника Поприщина. Безукоризненное владение интонацией, внутреннее ощущение ритма — опера идет без дирижера — свободное пребывание в сценическом пространстве. В этой оперной партии Алиев разнообразен и един, как раздвоенная душа его героя.

Потрясает Алиев и в финале: голос певца звучит как стон, как плач несчастного человека, которого бьют, а на голову льют холодную воду, а ему синеет вдали дом родительский, и ждет он ямщица с колокольцами, который унесет его с этого света. Спираль сумасшествия Поприщина раскручивается постепенно, и совершенно неожиданно, может быть, как «прозрение» от безумия. В финале мы видим и слышим такую щемящую боль страдающей души: ей нет места на свете, ее гонят, матушка, пожалей о своем бедном дитяtkе! — что становится страшно...

Партию фортепиано в спектакле исполнил постоянный партнер Алиева Владимир Слободян. Феномен этого пианиста, на мой взгляд, заключается в том, что он играет всегда масштабно, «оркестрово». Не ведая фактурных, технических трудностей, Слободян умеет сыграть и сочное «форте», и прозрачное «пиано». Он хорошо чувствует певца и в то же время рельефно ведет именно оркестровую линию спектакля.

Буцко вполне оценил фурор, поднятый в прессе. Вот его ответ на премьерные рецензии критиков:

«23.04.92 г.

Дорогой Валерий Сейфуллаевич!

Судя по прессе, которую только что прочел, Ваш успех был большой, и, что главное — настоящий, подлинный, — словом, достойный Подлинного Артиста!

Поздравляю Вас и благодарю всех участников работы, а также критиков.

Я вижу, что Ваша работа их задела и **изменила**. А в этом и была «Тайная» причина сочинения. Изменить человека. Хотя бы заставить задуматься на се-

168 кунду. «Записки» по силам только незаурядным исполнителям. Я это знаю. Вероятно, Вы — из них. Для меня же самого «Записки» — как шрам, как незаживающая рана. Слова же критика о моей судьбе — лишь мягко сказанная правда, о которой почти никто не знает.

Что же касается записи этой оперы с оркестром, то совсем недавно один Высокий чиновник на Московском радио ответил мне на эту просьбу: «Пока я здесь, на этом месте, сочинение с **таким названием** у нас не пройдет!»

Еще раз благодарю Вас за все. Знаю, что спеть эту партию — все равно, что совершить подвиг или жертвоприношение. Во имя добра и будущего. Вы это сделали.

Поздравляю!

Ваш Юрий Буцко.»

Валерий и не скрывал от себя, что в этой его работе нет ничего от обычного актерства. Каждая новая репетиция, а потом и каждое новое исполнение тайным образом меняли знакомые знаки, слова, интонации, жесты. После очередного испытания Гоголем он подолгу не мог оставить зазеркалье гримерки, отходя от мучительного перевоплощения. Каждый раз это было по-новому, и почему в этот раз он сделал это вот так, а не иначе — для него самого оставалось тайной за семью печатями. Так диктовал гениально написанный безумец, так требовал момент...

Почти новенький клавир со стремительным бисером авторской нотной записи терял свой глянец, приобретал матовость, потерпость ежечасно необходимой вещи. С этим клавиром у Валерия связаны поистине мистические вещи.

На одном дыхании он выучил наизусть всю партию, но любивший быть «комильфо» во всем, во всякой мелочи, — с авторским клавиром, как с талисманом, расстаться не мог. Ни одно исполнение «Записок» не проходило без «участия» этой уже изрядно потрепанной папки, с которой исполнитель обязательно выходил на сцену, используя ее в мизансценах. Однажды на концерте в Омске Валерий перед самым спектаклем с ужасом обнаружил, что забыл клавир дома. Слободян сам испугался, увидев его растерянные глаза:

— Что за черт — ты же помнишь все по памяти! Уже столько спектаклей отпел...

Валерий, конечно же, спел и без клавира, взяв вместо него обычную папку, — лишь бы что-то держать в руках, — и спел без единой ошибки, но души Поприщина в этом технически блестящем исполнении не было. Публика ничего не заметила, но Валерий чувствовал себя словно после многочасовой ре-

Записки сумасшедшего

анимации — выдохшимся, неудовлетворенным. С тех пор бдением и Слободяна, и самого Алиева авторский клавир непременно присутствовал при исполнении монооперы.

В 1992 году «Записки» прошли первое испытание на московской публике. Валерий спел их в Центральном Доме работников искусства (ЦДРИ). Испытание было с блеском выдержано. После окончания к Валерию подошел председатель Правления ЦДРИ Евгений Рубенович Симонов и подарил книгу с надписью:

«Дорогому Валерию Алиеву с благодарностью за отличный творческий вечер. Пусть эта книга напоминает Вам о дружеской встрече с мастерами искусства Москвы в нашем Доме.»

*Народный артист СССР,
Лауреат Гос. премий,
профессор Е. Р. Симонов»*

А вскоре произошло то, о чем Юрий Буцко даже и не мечтал: его моноопера прошла в Большом театре России, в Бетховенском зале. Это произошло благодаря прославленной певице, народной артистке СССР Бэле Андреевне Руденко, которая в те годы была художественным руководителем оперы ГАБТа России. Именно она рискнула предоставить сцену знаменитого театра калининградским музыкантам и, как оказалось, не ошиблась. Опера прошла с таким успехом, что по просьбе руководства театра была вскоре повторена в Бетховенском зале ГАБТа России.

8 марта 1997 года центральная газета «Культура» откликнулась на премьеру такой блестящей рецензией, что она заслуживает быть повторенной здесь полностью.

ДИРЕКТОРСКАЯ ДОЧКА В ЧЕРНОМ ФРАКЕ

«Прощайте, бедные глаза! Вы никуда не будете годиться после этого спектакля... Где я возьму кистей и красок...» — и так далее. А между тем, глаза глядели вовсе не на разноцветную ассамблею городничего в Миргороде, а всего-то на двух музыкантов в черных фраках — певца и пианиста, исполнявших на сцене Бетховенского зала Большого театра монооперу Юрия Буцко «Записки сумасшедшего».

Предназначена она для голоса и оркестра, и первое, скандальное (вопреки запрету Министерства культуры СССР) исполнение ее ис-

чезнувшим вскоре в эмиграции Кириллом Кондрашиным и прославило оперу, и похоронило. То, что мы услышали сейчас, через тридцать с лишним лет ее жизни (среди своих, в узком музыкальном кругу), — это необыкновенно яркое исполнение возвращает «Записки» простому зрителю.

Владимир Слободян, который, живя в Калининграде, имеет в Москве славу отличного концертмейстера, заменил целый оркестр. А Валерий Алиев — целый театр. Публика аплодировала так искренне, так сильно, что я черкнула у себя в записной книжке: «запомнить для номинации «Аплодисменты года». Актёрская сторона исполнения изумила ее. Но я знаю: прочитай это Алиев как чтец — никто бы не повскакивал со стульев в изумлении. А спетый им текст потрясет. Театр здесь рождается через музыку, а не наоборот.

Как истинный жрец своего, камерного жанра, он дал каждый такт большой оперы, как торт маленького романса, — отшлифовав его до такой степени, что, помести его, как ювелиры помещают прозрачный алмаз в стакан с водой, никто бы не заметил камня. Он филигранно спел «Записки», именно спел в отличие от своих предшественников, которые, отодвигая музыку за кулисы, изо всех сил пытались сыграть Гоголя — криком, декламацией, кто как может. И вот, из этих маленьких мелодий, из крохотных ариозо и «вышел» перед нами пущающие живой Поприщин, а с ним и начальник маленького титулярного советника, и его любовь — директорская дочка, и ее собачонка Меджи, и директор департамента, и все-все-все, — целая галерея лиц гоголевских.

В этом королевском спектакле хоть жалкий, сумасшедший король, зато блестательная королева — правда, вокальную сторону исполнения она затмевает своею мантией. В самом деле, я затрудняюсь сказать что-нибудь о верхнем или нижнем регистре, хотя когда-то пришлось целую статью прочитать о нижнем, кажется, регистре заслуженного артиста России Валерия Алиева. В ушах стоит: «Матушка! Спаси твоего бедного сына!» А уж в каком он кричал регистре... Точно так же, как гремят простые арпеджио, ничего более — а «лес несется с темными деревьями и месяцем, и звездочка сияет вдали». Тогда как ярко сияет свет в разубранном Бетховенском зале, и не единого, даже простенького светового эффекта нет.

Только коллеги могли, поздравляя, хвалить дикцию (все-таки

Записки сумасшедшего

опера современная, а ни одного непонятного слова), а зрителю этого и в голову не пришло. Какие могут быть «Записки» без дикции!

Чреду обильных восклицаний в гоголевском духе («Создатель! Не могу далее! Не в силах! Какая быстрая кисть у Н! Какой талант у НН!») прерываю простым способом, уже употребленном вначале (кажется, он в ходу во французских современных бытовых комедиях): и так далее.»

Ирина Леушева.

Автор оперы был потрясен, что его детище приняли в Большом театре с самой положительной критикой. И — ничуть не странное под нашей Луной дело — автору захотелось большего. Захотелось реванша — за многолетнее непонимание, за обычную обиду таланта, попираемого посредственностьюми.

К сожалению, праведный авторский гнев вышел боком как раз для общего дела. Режиссер музыкальных программ Всесоюзного радио **сам предложил** сделать запись оперы «Записки сумасшедшего». Для этого свой симфонический оркестр предоставил маэстро Федосеев. Правда, дирижировать сам он не мог, — доверил это другому замечательному дирижеру Александру Ведерникову. И тут коса нашла на камень — Юрий Буцко уперся: или сам Федосеев, или никто. Получилось — никто. Так запись этой жемчужины русского импрессионизма не состоялась.

Валерий готов был и плакать, и смеяться: плод колоссального труда уйдет вместе с ним. Тем более, что каждое новое исполнение этой партии обеспечивало, надолго выбивало из колеи, а восстанавливаться с каждым годом становилось все труднее.

«Эпоха Буцко» на этом для Алиева не кончилась. Позже, после капризов с записью оперы, автор «Записок» прислал Валерию вокальный цикл «Одиночество» на стихи Ходасевича. Этот цикл предназначался для большого друга юности Юрия Марковича — певца Соколовского, который ушел из жизни преждевременно, не успев сделать фондовую запись цикла. И Буцко предложил сделать эту запись Валерию.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Просмотрев присланные Юрием Буцко ноты, я понял: в ближайшее время спеть это я не смогу. Не из-за вокальных трудностей. Несколько до этого мы со Слободяном записали в фонд Всесоюзного

радио вокальный цикл московского композитора Льва Солина «Четыре баллады на стихи Бертольда Брехта». Тексты Брехта пугающие реальны, даже в наши дни. Вот один из них.

*Брось своих товарищай и скройся на вокзале,
Выйди в город поутру, застегнутый до горла.
Комната сними и, если твой друг постучится,
Не открывай дверей!
Запомни: не оставляй следов.*

*Если встретишь родителей в Гамбурге
Или где-то еще,
Мимо пройди, как чужой, за угол,
За угол сверни, не узнавши.
Сдвинь на глаза шляпу, подаренную ими.
О, не показывай лица!
Напротив: не оставляй следов.*

*Все, что ты говоришь, поеторянь остерегайся.
Если найдешь свою мысль у другого,
Отрекись от нее.
Пободи кто не давал, кто не оставил портрета,
Кто очевидцем не был, кто не сказал ни слова,
Как того поймать?
Не оставляй следов!*

*Если решишь умереть, позаботься,
Чтобы памятника не было —
Он выдаст, где ты лежишь.
И надписи тоже не надо — она на тебя укажет.
И года смерти не нужно — он тебя подведет.
Напоминаю — не оставляй следов.
Не оставляй следов! Не оставляй!
Этому меня учили.*

После «Четырех баллад», я долгое время «отходил» — эта запись отняла очень много физических и душевных сил. Поэтому спеть после Брехта еще один тяжелейший цикл было выше моих сил. Тяжелейший — не столько в вокальном плане, сколько именно в психологическом.

Записки сумасшедшего

И все же этот цикл — Большая Музыка. Я еще не готов повторить «песни Черной Луны» — сейчас это выше моих сил. А произошедшие в последние годы изменения на радио (не в лучшую сторону) поставили под вопрос вообще возможность подобной записи. Но я надеюсь, что «Одиночество», как и «Записки», все-таки дождется своего часа и найдет дорогу к слушателю. Я не привык ходить в должниках.

ГЛАВА 25. Булат Окуджава

Планета Окуджава.

«Чьи вы?» — Дипломатический десант.

Мимо такой планеты как Окуджава не пройдешь, ее притяжению душа поддается с готовностью — как поддается любви и дружбе.

Валерий уже давно испытывал соблазн спеть *всего* Окуджаву, но вечно находились неотложные дела, — так, перед тем, как взяться за большую работу оттягиваешь первый шаг, хлопоча над чем-то совсем посторонним. Но внутри эта работа давно началась: раздражающие песчинки уже попали в раковины-жемчужницы, и лежат они в безмолвии пурпурно-фиолетовых глубин, растя в нежных складках мантии невидимые миру жемчуга.

При всем при том, что Окуджава при жизни получил маршальский жезл барда, он тонок и жгуче материален, беззащитно чувствителен и пронзен печалью легкой, насмешливой и мудрой, как вечно опальный принц. Нет такой квартирки, где под гитару, а то и без нее, не пели бы его песенок, — опустив глаза, чтобы не выдать непрошеноей влаги.

«Органный зал в прошлое воскресенье должно негодовал: концерт с окуджавской программой оставил большую часть публики несчастной. Кто бы мог подумать, что, взявшись строить программу концерта, Валерий Алиев вызовет такую массу нареканий. Нет, с исполнением как раз все было прекрасно — тот самый окуджавовский шарм с проникновением в душу (чтоб «подлечь. А чего с ней церемониться, чего ее беречь!»). Нарекания возникли оттого, что у каждого за душой остались песни, которых он ждал, но не дождался. Само собой, исполнитель пел сверх программы, но… Если учесть, что песни Булага Шалковича плохо умещаются в четыре пухлых тома, то проблема для составителя программы одного двухчасового концерта просто неразрешима.

Исполнители — Валерий Алиев и Анатолий Лоскутов — тактично удержались и от виртуозных «наворотов», и от копирования всенародного барда. Такое может случиться, если у людей все в порядке с душой, сердцем и головой. Действительно, Булат Окуджава и сегодня — не символ, не ретро, не «старые песни о главном» (и слава богу!) и даже не «nostальжи» — это эпоха молодости, которая не прохо-

Булат Окуджава

дит с одним поколением. Это руководство «Как стать человеком и оным остаться» — со всем тем, что человеку не чуждо. Его песни — не только «любви счастливые моменты», но и моменты истины, которую сам Булат Шалкович умел найти совсем неподалеку.

В тот раз публика слушала все о стране под названием Арбат, о ее беспокойных, немного сумасшедших аборигенах (сумасшествие это завидное — на почве любви, добра и человечности, впрочем, свойственное некоторым другим), о Наденьке и о сестре нашей надежде, о молитве Франсуа Вийона, о войне подвой, о ... многом насущном. Но не обо всем, повторяем, о чем публика хотела услышать. И все ж, несмотря на некоторую неудовлетворенность быстротечностью времени, вечер удался — в гардероб никто не спешил...»

Елена Чиркова, «Губернские ведомости».

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Я долго к этому готовился, а первая программа получилась мгновенно, на одном дыхании, — потом другая, третья... Пожалуй, они дождались своего часа, грустного часа — когда после упала новейших откровений мы вдруг поняли: что-то нами безвозвратно утрачено.

Я помню наш дворик в Брянске, окаймленный четырьмя пятиэтажками. Мы знали всех по именам... После школы, схватив на лету мяч и кусок хлеба с маслом, посыпаный сахаром, мы выбегали во двор. «Дай откусить» — это было вполне обычное и законное желание соседа: сегодня твой бутерброд — его бутерброд, а завтра наоборот. Кстати, несвойственное Европе обращение — «друг, дай закурить» к незнакомому человеку — почти дожило и до нового двадцать первого века и окончательно умерло только в больших городах.

Наше детство и наша юность... Дворовые танцы по вечерам, когда кто-нибудь, распахнув окно первого этажа, крутит собранные со всего околотка пластинки. Волейбол «вкруг», если нет сетки, или «почти настоящий» баскетбол на площадке для сушки белья, с корзинами, сделанными из подручного материала. Нам казалось, что все так и должно быть. С этого начинался Окуджава.

Готовя первую программу, я считал, что адресую ее своим сверстникам, детям шестидесятых. Но когда зал, в котором молодежи было не меньше, чем старшего поколения, стал хором мне

подпевать, я понял, что Окуджава сидит в нас всех уже на генетическом уровне. Да только ли в нас одних — Польша так же принимала его на ура, польские залы так же подпевали мне, как это было и дома, в России...

«Калининградская правда», 10.01.2002 г.,

«МЫ САМИ СЕБЕ ВЫБИРАЕМ И ПЕСНИ, И СУДЬБЫ»

12 января в Калининградской филармонии — премьера! Концерт-спектакль «Я вновь повстречался с надеждой».

Вновь (внимание всех «дилетантов», всех романтиков и влюбленных!) Валерий Алиев поет Булата Окуджаву.

Вновь, потому что народный артист России В. Алиев уже обращался к творчеству Булата Шалвовича. Музыкальный спектакль «Надежды маленький оркестрик» калининградцы тепло приняли еще в 1999 году. Резонанс эта работа получила далеко за пределами региона. Афиша спектакля попала даже в дом-музей поэта в Переделкино. Тогда же Алиевым было проанонсировано продолжение окуджавской темы. Ибо она, эта тема, — неисчерпаема, и для исполнителя бесконечно интересна.

И вот, наконец, готов совершенно новый музыкальный спектакль по песням Окуджавы «Я вновь повстречался с надеждой».

...Окуджаву Алиев услышал, по его собственным словам, впервые в далеком детстве:

— Мне было тогда лет девять-десять. Я даже помню, где это произошло. Мы с бабушкой ехали к родственникам в Борисоглебск. И там я сначала услышал по радио, а потом и приобрел тоненькую виниловую пластинку с песнями «По смоленской дороге» и «Надежды маленький оркестрик». Поразила сама интонация, хотя я и половины смысла еще не понимал. Что всеми нами движет Любовь — для осознания этого понадобились годы. Но Окуджава уже тогда вошел в мою жизнь...

Однако путь к Окуджаве у Валерия Алиева не был простым и прямым. Он лежал через освоение творческого наследия многих других известных отечественных певцов и бардов. Алиев в свое время представил публике целый ряд концертов-спектаклей, посвященных А. Вергинскому, А. Галичу, В. Козину, Ю. Морфесси («Желтый ангел», «Страницы любви», «Коммунальная квартира» и другие). К каждому из них он сумел найти свой ключ, свой подход.

Булат Окуджава

Что же касается Окуджавы, то художественная задача, которую Алиев как исполнитель поставил перед собой, представлялась особенно трудной. Ведь Алиев — певец академической школы. В его обширном репертуаре — чуть ли не вся камерная вокальная классика: от миниатюр Шуберта до романсов современных композиторов.

А известно, как настороженно сам Окуджава относился к тому, чтобы его сочинения исполнялись вокалистами-суперпрофессионалами. Услышав, например, как его трактует великолепная певица Жанна Бичевская, он сказал: «Это как-то уж слишком хорошо для моих непрятательных песенок».

Но уже первое обращение Алиева к песням Окуджавы показало — он умеет быть разным. Не только «академиком», но и «музыкальным демократом». Что ему хватает таланта и мастерства там, где это необходимо, как бы микшировать свое мастерство. В соответствии со стилем и духом автора.

Как и в предыдущем своем опусе по произведениям Окуджавы, Валерий Алиев работает в соавторстве с заслуженным работником культуры России Анатолием Лоскутовым (гитара). В концерте также принимает участие Владимир Вавилин (флейта).

В новую программу «Я вновь повстречался с надеждой» вошли многие самые проникновенные и любимые всеми песни Булата Окуджавы. О жизни, надежде и, конечно, — о любви.

«Губернские ведомости» отметили странное действие искусства Алиева на международные отношения.

КОНЦЕРТ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ

... Как раз в тот день, когда в Познани от имени и по поручению чеченских боевиков имело место надругательство над Российским флагом, в Варшаву прибыл музыкально-политический десант из Калининграда — народный артист РФ Валерий Алиев и музыкант Анатолий Лоскутов. В польской столице был объявлен единственный концерт. Как ни странно, на «мероприятие» явился почти весь политический бомонд Варшавы, да так, что яблоку негде было упасть.

Валерий Алиев исполнил фронтовой цикл Булата Окуджавы. Сквозь аплодисменты поляки кричали: «Это не ваш — это наш Окуджава! Когда вы в России его запрещали, мы его печатали!»

— А мы поголовно его пели! — возразил Алиев и перешел ко второму отделению — русским романсам и шансонам Вергинского. И опять ему из зала кричали, что, мол, Вергинский — не ваш, а наш!

— Мы спорим из-за двух гениальных людей — оказывается, у нас много общего! — ответил со сцены Валерий Алиев. И снова сорвал аплодисменты.

Двухчасовой концерт закончился тем, что на фронтах Первой мировой называли «братањем». Если до начала в зале присутствовала только небольшая кучка друзей и поклонников Алиева, то после концерта друзей, бесспорно, у него прибавилось. Расслабленные искусством господа из дипкорпуса по очереди подходил к калининградским десантникам выпить «на брудершафт» и единодушно высказывали мнение, что «пан Алиев и пан Лоскутов выполнили в Варшаве не только важную культурную, но и политическую миссию».

Елена Чиркова.

За Окуджавой пришел черед Галича, другого бардовского аристократа.

ГЛАВА 26. *Евангелие от Галича*

Спектакль об Изгнаннике.

Уроки Галича.

Чтение — дверь в другой мир. Эти двери, числом в сотни, тысячи — как верстовые столбы на его пути. Сначала обожаемый Дюма, в котором так все ясно и просто, и который так славно переносил его из тесной, бедной, но такой уютной брянской квартирки на улице Кооперативной в звенящий золотом и шлагами Париж.

Вот Булгаков с его даденным на одну только ночь «Мастером и Маргаритой»: до утра хоть расшибись, но прочти — за книгой многонедельная очередь. Да и какой сон, когда за окном черные тучи опускаются на Ершалам и на Лысую гору с тремя крестами и умирающими на них арестантами.

А за этой вот дверью — стойкий жар, тонкая отрава невыносимой любви Гумберта-Гумберта к нежной Лолите.

Миря, к которым Валерий не может не возвращаться . . .

Но вот дверь, из-за которой тянет такой выстраданной соцреальностью, что хоть волком вой. Александр Галич.

Валерий пел его, как пели почти на каждой кухне необъятной страны. Да, — жестко, жестоко — но верно.

Прошли годы — и он снова у той двери. И уже под броню лет, которая казалось ему такой прочной, — снова попадают прямо в цель слова-стрэлы опального барда. Нет, ничто в нем не устарело, не заржавел ни один наконечник. Не спеть хотя бы часть этого трудного наследия Валерию уже казалось невозможным. Так появился спектакль по Галичу — «Коммунальная квартира».

Снова помогали артисты драмтеатра — Тахир Матеулин, Альберт Арнгольц, Валентина Галич (кстати, племянница барда), Марина Минакова, Вячеслав Пономаренко, Сергей Чернов, легкий на подъем гитарист Лоскутов. Но — опять же магия не только голоса — одним пожатием плеч, неброским жестом, небрежным и упрямым движением, которым отбрасывал волосы со лба, Алиев сам умел создать осаждаемый эффект присутствия Изгнанника.

Уже давно поклонники того или иного барда взяли за правило подражать кумиру своему во всем — в голосе, интонации, манере, в итоге — не столько исполняя Учителя, сколько пародируя его. Чутье мастера, знающего тонкий,

180 как острие, золотой срез меры, помогло Валерию и на этот раз избежать одномерности.

И публика единодушно признала: это — *подлинник*. Признала и критика.

Почему Галич до сих пор остается на сцене персоной нон грата? Да потому что — кровоточит, потому что ни на день не устарели маленькие комедии, в сумме дающие хоть и одну, зато мега-трагедию. Слушать его все еще больно. Валерий понимал, что петь эти вещи и легко, и трудно. Легко — потому что и он, как Галич, был артистом-актером: тысячи моноспектаклей в виде песен, романсов, баллад отточили в нем мастерство — не перевоплощения, но превращения, — умения одной интонацией нарисовать целый мир, густо населенный живыми, а главное, *живущими* людьми. Чары эти больше, чем волшебство: твари, вызванные волшбой, не отбрасывают тени, но образы, которые появляются перед нами из невидимой субстанции голоса, мысли, сердца — объемны, они обжигают, заставляют вас любить их или ненавидеть. Трудно — потому что и здесь расход душевных сил превышал и так уже завышенную норму.

Не слишком много песен Галича вместилось в один спектакль, созданный Валерием Алиевым. Но они бросали публику то в холод, то в жар эпохи, называемой Оттепелью.

«Галич так и останется ключом к поколению шестидесятников...» — писали в «Губернских ведомостях». — Кое-как изданные книжки Самиздата, зачитанные до прозрачности, благословляли на конфликты с обществом и партией, служили неким паролем для народа честного, но вредного, были чем-то вроде аттестата зрелости. Гражданской.

Поэтому возвращение Галича — не просто ностальгия... Конечно же, сцене органного зала трудно поспорить с обаянием тесной прокуренной кухни — местом рождения песен и стихов... местом, где оттачивались мушкетерские шпаги и где получали удар меча по плечу достойные. Конечно, Галич не стал бы петь в органном зале — скромный был человек и верил, что каждому свое: Божье — Богу, бацово — Баю, ну, а нам, человекам, — по делам нашим. Однако, что ж прикажете делать — площадок в Калининграде мало, да и подходит они больше для встреч кандидатов с избирателями, нежели для концертов и спектаклей, подобных этому.

Нарушен был и еще один принцип Галича — для врагов он не пел. Вообще, предпочитал камерное исполнение, простите за калам-

Евангелие от Галича

бур, — и чтоб в камере все свои были, В органном зале своих было, наверное, с половину. При аншлаге это не так уж мало — с соответственным количеством инакомыслящих (некоторая часть в ожидании действия ностальгически любовалась транспарантами «Пятилетку — в четыре года!» и «Слава КПСС!», а также вполголоса подпевала знакомым песенкам вроде «Утро красит нежным светом» и «Дети разных народов»).

Нет, пароль, друзья и единомышленники, остался прежним, и ключ не заржал: стихи и песни Галича на некоторое время вернули нас во время оно — только уже умудренных той истиной, что желанья недостижимы, идеалы имеют характер оборотней и «абсолютного счастья не бывает». Но клянусь — пароль д'оннёр — мы стали в этот час моложе, честнее и милосерднее, чужая (так ли?) боль раскаленной иглой вошла под кожу...

В общем, очищение состоялось... И сам товарищ Галич был до боли родным. И не важно, что и голос был иным, и внешность «получившее», но чего душа просила, то и случилось: на некоторое время Алиева не стало — исчез, растворился, вместо него был Галич, изгнаник и властитель, распятый и на час воскресший. Недаром обещал: «Я вернусь». Ну, а что вернулся в неподходящей компании — ведь это было и при той жизни: обязательно что-то не так...»

Елена Чиркова, «Дмитрия Донского», 1.

Что творится в душе артиста, когда он осознает, что зал весь ему подчинен, что еще немного — и он может подобно Гаммельнскому Крысолову повести за собой покорную толпу?

Валерий иногда сам страшился этой власти — когда в нем оживал дух Аристократа бардовского жанра. Выручал высочайший профессионализм, нехватка которого и стубила столько самодеятельных талантов на Руси. Трезвый и чуть циничный взгляд профессионала возвращал его с опасной дороги, по которой не всегда возвращаются назад, начавши путь из в точки В1 в точку В2.

Люди глупые не приемлют истины ни в каком виде, иначе как «сто грамм под огурец». Люди знающие готовы пустить истину — но не дальние прихожей. Потому что достаточно мудры, чтобы вовремя задать себе вопрос — как можно продолжать уютное существование, если Истина приносит с собою клубы морозного воздуха и сквозняки из черт знает каких глубин мироздания.

182 нья, если она колется, царапает, мешает осознавать себя благополучным. В отличие от Окуджавы, которого принимают всегда и все... или почти все, Галич по-прежнему остается Изгнаниником. Даже после смерти.

Это одна из причин, почему Валерий Алиев сделал три программы по Окуджаве и только одну — по Галичу. Пока.

В Варшаве к Валерию подошел взволнованный русский:

— Это потрясающее, но мы с вами синхронно работали над одной и той же темой. Я о Галиче и о Вергинском...

Это был Лев Аннинский, «золотое перо» московской публицистики. Редкий случай слияния идей и душ: Валерий и Лев забыли про время в разговоре о больших и малых истинах, о масках, которые имеют коварную привычку намеренно врастать в лики, лица, рыла... О выдумщиках, которые, играя, создают и рушат миры... О хрупкости самой вечной и нетленной штуки — любви и о ее обратной стороне, такой же вечной и нетленной.

На память о встрече у Валерия осталось два журнала со статьями Льва Аннинского, на которых он надписал «На память Валерию Алиеву... в благодарность за Искусство».

ГЛАВА 27. «Филармония, дольче мелодия»

*Губернаторы — хорошие и разные.
Опасное предложение. Августы конюини.
«Зеркало революции». Сдвинул...*

«Чтоб вам жить в эпоху перемен!» — гласит древнее китайское проклятие. «Слава Богу, живем хорошо, безо всякого интересу», — говорили на Руси. Людям второй половины XX века крупно не повезло — живут они не только «интересно», но и в эпоху перемен. Артисты, самые неприкаянные Божьи создания, — о, ужас! — вовлекаются в политику и даже в администрирование.

Валерий никак не ожидал, что очередные выборы столь круто изменят его жизнь.

Губернатор Юрий Семенович Маточкин благоволил известному артисту, его часто можно было видеть на концертах в первом ряду — редкий случай, когда власть предержащие не только любили, но и понимали искусство.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Я очень редко обращался к вышестоящим руководителям со своими просьбами. Даже если я чувствовал, или был уверен, что мне обязательно помогут. Я привык дорожить дружбой порядочных людей и боялся, что мои просьбы могут нарушить эти отношения. С детства и по сей день я привыкправляться со своими проблемами сам. Юрия Семеновича Маточкина я уважал и тогда, когда он был губернатором, и после того, как он проиграл на очередных выборах. Я не скрывал своего отношения к нему даже тогда, когда многие его соратники после этого фиаско постарались от него «дистанцироваться» (термин новой политики!). Он и сегодня — постоянный зритель на моих концертах, и мы с Володей рады каждой встрече с ним.

Правда, любить и помогать для человека, несколько отстоящего от бытия масс, далеко не одно и то же. Но Валерий и сам ни о чем не просил — пока не дошел до крайней точки, когда гордость начинает подумывать о некоем компромиссе. А в те дни он по-настоящему бедствовал.

После очередного разбирательства «кто есть кто и кто кого ест» Алиев хлопнул дверью филармонии и основал свой собственный театр музыки. Став-

184 вил свои спектакли, гастролировал, выступал в роли продюсера. Но то, что хорошо для души, не всегда хорошо для кармана. Прибыль золотой пылью оседала в чужих карманах. Угнетало и то, что за хлопотами о хлебе наущном он не мог петь. Да и где? Аренда залов забирала всю выручку без остатка.

И тогда он впервые отважился попросить денег. Вернее, не денег — статуса служащего, чтобы «установить» свой театр и, став служащим, получать хоть какую-то зарплату за то, что он умеет делать так хорошо.

Губернский музыкальный театр? Юрий Семенович, не задумываясь, поддержал это предложение, и на замечание юриста о «неправомочности такого решения» резко возразил:

— Алиев у нас один и мы должны ему помочь. Если это не вписывается в какие-то законы, надо сделать так, чтобы было все по закону.

Казалось бы, пожелание начальства — приказ для подчиненного. Но не тут-то было. Вице-губернатор по социальным вопросам, профессор местного университета Ирина Сергеевна Кузнецова и председатель регионального центра искусств Григорий Жезмер тут же эту губернаторскую неосторожность пресекли:

— Какой такой театр? В Калининграде никто такого театра не знает... Да у нас и на уже существующие коллективы денег не хватает!

(*К слову о театре, которого «в Калининграде никто не знает»: звание народного артиста России Валерий Алиев получил именно за работу в Экспериментальном театре музыки. Так и написано в Указе, подписанным Борисом Ельциным. Так в Москве увидели то, что отказывались принимать за действительность местные чиновники в Калининграде.*)

Что ж, с властями не спорят, и Валерий ни на кого не держал зла. Напротив, на очередных губернаторских выборах он вновь открыто голосовал за Маточкина. Но победу одержал его соперник — начальник рыбного порта Леонид Горбенко.

«Ну, сейчас начнется! — приготовился Валерий к новым неприятностям. — Уж лучше податься куда-нибудь от греха подальше». Кругой характер нового губернатора в городе был хорошо известен. Валерий решил не испытывать большую судьбу в родном городе, а воспользоваться многочисленными предложениями его друзей из других регионов. Там была и работа, и доброе человеческое отношение. Но перед самым отъездом Валерий был приглашен «на ковер» к новому руководству области.

Дальнейшее развитие противоречило обычной политической логике.
«Филармония, дольче мелодия»

— Мне сказали, что вы собираетесь уехать из Калининграда, — вице-губернатор Иван Пименов внимательно следил за выражением лица артиста. — Не спорьте: я знаю, что вы никому об этом не говорили. Но ведь собираетесь уехать, правда?

Валерий молча кивнул. Он действительно никому еще не сказал о своих планах.

— Так вот, — если мы назначим вас директором филармонии... вы останетесь?

Валерий замер. Такого он не ожидал и в самом страшном сне.

А впрочем, почему бы и нет? Раз уж он директор и актер Экспериментального театра, то не провести ли эксперимент по преобразованию вечного оппозиционера в благонамеренного чиновника? Хотя насчет благих намерений — никто не настаивает на том, чтобы они совпадали с намерениями власть предержащих...

Чиновник? Да. Хотите культуры? Дайте сначала овса! И началась перестройка, ускорение и что-то там еще, некогда провозглашенное крушителем оплота социализма, только в масштабах отдельно взятой филармонии.

Проваленные и нечистые туалеты, протекающие трубы и истлевшие полы и стены, орган и крыша над органом — все пришло в упадок, и было вычеркнуто новым директором из действительности. Началась новая жизнь. И не только снаружи. Валерий поездил предостаточно и видел большие и малые филармонии снаружи и изнутри.

От того, что родная калининградская филармония превращается малопомалу в богадельню, в место, где после нудного действа можно оживиться в антракте при помощи стопки водки и бутерброда, где на поток поставлен конвейер «Музыкальных ступеней», неотвратимо пропускавший через себя все школы и всех школьников до единого, в ужасе потом вспоминавших о перенесенном испытании, — от этого закипала душа.

Революция грянула для многих в филармонии неожиданно — новый директор повел кругую политику поворота от либкеза к настоящему искусству. В обиход вошли концерты ведущих исполнителей России, концерты артистов Большого и Мариинского театров, которые не ленились давать и мастер-классы для студентов музыкального колледжа и артистов филармонии. Последним пришлось вспомнить консерваторские достижения и юношеские идеалы, чтобы получить — господи, пронеси! — аттестацию в собственном заведении, в котором столько лет было пусто, бедно, зато тихо и уютно. Ну, приходилось колоть орехи королевской печатью на заплеванных

186 подневольными школярами «Музыкальных ступеней», — так это же массовость, план, зарплата и даже место во Всероссийском конкурсе деятелей искусств «Окно в Россию!» По отчетам все это выглядело даже симпатично...

И вдруг такой переполох!

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Массового увольнения, которым пугали работников филармонии, конечно же, не произошло. К моменту моего прихода почти все артисты музыкального лектория имели высшую категорию, которую могли заслужить только ведущие мастера сцены. Я всегда был против уравниловки в искусстве, равенство здесь — абсурд: есть люди талантливые и работоспособные, они, естественно, должны и получать больше. А есть либо просто откровенные бездарь, либо те, кто выработал за многие годы свой и без того небольшой творческий материал и уже мало на что способен. И я решил провести аттестацию творческого состава.

По Уставу филармонии я мог изменить существующие разряды самолично. Однако, чтобы избежать ненужных разговоров и обвинений, я создал аттестационную комиссию, которую возглавила выдающаяся камерная певица, профессор Российской Академии музыки имени Гнесиных Надежда Юрьевна Юреньева. Вместе с ней в комиссии работали солистка Москонцерта, заслуженная артистка России Вера Небольсина и ведущие калининградские музыканты: заслуженные артисты России пианист Владимир Слободян, руководитель духового оркестра Станислав Штатнов, композитор и музыко-вед Николай Лутанский, музыкoved Елена Романова.

Итоги аттестации все расставили по своим местам, хотя были неожиданны даже для меня, готового к самому худшему. На местном уровне все, по обычаю, гладили друг друга по шерстке, чтобы в следующий раз самому не попасть под тяжелую руку обиженных — московские же гости действовали без оглядок. Калининградцы тоже выдержали тон, ни разу не сфальшивив и честно оценив каждого аттестуемого.

У многих артистов были понижены разряды. Несогласные с решением комиссии подали заявление на увольнение и потом все свои оставшиеся силы направили на сочинение обличительных писем, которыми забрасывали газеты и вышестоящие органы. По городу

«Филармония, долче мелодия»

пошла молва, что новый директор лютует. Но отзывы комиссии, состоящей из высоких профессионалов (в которую я, кстати, даже не входил) не оставляют места сомнениям: оценки были крайне суровы, но справедливы. Анисимов В. В. — поет немузыкально, звук стерп, много вокальных погрешностей: дикционные, интонационные. Не рекомендуется сольный концерт, не соответствует нынешнему разряду. Мосолова Г. А. (заслуженная артистка России) — голос трещит, tremolирует, дрожит, плохой вкус. Въезды в ноты, выкрики. Пост на гортанным призвуке, большая вибрация. Не рекомендуется петь сольные программы. Рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшей профессиональной деятельности. Цветков О. Г. — очень скован, паника перед залом, петь вредно для здоровья. Не рекомендуется выступать на сцене в связи с полной профессиональной несостоятельностью. Суханов Н. А. (органист) — проблемы ритмические, артикуляционные, ритм меняется в зависимости от степени сложности попадания на клавишу. Ощущение дискомфорта, много гула. Не соответствует разряду.

Ну и так далее.

В итоге филармония избавилась от балласта, а те, кто остался, кажется, поняли, что зрителю нужны не былье заслуги, а профессиональная работа с полной отдачей. Я благодарен им всем за понимание и добросовестный труд.

Вряд ли удастся перечислить здесь всех калининградских музыкантов, не забыв упомянуть кого-нибудь из тех, с кем мне посчастливилось поработать за эти годы. Конечно же, это Владимир Слободян, Нина Ботвиновская, Анатолий Лоскутов, Зиновий Разу, о которых уже много в этой книге писалось.

Это скрипач Александр Андреев, руководитель и дирижер замечательного калининградского камерного оркестра, в котором в подавляющем большинстве играют прекрасные музыканты — его ученики. Андреев не только талантливый руководитель, но и великолепный скрипач, с ним охотно сотрудничают многие наши звезды, например скрипачка Ирина Бочкова, известные российские и зарубежные дирижеры.

Это дирижер калининградского симфонического оркестра Аркадий Фельдман, человек огромной энергии и таланта, вечно переполненный новыми идеями, которые он успешно претворяет в жизнь.

Это народный артист России, замечательный драматический актер Тахир Матеулин, с которым мы вместе работали во многих моих проектах. Тахир учили меня правильной сценической речи и азам режиссуры, он властвует на сцене, но настолько же, на мой взгляд, мало приспособлен к современной жизни: слишком талантлив и честен.

Это замечательные дирижеры калининградского духового оркестра Станислав Штатнов и Эдуард Гантовский. Много лет я с удовольствием работаю с этим коллективом. Это хормейстер Инга Швец, возглавившая лучший в регионе профессиональный хор, и многие другие, которых я не упомянул здесь и за что приношу им свои извинения и слова искренней благодарности за сотрудничество.

Филармония и вправду ожила. Артист Алиев, наступив на горло собственной песне, отложил заманчивые гастроли, отказался от лестных предложений и занялся дрессурой. В первую очередь — собственной.

ЗЕРКАЛО:

— В это нелегкое время, бреясь, он отводил от меня глаза, стараясь не встретиться взглядом со своим отражением. Казалось бы, те же брови, нос, щеки, впадинки под скулами, но — взгляд! Но — твердо сжатый рот! Впрочем, долго разглядывать себя некогда: день расписан по минутам, нужно сделать столько звонков, побывать в стольких кабинетах, — и уже не тем гордым и независимым артистом Алиевым, а Алиевым-чиновником, которого можно похлопать по плечу, с удовольствием вглядываясь, как у него в этот момент вздрагивают уголки губ, расширяются ноздри, — терпи, брат, нынче и тебя почти взнудили!

Я знал, что эта узда ненадолго, — будет тебе, брат, Хироксима, и чем дольше ты все это терпишь, — тем больший взрыв потрясет тебя и окрестности.

Вкус власти — страшная вещь: к нему привыкают, как к наркотику. Власть над близкими ломала и не таких, но в тебе я уверено — выдержишь, потому что у тебя есть нечто большее, чем власть администрация, светская...

Алиев терпел, потому что видел — огромная замшелая машина сдвинулась с места. Терпел, потому что в филармонию валом повалил зритель, и не только дрожащие от старости ровесницы революции, но и молодежь, ради которой и стоило затевать генеральную уборку авгиевых конюшен.

«Филармония, долче мелодия»

— Пап, ребята говорят, что ты у меня молодчина — такие классные программы делаешь! — говорила дочка, прибегая с занятий в музыкальном колледже. — Даешь контрамарок? Они ужасно хотят на завтрашний концерт, а билеты распроданы.

Валерий в такие минуты готов был и на остальные одиннадцать подвигов Геракла, — такие признания говорили о многом . . .

Калининградцы стали привыкать, что в филармонии можно получить удовольствие незаурядное. Впервые в ее истории публика раскупала абонементы на весь год — просто так билеты и впрямь достать было трудно. Вошли в моду вечера с хит-коктейлями, музыка и шампанское — что еще нужно было для новогоднего праздника или Рождественских вечеров? Обычно год заканчивался его собственным сольным концертом.

«Алиев — наше достояние» — писали газеты и, слава богу, это достояние было сохранено для нашей области.

Вот что писала региональная газета «Свободная Зона»:

НАМ ПОВЕЗЛО НА АЛИЕВА

Если бы меня спросили о достопримечательностях Калининграда, пожалуй, я назвала бы не архитектурный памятник, а имя народного артиста России Валерия Алиева. ...Я, как и многие его поклонники и почитатели, считаю, что Калининграду крупно повезло: много лет этот певец с мягким, глубоким голосом, со строгой классической манерой пения — наш земляк.

Для культурного калининградца Валерий Алиев то же самое, что Сметанников для Саратова, Штоколов — для Санкт-Петербурга. Ну разве что в манере исполнения есть несходство. Сметанников поет, что называется, на публику. Штоколов, наоборот, весь уходит в себя. Алиев же — то, что называют золотой серединой. И мы имеем редкую возможность — прийти и послушать настоящую музыку, со-прикоснуться с настоящим высоким искусством. После его концертов уходишь просветленным, словно соприкоснулся с чем-то недосыпаемо прекрасным.

Эльвира Леонидова

ГЛАВА 28. «Чу, осень, псовая охота...»

Ну, очень разные губернаторы.

Совет Старого Инструмента.

Траяля. Бомба для председателя. Зеркало.

«Орфей спускается в ад». Полет над суетой.

Все познается в сравнении. Меняются времена, моды, политики. Наступил 2000 год. И местная власть в очередной раз сменила свой фасон: на сменил просторному пиджаку начальника рыбного порта явился китель адмирала Балтийского флота.

Алиев почувствовал дружное ровное давление, подобного которому пока не испытывал. А ведь были рисковые моменты, когда он публично пускался в откровения по поводу того, что творится здесь с культурой и около нее, нисколько не считаясь, что на этот счет думало начальство, — поэтому и не ходил в придворных музыкантах. Всякое действие равно противодействию, но от реакции на его выступления выручала любовь публики. Имя, если угодно.

В этот раз все было по-другому — и противники явились иные, и — устал.

ЗЕРКАЛО:

— Три года, входя в свой директорский кабинет, он старался не смотреть в мою сторону. Зеркальная поверхность старого инструмента, чуть затуманенная дымкой лет и печали, отражает его порывистые движения, строгий пробор черных, как вороново крыло, волос, лезвие ослепительно белого воротничка... «Антиварная вещь, никто не берется отреставрировать, настроить... Нужен очень хороший мастер из Питера» — вот одно простительное объяснение, которое удерживает его от того, чтобы отставить все намеченные в этот день дела и броситься, как в омут, в то, что давно его точит изнутри. Этот инструмент, голос которого так близок тембру самого Валерия, рассстроен оттого, что он, властелин звуков, вынужден молчать долгими годами.

— Прикоснись ко мне, разбуди от страшной летаргии — и ты возродишься вместе со мной, созревший для новой жизни, новой страсти, — молча кричит старинное фортельяно.

Валерий отводит глаза. Не сегодня. В другой раз. Прости. И его подхватывает быстрое течение ежедневной повинности. Инструмент,

«Чу, осень, псовая охота...»

вздохнув, обреченно погружается в свой столетний сон-морок, наполненный старыми звуками, давно забытыми, отзывающимися голосами...

ИЗ ДНЕВНИКОВ

К концу срока моего контракта, я понял, что вряд ли смогу продолжать работать дальше. С каждым днем я все более отчетливо понимал, что мои усилия никому не нужны. Руководству важны были цифры на бумаге, горы какой-то абсолютно ненужной документации, отчеты, но никак не реальные дела, направленные в сторону того, ради кого мы и существуем — в сторону нашего слушателя, зрителя. Все то многое, что удалось сделать за три года, было сделано не благодаря, а вопреки действующему руководству. Особенно тяжко стало после прихода к власти «свадебного адмирала» и его окружения с их специфическим мышлением. Здесь было бесполезно твердить о чем-то высоком. Я вновь почувствовал себя «одиноким волком».

Трех лет директорства филармонией Алиеву хватило предстательно: с такой тоской почувствовал, что уже не остается времени для собственного творчества, что все его усилия преобразователя — всего лишь волна, разбивающаяся о каменную глыбу чиновничьей рутины. Но у волны — века, тысячи лет. А у него... Если бы люди знали свой срок, нужны были бы им боги? Взрыв не был внезапным, тлеющий нерв бикфордова шнуря отсчитывал весь трехлетний срок — дни, часы, секунды — вместе с его пульсом.

Поэтому...

ЗЕРКАЛО:

Он впервые задерживает долгий взгляд на старом инструменте, подходит, открывает крышку и, щадя его гордость, не касается растертых клавиш.

Сегодня, — говорит он, улыбаясь. — Сейчас. Спасибо тебе за урок. — Он вслушивается в эхо голоса, слегка затронувшее надорванные струны и благородное дерево немого друга. Легкая печаль почти не видна чужому глазу, но я-то знаю его хорошо, — лучше, чем знает себя он сам. Ничто в его шагах, спокойном жесте, которым он берет чистый лист бумаги, не говорит о его решении. Он достает ручку и аккуратно, как писал диктанты в доме своей учительницы, пишет заявление — «Прошу уво-

192 лить...» Уволить от незаслуженных унижений, вечного противостояния, от дурно пахнущих интриг, от вас, господа хорошие... Прощай-те. И, не оглядываясь, но помня о навсегда замершем инструменте, аккуратно затворяет за собой дверь. Тяжелую на этот раз, словно дверь в склеп.

Революция бескровной быть не может — приходилось отказываться от услуг людей несостоятельных, искать новые таланты. И балласт, скопившийся за спиной, «жахнул» тротилом. Альпийская лавина, накрывающая собою деревни, людей, стирающая с лица земли леса и скалы, ничто перед цепной реакцией Большой стаи в пылу охоты. Как-то вдруг валом обрушились подметные письма, жалобы, за которые начальство исправно, со сладострастием таскало его «на ковер».

То вдруг сенсация — кто-то перед самым концертом позвонил, чтобы сообщить, что в органном зале заложена бомба. Бомбу, само собой, не нашли, но зато вылили ушат грязной клеветы — мол, обнаружилась подпольная студия, где Алиев штамповала собственные CD*. Кому нужно было знать, что диски изготовлены в Москве, что вся документация в полнейшем порядке, — те молчали. Оправдываться, что не вор?

Валерий замкнулся, еще больше погрузился в работу, чтобы успеть выполнить хотя бы самое важное из своих планов, отстранившись от всего, что могло бы отвлечь, боясь не выдюжить безумного напряжения, обстановки подозрительности.

Зеркало было право — в один из дней, чувствуя, что его, как спящего Гулливера, опутывают миллионами канатов, Алиев решился — торопясь, чтобы, не дай бог, никто его не остановил, он навсегда закрыл за собой дверь директорского кабинета. Взяв за правило никогда не превышать скорости, что бы ни случилось, он аккуратно доехал до «культурного управления», правильно припарковал машину и спокойным шагом поднялся к белой двери приемной. Вежливо подал заявление об уходе, так же вежливо, по-голливудски улыбнувшись, выслушал ахи и охи начальника Управления и без лишних слов откланялся. Если бы смерч, бушевавший внутри, мог закрутить существующих вокруг него «культурных дам», все они уже парили бы над грешною землей, лихорадочно роясь в уме в поисках уважительных причин для последнего отчета перед Высшим Судием.

Ну, уволился так уволился, казалось бы, все получили свое. Однако исчезновение «ююющего директора» из теплого (как считали обычатели) кресла

«У, осень, псовая охота...»

вызвала в народе толки. Пресса тут же слетелась на скандал, и Алиев, не лукавя, объяснил истинные причины своего поступка, как обычно, не выбросив из песни ни одного слова.

Все, что раньше прощалось известному певцу, никак не могло сойти с рук директору государственной структуры, пусть и с пометкой «бывший».

Началась травля!

«Чу, осень, псовая охота...» В этом увлекательном занятии ему выпала роль красной дичи. Началось обычно: мелкие уколы со стороны чиновников Управления культуры, упрекавших его в бездеятельности, в плохом характере и плохом руководстве, в конфликте с коллективом. Ложь, лицемерие — ради того, чтобы замутить воду в маленьком филармоническом аквариуме перед тем, как приняться ловить рыбку.

Боже правый, если бы наши руководители были бы так же изобретательны в своих повседневных делах, как в делах нечистых, мы давно жили бы в раю! Но эта изобретательность появляется для основного их инстинкта — самосохранения. Под рукой у начальства такого образца всегда есть люди, готовые за крошки с барского стола сделать любую подлость. Нужна только команда «фас». Ее дали.

И вот в областной газете появляется иезуитски жалостливое письмо. Один из бывших артистов филармонии, подвзающийся администратором музыкального театра, возопил о тяжелой жизни местных театров и артистов. А виноват, дескать, во всем бывший директор филармонии, который угрозами и давлением отобрал у администрации все деньги, предназначенные «для культуры», не оставив никому ничего. Далее он пространно перечислил все его тяжкие грехи: обман, тяжелый характер и прочая, и прочая.

Но выстрел пропал зря — уж очень бросались в глаза белые нитки на черном шитье. Музыканты же в большинстве своем посмеивались — льва узнают по когтям, крыс — по испражнениям. (*Хотя для автора письма польза от этого выстрела все же была: в компенсацию за свой публичный позор спустя некоторое время он получит от администрации свои «тридцать сребренников» — освободившееся кресло директора филармонии.*)

Но это было только прелюдией. Вслед за неудавшейся газетной атакой в ход пошла тяжелая артиллерия. Администрация области, имеющая в своем распоряжении милицию, УБЭПы, УБОПы, налоговую полицию и прочие эффективные средства для укрощения строптивых, ввела их в игру.

Как и во все времена, в каждой организации или коллективе есть люди,

194 которых раньше называли коротко и точно — «стукачи». Они докладывают в Органы все, что происходит, или все, что тем нужно доложить. И в филармонии не обошлось без этих «бойцов невидимого фронта», стряпающих доносы в лучших традициях Советского Союза образца 1937 года. Впрочем, и методы у нынешних Органов остались по образцу того же года: слежка, прослушивание всех телефонных разговоров. Только в отличие от тех лет сегодня все это делается гораздо более нагло, но менее профессионально.

Под Валерием дымилась земля — бесконечно, под надуманными предлогами вызывали его и близких ему людей для бесед в здание бывшего Кенигсбергского гестапо, часами допрашивали... Без устали испытывали его на прочность: вот, подвернем еще здесь, закоротим там, отрежем туточки, ударим вот по этому чувствительному месту. Множество больших и малых сплетен с комариным упорством вились вокруг, жалили, мерли и нарождались дюжинами против прежнего. Тем, кто их распускал по долгу службы или из врожденной склонности, важно было, чтобы в головах людей засела мысль: «а может быть, наше руководство все-таки не до такой степени тупоголово, может быть, действительно, Алиев того-с...». Люди с готовностью верят в плохое.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Это было действенней, чем газетные «утки», проливающие слезы над поруганным искусством. На этот раз опять помогла пресса: мне дали возможность открыто выступить и рассказать правду о том, что происходит. Свои страницы предоставила газета «Новые колеса», газета, по-разному воспринимаемая калининградцами, но никогда не боявшаяся печатать откровенные материалы.

В эти дни мой домашний телефон не замолкал ни на минуту. Спасибо всем калининградцам, кто в эти морально тяжелые для меня дни нашел в себе смелость и поддержал меня.

Но были и такие, кто старался все эти месяцы всячески избегать любой встречи или разговора со мной. К счастью, таких оказалось немного. И, стараясь найти какое-то оправдание их трусости или, точнее, предательству, вспоминаю слова одной замечательной актрисы нашего областного драматического: «Страшно: если уж с народными артистами так, то что может быть с простыми смертными!»

«Чувство осени, псовая охота...»

Но я думаю, страшно другое: что это происходит сейчас, уже в постперестроечное время, во время всеобщей свободы и демократии.

Задумаемся, господа!

Год продолжалась эта жестокая забава.

«Кто ищет, тот всегда найдет» — золотой принцип любых контролеров. Увы, на этот раз их ждало разочарование: поиски закончились тем, чем и обречены были закончиться — ничем.

Валерия переполняла горечь. Весь год хлеб и вода отдавали для него полынью — обычное дело для того, чьи плоды, взращенные в поте лица, попали в чужие, не слишком чистые руки...

Когда к самому сердцу подкатывалась черная тоска, Валерий шел со своим писом Орфеем в рощи, подальше от людей, где его никто не мог бы встретить. «Орфей спускается в ад», — криво улыбался он жене, уходя в такие минуты из дома.

Человек — инструмент тонкий, сломать его не так уж трудно. Артист, годами оттачивающий свое восприятие, чтобы передать слушателю целую палитру чувств, — тоныще стократ. Могли бы помочь сильные мира сего, которые его знали и ценили, но Алиев о помощи никого не просил.

Филармония — сложное сообщество. Собрание личностей, которые никак не желают сложиться в коллектив. Обычная для артистической среды зависть, ревность, соперничество. В Калининграде же все эти отношения усугубляются тем, что здесь, в этом «островном государстве», на первое место в любом деле выходят не мастерство и талант, а протекционизм и местечковая самоуверенность, доходящие до абсурда.

«Се — человек...»

Только окончательно отряхнув прах филармонии со своих ног, он понял, как драгоценен урок, преподанный госпожой Фортуной и Старым Инструментом. Ну, останься он директором и дальше — сколько бы он смог продержаться на наклонной плоскости этого лобного места? Свобода дороже такого хлеба.

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Дожив почти до пенсии, я не перестаю удивляться тому, что получаю деньги за удовольствие, доставляемое, прежде всего, самому себе. Я рад, что после трехлетнего перерыва, связанного с моим

директорством, я вновь целиком посвятил себя любимому делу. Конечно, и эти три года я не прерывал концертную деятельность, но не мог отдаваться ей стопроцентно. А только за последние два года я вновь смог побывать во многих странах Европы и в нашей так называемой глубинке.

Непередаваемый восторг от встреч с нашим зрителем! Незабываемые встречи на родной Брянщине, родине Блантера, замечательные фестивали музыки в Астрахани, Омске, Кисловодске. Концерты в далекой Тыве, возвратившие нас на несколько дней в мир шестидесятых годов, со своими не только минусами, но и плюсами.

Возможно, именно прошедшее трехлетие толкнуло меня на проведение первого Калининградского Пасхального фестиваля, главная цель которого — духовность и доброта во всех сферах нашей жизни. И мэрия Калининграда, и наша Епархия поддержали эту идею, и фестиваль прошел блестательно, полностью выполнив свою задачу.

И настоящее открытие для меня — Алтай! За свою долгую гастрольную жизнь, объехав всю нашу страну, я впервые посетил этот фантастический край с добрыми и умными людьми, с непередаваемой красоты природой...

Замечательный фестиваль «Песни Иткульского лета» на озере Иткуль, палаточный городок, где жили участники из многих регионов, атмосфера музыки и любви на фоне русской природы...

После таких встреч появляется надежда, что не все в нашем Отечестве так уж плохо, что есть еще и настоящие люди, а значит, можно и нужно верить в светлое будущее (пусть даже очень далекое!).

ГЛАВА 29. Власть

(самая короткая)

Что умному человеку во власти?
Где ее нерукотворные источи?
Наказание это или награда?
И какова плата за нее?

Порой в час сумерек он словно уходит в тень прошедшего дня — осмыслить, взвесить на невидимых весах все, что было послано ему Высшей Логикой, ходом вещей. Логика — или абсурд?

Старые, как мир, слова: «Кому много дается, с того много и спросится». Да, ему был дан голос. И был дан редчайший шанс осознать ценность и ответственность этого редкого дара. Что было бы, если бы этот шанс был упущен?

Литейный цех, а при его стремлении быть во всем первым, — возможно, и целый завод. И, вероятнее всего, — вечный голод по чему-то непонятому, неосуществленному, несостоявшемуся, — обычная расплата рабов, зарывших талант в землю. В отличие от виноградной косточки, такие вещи прорастают не вином радости, но вином гнева . . .

Нет, по-иному жизнь была бы невозможна!

Дорогой дар потребовал неимоверных вложений. Дар тот — как сказочная птица, которая взяла царевича в полет с условием, что он будет кормить ее собственным мясом. Так оно в жизни и вышло.

Та, первая власть над залом, когда девчонки на брянских танцплощадках замирали, завидев «того самого Алиева», — была только обещанием всего, что грядет *потом*. Недорогого она стоила.

А ради *потом*, неверного *завтра*, пришлось платить нескончаемую дорожную пошлину: Валерий облетел и объездил из конца в конец легендарную «одну шестую часть суши», как горделиво именовался СССР в учебниках по географии, зарабатывая свой не слишком-то мягкий кусок хлеба и небрежно отстраняя «большая и малая» радости жизни, подобно аскету, отвергающему чашу риса ради призрачной нирваны.

Дороже, чем другим, кого Фортуна баловала с пеленок, пришлось Валерию платить и оттого, что карьера его началась слишком поздно по меркам артистического мира. Но и в этом была своя светлая сторона — будь он моложе, он мог бы ошибиться в выборе — а выбор предлагался уж слишком

198 широк! Вспомнить только ярмарку талантов в Астрахани... Опера? Другой город? Другие декорации? — и пьеса была бы с совсем другими действующими лицами, другим сюжетом, а значит, и совсем про другое...

А пошлина, которая непосильна для людей с легким веселым сердцем, отмеченных звездой во лбу, — вечное проклятие (или вечный рай?) одиночества.

Валерий утратил эту легкость и веселье в двенадцать лет, когда умерла мама. Как бы ни был легкомыслен человек, в день такой утраты холодок никем не закрываемой пропасти веет прямо в незащищенное сердце. Страшная потеря. Но одновременно и приобретение — ответственности перед Вечностью и детьми, этой нелегкой дорожной сумы. Может быть, потому и взвешен, обдуман каждый его шаг — при южной-то «огнеопасной» натуре и страсти победителя по призванию...

Власть. Две ипостаси этого опасного феномена испытывал Валерий — власть мирскую, светскую, ту, которую принято обозначать кнутом, пряниками и прочими атрибутами, кои можно пощупать, — и власть иного рода, которая поднимает выше, чем огненные серафимовы крылья.

Администратор — и властелин сердец, — что весомее? Что дороже?

Опыт, «сын ошибок трудных», не раз заставлял дрожать и падать с металлическим лязгом чаши весов, с помощью которых человек выбирает свою долю. Руководство филармонией оставило во рту вкус полынной горечи — административный идеал еще менее достижим, благодаря той самой причине, по которой Горбачев плюнул на перестройку: мол, с таким народом ее не сделать, а другого не дано.

Ну, а альтернативный вариант — власть над душами — страдает другим существенным недостатком: души-то не у всех есть. Положим, все и не нужны, — и сегодня он может шутя подчинить любой зал в любой стране.

Горечь же, и немалая, припасена и в этой чаше — судьба и жизнь артиста неверна, особенно в такой стране, как Россия, где в обычай плакать над тем, что потеряли и торопиться с запоздальными розами.

И все же... из вечера в вечер он совершает бесконечное восхождение в высокий рай музыки и чувств, ведя за собой бесчисленных подданных и зная, что рай этот — всего лишь мгновенье.

Власть

ГЛАВА 30. Интервью времени

(из дневников)

За долгие годы творческой жизни мне пришлось давать огромное количество всевозможных интервью. Обычно вопросы повторялись, например, «ваши творческие планы», или «как вы начали петь». Но иногда встречались вопросы более интересные.

Если собрать их все, то получилось бы такое своеобразное «Интервью времени», которое сейчас перед вами:

1. Кем вы мечтали стать в детстве?

Художником, астрономом. До сих пор люблю подолгу смотреть на звездное небо.

2. Всегда ли Вы говорите то, о чем думаете?

Практически всегда, отчего постоянно получаю по голове.

3. Как Вы реагируете на общественное мнение?

Меня больше волнует не общественное мнение, а собственная совесть. Стараюсь никогда не идти на сделки с ней.

4. Как Вы относитесь к астрологическим прогнозам?

Сkeptически и игнорирую полностью, из всей астрологии знаю только, что я — Овен.

5. Вы по природе «сова» или «жаворонок»?

Я по природе — «трудоголик»: могу работать далеко за полночь, а встать — рано утром.

6. Что Вы больше всего цените в людях вообще и в женщинах в частности?

На первом месте — ум, далее — верность и надежность. Для женщины добавил бы — женственность, которую губит эмансипация.

7. Чего Вы не терпите в людях?

Обмана, подлости, лицемерия, трусости.

8. Вы человек «злопамятный» или нет?

К сожалению, скорее «да», чем нет. Могу человеку простить подлость или обиду, но часто не могу забыть.

9. Ваша заветная мечта?

Мечта с детства, не такая уж сложная, но по разным причинам до сих пор невыполнимая: путешествие с друзьями на плоту по реке, как у Джерома.

200

10. Что Вы считаете своим достоинством?

Трудолюбие.

11. Ваш самый большой недостаток?

Неумение отдыхать.

12. Ваши любимые писатели и поэты?

Писатели — Гоголь, Нагибин, Вилис Лашис, Джером. Поэт — Василий Федоров. Любимых книг много. Но пристрастия меняются с возрастом, от «Трех мушкетеров» и «Старика Хоттабыча» до Булгакова и Ремарка.

13. Ваша «настольная книга»?

«Золотой теленок» Ильфа и Петрова и «Собачье сердце» Булгакова.

14. Ваши личные музыкальные привязанности?

Шуберт, Глинка, Шостакович.

15. Чем Вы любите заниматься в свободное время?

Ничего не делать. Но этого практически никогда не бывает.

16. Как Вы относитесь к праздникам?

Все праздники делю на такие вот категории: «нормальных» праздников два — Новый год и Рождество. «Памятный», который надо чтить, — День Победы. «Странный» — 8 Марта: почему именно в этот день надо делать женщине приятное? Для этого есть 365 дней. «Нелюбимый» — собственный день рождения. Но поздравлять и делать подарки другим люблю. Все остальные — «пустые».

17. Бываете ли Вы недовольны собой?

Больше, чем хотелось бы.

18. Любимое время года, цветы и цвета?

Конечно, начало весны с первыми листочками и солнцем. Цветы — ландыши, желтые розы. Цвета нравятся любые пастельные, не режущие глаз.

19. Кем или чем определяется артистическое долголетие?

Самим артистом. Как только почувствуешь собственную слабость — надо уходить со сцены. Жалость зрителя — это страшно. Надо уходить, оставаясь в памяти зрителей полным сил и таланта.

20. Есть ли у Вас особое пристрастие к какой-либо еде?

Очень люблю вкусно поесть: люблю пирожные, торты, пирожки, и вообще все печеное, грибы в любом виде, из мяса — баранина, люблю солянки, украинские борщи, люблю морепродукты. А еще в неограниченном количестве могу есть... макароны.

21. Бывает ли «тяжелый» зритель?

В основном все зависит от исполнителя. Он обязан «зажечь» любого зрителя. Хотя встречается категория абсолютно «неподдающихся». После такого концерта уходишь особенно уставшим.

«Интервью временем»

22. Ваше отношение к табаку, спиртному?

Я не курю. Из спиртного предпочитаю красные французские сухие вина, из крепких напитков — текила и хороший армянский или французский коньяк. Правда, все в очень скромных дозах.

23. Кто готовит Вас на сцену, есть ли у Вас свой стилист, парикмахер?

Стилиста нет, полагаюсь на собственный вкус и мнение жены. Есть постоянный парикмахер и массажист. Эти две замечательные женщины делают все возможное, а порой и невозможное, чтобы я радовал зрителей не только хорошим пением, но и внешним видом.

24. Ваши любимые фильмы и актеры?

«Римские каникулы» с Одри Хепберн и «Женитьба Бальзаминова». Олег Борисов, Евгений Лебедев, Олег Даль и многие другие.

25. Вы человек конфликтный или нет?

Скорее нет, но для дурака или хама никогда не подыскиваю синонима.

26. От чего Вы устаете?

От ожидания.

27. Бывает ли у Вас плохое настроение, если «да», то что Вы делаете, чтобы его исправить?

Стараюсь не испортить его другим и переключиться на что-нибудь необязательное, например, сесть за компьютер или завалиться с книгой и забыть обо всем плохом. А иногда еду к морю. Это лучше любого успокоительного.

28. Чего Вы боитесь?

Стать ненужным.

29. Что Вас радует в жизни?

Сама жизнь. Утренний запах свежего воздуха, запах свежеиспеченного хлеба, звуки природы. Люблю шум: шум города, звук телевизора, радио, льющейся из крана воды — причем все одновременно.

30. В детстве Вы были пионером, комсомольцем?

Я прошел все эти ступени и вспоминаю об этом времени как об очень счастливом.

31. Где бы Вы мечтали побывать?

На другой планете.

32. Верите ли Вы в Бога?

Я верю в судьбу. Уверен, что каждому человеку в жизни что-то предопределено свыше, что-то над нами есть, что иногда выручает или совершенно неожиданно подталкивает к чему-то, что происходит независимо от воли и желания человека.

33. Самый счастливый день в Вашей жизни?

Их пока два: 15 октября и 6 апреля — дни, когда родились мои дети.

34. С каким животным или птицей вы себя ассоциируете?

У меня есть собака — русский черный терьер. Он умный, преданный, добрый и сильный. Думаю, что любимый пес — моя точная копия. А птица, скорее всего — филин.

35. Какую одежду Вы предпочитаете?

В которой мне удобно и легко: джинсы, свитера. Редко (и вынужденно) надеваю галстук, смокинг.

36. Вы гордитесь своим званием «народный артист»?

Горжусь, потому что считаю его вполне заслуженным. В то же время я абсолютно убежден, что все звания надо вообще убрать. У артиста должно быть имя и лицо. Хотя в нашей стране звания играют еще определенную роль в жизни любого артиста.

37. Есть ли у Вас враги?

Как у всякого порядочного человека. Врагов не бывает только у лицемера и у идиота.

38. Ваш певческий дар — это «дар божий» или что-то другое?

Это исключительно заслуга моих педагогов и огромный труд.

39. Вы считаете себя патриотом своей страны?

Если считать патриотом того, кто орет, что мы живем в великой державе и по-прежнему «впереди планеты всей», то я не патриот. Нельзя быть патриотом страны, где властвуют силовые структуры и бандиты. Но если в слово «патриот» вкладывать смысл непримирения с тем, что творится, стремление что-то в стране изменить в лучшую сторону, то тогда я — патриот.

40. Что Вы думаете об известном утверждении, что нужно любить искусство в себе, а не себя в искусстве?

То, что надо любить искусство в себе — это ясно. Но как же можно не любить себя в искусстве? Тщеславие и некое любование собой — это естественное свойство любого артиста. Если этого не будет — не будет одной из главных движущих сил творчества.

41. Есть ли у Вас кумиры?

Кумиров нет, есть идеалы. Кумир — это слепое обожание, фанатизм. Идеал — это объект стремления, а не обожествления. Идеалы есть — Зара Долуханова, Борис Гмыря, Фишер Дискау.

42. Пользуетесь ли Вы косметикой, парфюмерией?

Как любой нормальный современный мужчина. Считаю, что от мужчины должно веять не только умом и силой, но и приятным дорогим парфюром. Одеколон предпочитаю французский — «Cacharel», «Baldessarini» (линия «Hugo Boss»), а косметику — «Nivea».

43. Чувствуете ли Вы свой возраст?

Естественно, но меня это ничуть не огорчает. Отношусь к этому философски.

44. Приходилось ли Вам сталкиваться в жизни с предательством?

Меня часто предавали даже те, кого я считал порядочными людьми: ради карьеры, ради денег, собственных благ. Это навсегда отучило меня откровенничать.

45. Считаете ли Вы себя авантюристом человеком?

Да. Авантюризм в творчестве — это определенный эмоциональный настрой, честолюбие, поиск чего-то нового. Без этого нельзя.

46. Какие, на Ваш взгляд, основные приметы 60-х годов и наших дней?

Приметы 60-х годов — это ребенок в чистой песочнице с болтающимся на шее ключом от квартиры и Булат Окуджава. Приметы наших дней — это использованные шприцы в подъездах и дети с банкой пива в руках.

47. Верно ли, что для творческой карьеры главное — талант?

Не всегда. Человек средних способностей, но с хорошей головой и самооценкой может достичь больших результатов, нежели действительно одаренный, но слабохарактерный и недалекий.

48. Вы много поете о любви. Имеется ли при этом в воображении конкретный объект?

Обязательно, иначе это будет не страсть, а нечто тоскливо-дистиллированное.

49. Занимаетесь ли Вы спортом?

Увы, только бег с собакой утром и вечером. На большее времени не хватает, да и лень.

50. Что Вас огорчает больше всего?

Невозможность вернуться в детство.

51. Ваша самая большая мечта, пусть даже несбыточная?

Жить долго и в счастливой стране.

52. Что такое счастье?

Словами героини книги Г. Матвеева «Семнадцатилетние», любимой книги моего детства: счастье — это когда тебя понимают. Могу добавить: когда ты кому-то нужен.

А счастье артиста — это радость на лицах зрителей.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

(постлюдия)

О ЛИЧНОМ

Я очень люблю всех своих родственников, всех без исключения, с их достоинствами и недостатками. Но на первом месте, конечно же, мои дети.

Это мой сын Андрей, уже самостоятельный, вполне взрослый мужчина, которого я люблю с каждым годом все больше и больше. Может быть, здесь оказывается некая недоданность ему этой любви в детстве, когда я был очень молод, чрезмерно занят своими проблемами и просто неопытным отцом. И сейчас, когда Андрей повзросел и ему частенько приходится очень трудно в этой жизни, я пытаюсь всеми силами чем-то помочь ему. Уверен, что вместе мы сможем преодолеть все трудности.

Это моя дочь Анюта, самое дорогое, что у меня есть на свете. Мне кажется, что у нее вообще нет недостатков, хотя, конечно же, это просто слепая отцовская любовь. Если бы была такая возможность, я бы раскрыл над ней зонтик, который защитил бы ее от любых неприятностей. Но пока такого зонтика нет, его роль стараюсь выполнять я.

А еще у нас появился Орфей. Нет, не певец, а русский черный терьер, лучшая собака на свете. Его появление фатально. Судьбе было угодно, чтобы я зашел в кабинет к Ольге Шаровой, заместителю главного редактора «Калининградской правды», именно в тот момент, когда она объясняла кому-то по телефону, что у ее собаки Жерики родилось два щенка (всего!), «суперэлитных». Войди я к ней на пять секунд позже, я бы не услышал это разговора, и ни о какой собаке речь не зашла бы. Но я появился секунда в секунду. Еще не зная, о какой породе идет речь, я заинтересовался словами «суперэлитные». Это было по мне. А дальше — цепочка совпадений.

Во-первых, щенок родился не просто в год моего пятидесятилетия, но и в тот же день. Во-вторых, по родословной его имя должно было начинаться на букву О. Ну разве у певца может быть собака с именем, не связанным с пением? Конечно, в голову пришло имя сразу же, вокальное — Орфей.

Узнав, что папаша щенков — знаменитый интерчемпион по кличке Варяг, привезенный несколько лет назад из московского питомника, мы тут же поехали на смотрины. Из двух щенков один сразу подбежал к нам. Выбор был сделан им.

Вместо послесловия

Сейчас нашему «мальчишу» два с половиной года, весит он за семьдесят килограммов, довольно избалован, добр, ласков со своими, но такой охранник и защитник, что дверь в квартиру можно не запирать: вряд ли найдется самоубийца, решивший проникнуть в дом без желания хозяев. На выставках он получает заслуженные награды, стал чемпионом России. В этом большая заслуга Кати Демидюк, которая занимается его воспитанием. Но главное не в этих наградах. С появлением Орфея исполнилась еще одна моя мечта, которая была у меня с самого раннего детства — иметь собаку.

Я люблю своих родственников, может быть, потому, что их не так-то много. Мне очень хорошо оттого, что есть, кого любить, что можно кому-то помочь, что и мне мои родные всегда готовы прийти на помощь или просто, позвонив, спросить о делах.

Дай им Бог всем здоровья.

P.S. Пока книга готовилась в печать, в биографии нашего героя появилась еще одна памятная дата — 22 августа 2003 года.

В этот день у Валерия родилась еще одна дочка. Мария. Жизнь продолжается!!!

Краткие биографические сведения

- 1951** — родился в поселке Шувеляны Азербайджанской Республики
(15 апреля)
- 1963** — переехал с семьей в город Брянск
- 1966** — окончил 8 классов средней школы и поступил в Брянский политехнический техникум по специальности «литейное производство черных металлов»
- 1968** — сдал экстерном экзамены за среднюю школу и поступил в Брянский политехнический институт
- 1968** — начало занятий пением в оперной студии ДК БМЗ у Н. А. Петерсон
- 1970** — окончил Брянский политехнический техникум и начал работать мастером литейного производства Брянского стальзавода
- 1972** — солист ансамбля ПВО Московского военного округа
- 1973** — солист ВИА «Степные тюльпаны» Тургайской областной филармонии (г. Аркалык, Казахстан)
- 1974** — подготовительное отделение Горьковской государственной консерватории им. М. Глинки, первая встреча с Иофель Е. К.
- 1976** — поступил на первый курс Горьковской консерватории
- 1979** — начало конкурсных баталий: первое участие в конкурсе вокалистов им. М. Глинки в Таллинне
- 1980** — лауреат Всероссийского конкурса советской песни в Сочи
- 1981** — лауреат Всесоюзного конкурса исполнителей советской песни в Днепропетровске
- 1981** — окончил Горьковскую консерваторию. Первый сольный концерт в Калининграде с концертмейстером В. Слободяном
- 1982** — лауреат Первого Всероссийского конкурса камерного пения в Ленинграде
- 1982** — первая гастрольная поездка на фестиваль в Тюмени в группе В. Казенина
- 1982** — первый сольный концерт в Баку по приглашению маэстро Ниязи
- 1984** — лауреат конкурса вокалистов им. М. Глинки в Ереване
- 1984** — лауреат премии Ленинского комсомола Калининградской области
- 1985** — первые фондовые записи на Всесоюзном радио
- 1986** — дипломант международного конкурса им. Ф. Виньяса в Барселоне
- 1987** — исполнение басовой партии в «Реквиеме» Верди в Барселоне
- 1987** — закончена работа над «Антологией мирового романса» (40 концертных программ)

Краткие биографические сведения

- 1988** — запись на пластинку кантаты Терезы Прокаччини «Giudizio de Solomone» с Ольштынским симфоническим оркестром (Польша) и хором «Gran Sesso» (Италия)
- 1988** — удостоен звания «Заслуженный артист РСФСР»
- 1989** — запись на пластинку оперы Т. Прокаччини «La prima notte» и Мессы G-dur. Ф. Шуберта с Ольштынским симфоническим оркестром
- 1989** — первая работа в жюри: Всероссийский конкурс вокалистов им. М. Мусоргского
- 1989** — фоновая запись вокального цикла Ф. Шуберта «Лебединая песня»
- 1991** — лауреат фестиваля духовной музыки «Gaudе Mater» в Польше
- 1992** — создан Экспериментальный театр музыки Валерия Алиева
- 1992** — первый международный конкурс камерного пения «Янтарный соловей»
- 1992** — премьера монооперы Ю. Буцко «Записки сумасшедшего» в Калининграде
- 1993** — первый сольный концерт в Колонном зале Дома Союзов с эстрадно-симфоническим оркестром под управлением М. Кажлаева
- 1993** — первое участие в работе жюри конкурса вокалистов им. М. Глинки в Смоленске
- 1994** — премьера музыкального спектакля «Желтый ангел» по песням А. Вертиńskiego
- 1997** — запись фильма «Песенки Александра Вертинского» на Польском телевидении
- 1997** — первое представление монооперы Ю. Буцко «Записки сумасшедшего» в ГАБТе России
- 1997** — премьера спектакля «Коммунальная квартира» по произведению А. Галича
- 1999** — назначен директором и художественным руководителем Калининградской областной филармонии
- 1999** — удостоен звания «Народный артист России»
- 1999** — премьера программы «Песни Булата Окуджавы»
- 2001** — лауреат премии «Вдохновение»
- 2002** — оставил пост директора Калининградской филармонии
- 2002** — при поддержке компании «ЛУКОЙЛ—Калининградморнефть» создан «Театр-студия Валерия Алиева»

Приложения и комментарии

Стр. 40

Шпиллер Наталья Дмитриевна (1909—1995), певица (лирическое сопрано), в прошлом — солистка Большого театра СССР, народная артистка России, трижды лауреат Государственной премии СССР, с 1963 года — профессор РАМ им. Гнесиных.

Стр. 93

Бюль-Бюль (1897—1961), настоящие имя и фамилия — Муртуза Мешади Рза оглы Мамедов, один из основоположников Азербайджанского современного музыкального театра, лирико-драматический тенор, работал солистом Азербайджанского театра оперы и балета, профессором Азербайджанской консерватории, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР.

Стр. 100

Франсиско Виньяс (1863—1933), испанский певец, драматический тенор, снискавший популярность исполнением главных партий в операх Р. Вагнера. С громадным успехом дебютировал в роли Лоэнгринна на сцене Gran Teatro del Liseo в 1888 году. Конкурс его имени был учрежден в 1964 году дочерью артиста.

Стр. 101

«Мессия» — оратория Г. Генделя (1685—1759). Написана в 1742 г.

Стр. 104

Ди Стефано, Джузеппе (род. в 1921 г.) — выдающийся современный итальянский оперный певец-актер. Обладатель очень красивого тенора. Постоянный партнер М. Каллас. Лучшие партии: Эдгар, Неморино («Любовный напиток»), Каварадосси («Тоска»), Де Грие («Манон» и «Манон Леско») и многие другие.

Стр. 105

Это слова из статьи И. Архиповой «Значительный успех» об итогах конкурса в Барселоне, опубликованной в журнале «Советская музыка» (июль, 1987 г.)

Стр. 106

«Реквием» итальянского композитора Дж. Верди написан в 1873 г. и посвящен памяти одного из крупнейших итальянских писателей XIX в. — Мандзони.

Стр. 117

Благодаря «Антологии» калининградские слушатели имели возможность соприкоснуться с редкими сокровищами мировой камерной классики даже раньше столичных центров.

Однажды, в начале 1986 года, центральная газета «Советская культура» поместила заметку о том, что впервые за последние сто лет прозвучал целиком вокальный цикл М. Глинки «Прощание с Петербургом». Прозвучал в одном из залов Москвы. Это действительно было событием по любым меркам.

Но... В провинциальном Калининграде этот цикл прозвучал — целиком! — на полгода раньше: на сцене Калининградской филармонии его исполнили В. Алиев и В. Слободян. Немного обиженный, Валерий написал письмо в газету, с просьбой прояснить ситуацию. Буквально через неделю пришел ответ:

«Уважаемый товарищ Алиев,

вероятно, Вы правы, нам надо было уточнить, что именно в Москве не звучал сто лет цикл М. Глинки «Прощание с Петербургом». Об этом и говорила лектор-искусствовед, ведущая концерт в Октябрьском зале Дома Союзов.

Редакция будет рада информации о концертах из цикла «Антология мирового романса».

*С уважением
зам. редактора по отделу писем Н. Дашевич.*

Стр. 120

Калинников Василий Сергеевич (1866—1900), продолжатель традиций «Могучей кучки», автор 2 симфоний, симф. картины «Кедр и пальма», фортепианных и вокальных произведений. Для истинных почитателей творчества В. Калинникова сообщаем, что его уникальные письма можно найти в двухтомнике «Василий Калинников. Письма, документы, материалы», Гос. музыкальное издательство, Москва, 1959 год.

Дерзайте. Желаем удачи.

Стр. 129

На время выхода книги в печать, Валерий Алиев работал в жюри XV конкурса, проходившего на родине М. Глинки, в Смоленске (1993 г.), XVII конкурса — в Самаре (1997 г.) и XIX конкурса — в Челябинске (2001 г.).

Стр. 139

Кроме перечисленных, в разные годы лауреатами конкурса «Янтарный соловей» были: А. Аулаусву, О. Воробьеву, Е. Либерову, Д. Соловьеву, В. Цареву, В. Албатаеву, Д. Трапезникову, М. Липинскую, М. Силину, О. Федькушову, С. Трифонову, Ли Ен Сон, Д. Куржмаските, В. Байкову, Р. Вайщекаускайте, И. Макарову. Дипломанты конкурса: М. Кизин, Е. Морозова, Л. Новожилова, Л. Рачкаускайте, М. Василевич, Т. Горохова, Е. Кичигина, В. Курбатская, Нгуен Суань Тхань, И. Филаткина, И. Щербинина, Л. Дер-

210 кач, Т. Забирова, З. Карандакова, А. Олех, Е. Сало, Хо Ен Ын, А. Воронина, Е. Щербина, Л. Лазарчик-Сахацкая, Г. Мурзиева, З. Миндаугас, Е. Василенко, И. Мартынова, Н. Воронкина.

Стр. 143

Кажлаев Мурад Магомедович (р. 1931), композитор, народный артист СССР, автор первого дагестанского балета «Горянка», симфонических, джазовых, фортепианных и других произведений. С 1989 года главный дирижер и худ. руководитель Большого концертного оркестра Гос. телерадиокомпании.

Стр. 151

Вячеслав Кухолев, прекрасный скрипач, который выручил спектакль «Желтый ангел» в мае 1995 года, «с листа» исполнив роль Владеско. Сейчас работает в Смоленской филармонии, в должности художественного руководителя.

Стр. 155

Телевизионный фильм «Романса трепетные звуки», ГТРК «Янтарь», 1986 год.

Автор сценария и режиссер — В. Котовский, ведущий оператор — В. Булдаков, операторы — В. Бессараб, И. Фоминов, П. Шатохин, звукорежиссер — И. Мурахвер, ассистент режиссера — М. Ромась.

Стр. 156

«Песенки Александра Вертиńskiego», ГТРК «Янтарь», 2003 год.

Режиссер — Т. Краснокутская, операторы — И. Фоминов, В. Сараев, звукорежиссер — Г. Волкова, монтаж — М. Цейко, В. Сафонов.

Стр. 164

Здесь и в дальнейших письмах жирным курсивом выделено автором.

Стр. 192

Компакт-диски «Юбилейный альбом Валерия Алиева» были изготовлены московским агентством «Звук», что подтверждалось находящимися в филармонии документами. Это оказалось хорошим подарком всем меломанам, о выпуске CD было широко заявлено и в центральной прессе и в калининградских СМИ. Тем более странной явились на этом праздничном фоне «находка» калининградских чекистов.

Приложения и комментарии

Диско́графия

Сольные диски

«В МИРЕ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ». Лирические песни композитора Владислава Казенина

А-PRIM-STUDIO 2000 (CD)

1. Любовь (И. Шаферан).
2. Мечты (Ф. Лаубе).
3. Песня двух сердец (А. Братов).
4. Верю в неизбежность (Ф. Лаубе).
5. В мире есть любовь (В. Дагуров).
6. Потеря (Ф. Лаубе).
7. Лирические настроения.
8. Глаза любви (Ф. Лаубе).
9. Качели (Ф. Лаубе).
10. Мамадышский вальс (В. Алиев).
11. Родина Грина (Ф. Лаубе).
12. Смеркается (Я. Гальперина).
13. Коктейль-блуз.
14. Песня Гюйса из мюзикла «Карнавал свободы».
15. Куплеты Хлюста из мюзикла «Карнавал свободы».
16. Ария Алексея из музыкальной комедии «Люблю ли тебя».
17. «Звездный полет» из музыки к к/ф «Чудо с косичками».
18. Ария Чокана из мюзикла «Любина роща».
19. Тост Госневского из мюзикла «Любина роща».
20. Музыкальная постлюдия.

Аранжировка, инструментальные партии — С. Аверин.

«НЕ УХОДИ». Поэт Валерий Алиев (лирические песни прошлых лет)

А-PRIM-STUDIO 2000 (CD)

1. Осень.
2. Первое апреля.
3. Черные глаза.
4. Ночной разговор.
5. Татьяна.

6. Три года ты мне снилась.

7. Голубые глаза.

8. Последнее танго.

Аранжировка, звукорежиссер — Н. Резников.

«ВАЛЕРИЙ АЛИЕВ. ИЗБРАННОЕ» (обиленый альбом)

2001, AGENTUR ZVUK (2CD)

CD1. (ZV 16-20581/1)

М. ГЛИНКА

1. Давно ли роскошно ты розой цвела (Н. Кукольник).
2. Рыцарский романс (Н. Кукольник).
3. Уснули голубые (Н. Кукольник).
4. Стансы (Н. Кукольник).
5. Как сладко с тобою мне быть (П. Рындин).
6. Не говори, что сердцу больно (Н. Павлов).
7. Сомнение (Н. Кукольник).
8. Признание (А. Пушкин).
9. К Молли (Н. Кукольник).
10. Полутная песня (Н. Кукольник).

А ДАРГОМЫЖСКИЙ.

11. Оделась туманами Сиерра-Невада (В. Широков).
12. Юноша и дева (А. Пушкин).

ВАС. КАЛИННИКОВ.

13. На старом кургане (И. Никитин).
14. Я желал бы свои песни (Г. Гейне).
15. Не спрашивай, зачем (А. Пушкин).
16. Я ли тебя, моя радость (Г. Гейне).
17. Молитва (А. Плещеев).
18. Был старый король (Г. Гейне).
19. Когда жизнь гнетут и страданья, и муки (Поливанов).
20. Нам звезды краткие сияли (А. Плещеев).

21. Колокола (К. Р.).
22. Письмо П. Бларамбергу.

A. ГРЕЧАНИНОВ.

23. Цветок засохший (А. Пушкин).
24. Дай ручку, дорогая (Р. Бернс).
25. Порывом ветра яростным (Р. Бернс).
26. Острою секирой (А. К. Толстой).
27. Степью иду я унылой (А. Плещеев).
Общее время — 71.17.

Партия фортепиано — Владимир Слободян.

CD2 (ZV 16-20581/2)*Д. ШОСТАКОВИЧ.*

Пять романсов на стихи Е. Долматовского:

1. День встречи.
2. День признаний.
3. День обид.
4. День радости.
5. День воспоминаний.

В. КАЗЕНИН.

Из вокального цикла «Веселые и грустные песни» (ст. Р. Бернса, пер. С. Маршака):

6. Песня солдата.
7. Давно ли цветел...
8. Песня лудильщика.
9. Поцелуй.

М. МУСОРГСКИЙ.

Вокальный цикл «Песни и пляски смерти» (сл. А. Голенищева-Кутузова):

10. Кольбельная.
11. Серенада.
12. Трепак.
13. Полководец.

C. ТАНЕЕВ.

14. Бьется сердце беспокойное (Н. Некрасов).
15. В дымке-невидимке (А. Фет).
16. Когда, кружась, осенние листы (Л. Стеклетти, пер. Л. Эллиса).
17. Фонтаны (Ж. Роденбах, пер. Л. Эллиса).
18. Не ветер, вея с высоты (А. Толстой).

*Дискография**D. АРАКИШВИЛИ.*

19. На холмах Грузии (А. Пушкин).
20. Еще так много струн (Г. Галина).
21. Об аробной песне (Г. Кучишвили, пер. В. Гвиниашвили).

A. МЕЛИКОВ.

Из вокального цикла на слова Н. Хикмета (пер. М. Павловой):

22. Кольбельная.
 23. Снова о тебе.
 24. Я снова стал невыносимым.
- Общее время — 66.26

Партия фортепиано — Владимир Слободян.

«ВАЛЕРИЙ АЛИЕВ. ИЗБРАННОЕ»**(юбилейный альбом)**

2001, AGENTUR ZVUK (CD)

ZV 16-20582*Ф. ШЛУБЕРТ.*

Вокальный цикл «Лебединая песня»:

1. Вестник любви (сл. Л. Рельштаба).
 2. Предчувствие воина (сл. Л. Рельштаба).
 3. Весенние мечты (сл. Л. Рельштаба).
 4. Вечерняя серенада (сл. Л. Рельштаба).
 5. Приют (сл. Л. Рельштаба).
 6. На чужбине (сл. Л. Рельштаба).
 7. Прощание / Отъезд (сл. Л. Рельштаба).
 8. Атлант (сл. Г. Гейне).
 9. Ее портрет (сл. Г. Гейне).
 10. Рыбачка (сл. Г. Гейне).
 11. Город (сл. Г. Гейне).
 12. У моря (сл. Г. Гейне).
 13. Двойник (сл. Г. Гейне).
 14. Голубиная почта (сл. И. Зейдель).
- Общее время — 51.11

Партия фортепиано — Владимир Слободян

АВТОРСКИЕ СБОРНИКИ
КОМПОЗИТОРОВ

«МОЯ ЗЕМЛЯ» .

Песни Владислава Казенина

С 60-23109-003 (1985, Мелодия)

2. Парад победы (сл. Я. Гальперина).
 7. Смеркается (сл. Я. Гальперина).
 10. Любовь и бедность (сл. Р. Бернса, пер. С. Маршака).
- Эстрадно-симфонический оркестр Государственного радио СССР, дирижер — А. Петухов.*

«Я ИЩУ ЭТО ВЕРНОЕ СЛОВО».

Песни Касума Магомедова на стихи Расула Гамзатова

С 60-23749-001 (1986, Мелодия)

1. Далалай.
2. Прости.
3. Наши имена.

Эстрадно-симфонический оркестр им. Соловьева-Седого Ленинградского радио и телевидения, дирижер — С. Горковенко.

«ПОДАРИ МНЕ МИГ».

Песни и мелодии Георгия Фиртича

С 60-24793-004 (1986, Мелодия)

1. Листья летят (сл. С. Льясова).
2. Проносятся стрижи (сл. А. Шевелева)

Эстрадно-симфонический оркестр им. Соловьева-Седого Ленинградского радио и телевидения, дирижер — С. Горковенко.

«ЗЕМЛЯ КОСТРОМСКАЯ».

Песни композитора Елены Лебедевой

A-PRIM-STUDIO 1999 (CD)

5. Я покинул родимый дом (сл. С. Есенина).
7. Скажите мне... (сл. Р. Самоловцева).
12. Колыбельная (сл. Р. Самоловцева).

Аранжировщик, звукорежиссер — С. Аверин

«ВЯТСКИЙ СУВЕНИР».

Песни Владислава Казенина

A-PRIM-STUDIO 1999 (CD)

1. Гимн Вятке (сл. Т. Смирновой).
2. Опять домой (сл. А. Шурыгина).
3. Горочки-пригорочки (сл. Ф. Лаубе).
4. Березовая роща (сл. Ф. Лаубе).
6. Родина Грина (сл. Ф. Лаубе).
7. Песенка почтальона (сл. А. Тимофеевского).

10. Аленушка (сл. К. Ваншенкина).

11. Богатыри (сл. К. Ваншенкина).

13. Фронтовые друзья (сл. Я. Гальперина).

14. Смеркается (сл. Я. Гальперина).

15. Глаза любви (сл. Ф. Лаубе).

Эстрадно-симфонический оркестр Государственного радио СССР, дирижер — А. Петухов, аранжировка — С. Аверин

«ВЛАДИСЛАВ КАЗЕНИН.

Вокальная и инструментальная музыка

A-PRIM-STUDIO 2002 (CD)

«Строки Мандельштама», вокальный цикл для голоса и флейты:

1. Звуки.
2. Знакомство.
3. Ты.
4. Молчание.
5. Сон.
6. Ночь.

7. Танчество.

Партитура флейты — Инна Залещикова.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС

КАМЕРНОГО ПЕНИЯ.

Заключительный концерт. Ленинград, 1982 г.

С 10-18367-8 (1982, Мелодия)

Г. Свиридов.

«Русская песня» (сл. народные)

«Как яблочко румян» (сл. Беранже, пер. Курочкина)

Партитура фортепиано — Владимир Слободян

Основные концертные программы, музыкальные спектакли, монооперы

«Антология мирового романса»

40 концертных программ, 860 романсов композиторов 25 стран мира
(*В. Слободян – фортепиано*)

«Желтый ангел» (вариант 1)

спектакль по песням и прозе А. Вертиńskiego
(*Н. Ботвиновская – фортепиано, А. Лоскутов – гитара,
З. Разу – скрипка, артисты обл. драмтеатра*)

«Желтый ангел» (вариант 2)

моноспектакль по песням и прозе А. Вертиńskiego
(*В. Слободян – фортепиано*)

«Коммунальная квартира»

спектакль по песням и прозе А. Галича
(*А. Лоскутов – гитара, артисты обл. драмтеатра*)

«Русская тройка»

концертная программа с ямщицкими песнями России
(*В. Слободян – фортепиано, А. Лоскутов – гитара,
З. Разу – скрипка, Т. Матеулин – стихи*)

«Записки сумасшедшего»

моноопера Ю. Буцко по Н. В. Гоголю
(*В. Слободян – фортепиано*)

«Мне не забыть тебя»

неapolитанские песни
(*В. Слободян – фортепиано, А. Лоскутов – мандолина*)

«Василий Калинников»

музыкальная программа из произведений В. Калинникова
(*Калининградский симфонический оркестр, дирижер – А. Фельдман,
В. Слободян – фортепиано, Т. Матеулин – от автора*)

«От Баха до Вивальди»

Концерт для голоса и органа
(*Р. Каменщикова – орган*)

Основные концертные программы

«Страницы любви»

музыкальный спектакль о В. Козине, Ю. Морфесси, П. Лещенко
(*В. Слободян — фортепиано, А. Лоскутов — гитара, З. Разу — скрипка,
Т. Матеулин — от автора*)

«Вниз по Волге-реке»

программа с Калининградским оркестром русских народных инструментов,
дирижер — А. Лоскутов

«Романсы семейства Шиловских»

История одного дворянского рода
(*В. Слободян — фортепиано*)

«Надежды маленький оркестрик»

программа песен Б. Окуджавы
(*А. Лоскутов — гитара*)

«Я вновь повстречался с надеждой»

программа песен Б. Окуджавы
(*А. Лоскутов — гитара*)

«Нескончаемая серенада»

концертная программа, составленная из серенад разных времен и народов.
(*В. Слободян — фортепиано*)

«Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

моноопера Г. Банщикова по Н. В. Гоголю
(*И. И. — Н. Луганский, И. Н. — В. Алиев, фортепиано — В. Слободян*)

«Эти глаза напротив»

программа из популярных эстрадных песен прошлых лет
(аранжировщик, звукорежиссер — Н. Резников)

216 Оглавление

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (прелюдия)	6
ГЛАВА 1. Оперная студия	10
<i>Зеркало. Деверь в другой мир.</i>	
<i>Нина Александровна Петерсон. Завод.</i>	
<i>«Прощальная гастроль».</i>	
ГЛАВА 2. Небесный камертон	18
<i>Увольнительные в храм.</i>	
<i>Воскресенская церковь.</i>	
<i>Жора. Московские зеркала.</i>	
ГЛАВА 3. «Степные тюльпаны»	22
<i>Аркалыкские ночи.</i>	
<i>Опыт смерти. Ангелы-хранители.</i>	
<i>Письмо. «Не годен».</i>	
ГЛАВА 4. Первые гастроли	29
<i>Зеркало — три женщины.</i>	
<i>«Ад-министр». Лже-Лобода.</i>	
<i>Молодость, голод и слава.</i>	
<i>«И реки, полные вина»</i>	
ГЛАВА 5. Консерватория	34
<i>Церковные университеты.</i>	
<i>Разговор по душам. Горький.</i>	
<i>«Наилегчайший рацион».</i>	
<i>«Что наша жизнь? — Игра».</i>	
<i>Музикальные дворники.</i>	
ГЛАВА 6. Педагоги	40
<i>Иофель и Крестинский.</i>	
<i>Добрый пастор. Первый «чёс».</i>	
ГЛАВА 7. Ярмарка славы	46
<i>«Товар» и «купцы».</i>	
<i>Призвание — камерный. Зеркало.</i>	
<i>Витражное виденье. Слободян.</i>	
ГЛАВА 8. Янтарный край	52
<i>Калининград. Минский шок.</i>	

<i>Начальство. Квартирный вопрос.</i>	
<i>Человек с авоськой.</i>	
<i>Первый духовный.</i>	
ГЛАВА 9. Конкурсы	61
<i>Саратов, Таллинн, Сочи.</i>	
<i>Размышиления о пользе конкурсов.</i>	
ГЛАВА 10. Друг	68
<i>Казенин. О друзьях.</i>	
<i>Случайнаяссоры. Дар бесценный.</i>	
ГЛАВА 11. Дорога без конца	73
<i>«Журавли». Почти что член Политбюро.</i>	
<i>Воздушный преферанс.</i>	
<i>Радость творчества.</i>	
ГЛАВА 12. Лирические отступления	78
<i>Не претендую на аплодисменты,</i>	
<i>которых мне вполне хватает и как певцу,</i>	
<i>я делаю свои маленькие зарисовки с натуры.</i>	
ГЛАВА 13. «Как хороши, как свежи были розы»	87
<i>Еще о конкурсах. Радик Гареев.</i>	
<i>Ленинград. Профессор Райкин.</i>	
ГЛАВА 14. Памятные встречи	93
<i>Ниязи. Розовый город.</i>	
<i>Поддержка директора.</i>	
<i>Зеркало. Поздравление по протоколу.</i>	
ГЛАВА 15. Барселона	100
<i>Уроки Архиповой. Отбор в Тбилиси.</i>	
<i>Объятья Барселоны.</i>	
<i>Триумф советской вокальной школы.</i>	
<i>Ностальгия. «Реквием» Верди.</i>	
ГЛАВА 16. 60 счастливых дней	109
<i>Песни под шторм. Морской вояж.</i>	
ГЛАВА 17. Антология мирового романса	113
<i>Прочь из лектория! Поиски шедевров</i>	
<i>мирового романса.</i>	
<i>Успех. Покорение эфира.</i>	
<i>Ангел со Всесоюзного радио.</i>	

218	ГЛАВА 18. Уроки великой Зары	123
	ГЛАВА 19. По другую сторону «барьера»	127
	<i>Случайная встреча. Приглашение в жюри.</i>	
	<i>Судейское искусство.</i>	
	ГЛАВА 20. Янтарный соловей	131
	<i>Теория волн. Звезда.</i>	
	<i>Вторая волна — «Янтарная».</i>	
	<i>Атмосфера Томмазо Кампанеллы.</i>	
	<i>Уроки вокальных фрессмейстеров</i>	
	<i>«Христос босичком...»</i>	
	ГЛАВА 21. Розы и жетоны	141
	<i>Эфирный кич. Концерт в Колонном.</i>	
	<i>Русский меценат.</i>	
	<i>Любви счастливые моменты.</i>	
	<i>Песни нашей юности. Старые мастера.</i>	
	ГЛАВА 22. Лиловый негр и Желтый ангел	147
	<i>Импрессионизм. Печальный клоун.</i>	
	<i>Начало театра. Ангельские полеты по России</i>	
	<i>и Польше. Польское телевидение.</i>	
	<i>ГТРК «Янтарь».</i>	
	ГЛАВА 23. Ах, Польша...	157
	<i>Улица Фоксаль.</i>	
	<i>«АН-аг» или «коллография».</i>	
	<i>Пейзажемания. Икона Черной Мадонны.</i>	
	<i>Польская тюрьма.</i>	
	ГЛАВА 24. Записки сумасшедшего	164
	<i>Гоголевская музыка. Письма Буцко.</i>	
	<i>ГАБТ России.</i>	
	<i>«Одиночество».</i>	
	ГЛАВА 25. Булат Окуджава	174
	<i>Планета Окуджава.</i>	
	<i>«Чьи вы?» — Дипломатический десант.</i>	
	ГЛАВА 26. Евангелия от Галича	179
	<i>Спектакль об Изгнаннике.</i>	
	<i>Уроки Галича.</i>	

ГЛАВА 27. «Филармония, дольче мелодия»	183
<i>Губернаторы — хорошие и разные.</i>	
<i>Опасное предложение. Августы кончили.</i>	
<i>«Зеркало революции». Сдвинул...</i>	
ГЛАВА 28. «Чу, осень, псовая охота...»	190
<i>Ну, очень разные губернаторы.</i>	
<i>Совет Старого Инструментта.</i>	
<i>Травля. Бомба для председателя.</i>	
<i>Зеркало. «Орфей спускается в ад».</i>	
<i>Полет над суетой.</i>	
ГЛАВА 29 (самая короткая). Власть	197
<i>Что умному человеку во власти?</i>	
<i>Где ее нерукотворные источники?</i>	
<i>Наказание это или награда?</i>	
<i>И какова плата за нее?</i>	
ГЛАВА 30. Интервью времени	199
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ (постлюдия)	204
ПРИЛОЖЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ	208
ДИСКОГРАФИЯ	211
ОСНОВНЫЕ КОНЦЕРТНЫЕ ПРОГРАММЫ	214

2 Зак. 7229	12 Зак. 7229
3 Зак. 7229	13 Зак. 7229
4 Зак. 7229	14 Зак. 7229
5 Зак. 7229	15 Зак. 7229
6 Зак. 7229	16 Зак. 7229
7 Зак. 7229	17 Зак. 7229
8 Зак. 7229	18 Зак. 7229
9 Зак. 7229	19 Зак. 7229
10 Зак. 7229	20 Зак. 7229
11 Зак. 7229	21 Зак. 7229

Елена Владимировна Чиркова

ИМПЕРАТОР РОМАНСА

О жизни и творчестве народного артиста России
Валерия Алиева

Художественный редактор *А. В. Старцев*
Компьютерный дизайн *М. В. Комаровой*
Технический редактор *В. Н. Тонковид*
Корректоры: *Е. В. Таргонская, Ю. В. Конкина*

Подписано к печати 16.10.03. Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Гарамонд.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 1000 экз. Заказ 7229.

Отпечатано в типографии ФГУИПП «Янтарный сказ»,
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.